Lappo, Ivan Ivanovich.

И. И. Лаппо
(бывшій ординарный профессоръ Юрьевскаго Университета)

Западная Россія
и ея соединеніе съ Польшею въ ихъ историческомъ прошломъ

Историческіе Очерки

ПЛАМЯ

Прага
1924

Издательство „Пламя“
въ Прагѣ
подъ общимъ руководствомъ
профессора Е. А. Ляцкаго.

Печатано въ тип. „Легіографія“
Praha II., Revoluční 6.

Предлагаемые читателю очерки представляютъ собою переработку нѣкоторыхъ изъ отдѣловъ курсовъ автора, читанныхъ имъ въ различное время его многолѣтняго университетскаго преподаванія. Для изданія своихъ университетскихъ курсовъ по исторіи Западной Россіи въ ихъ полномъ составѣ авторъ не имѣетъ возможности ни по условіямъ обстановки своей научной работы, ни по условіямъ издательства русскихъ книгъ въ настоящее время. Но онъ думаетъ, что именно небольшого объема книжка, въ которой были бы сведены основные результаты научнаго изслѣдованія въ области вопросовъ, являющихся предметомъ настоящихъ очерковъ, въ данное время положительно необходима. Научное изслѣдованіе историческаго прошлаго Литовско - Русскаго государства и Польши и ихъ былого соединенія совершенно перестроило старыя представленія въ этой области, передававшіяся по традиціи, а отчасти держащіяся еще и теперь. Результаты этого научнаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе историческіе источники документальнаго и литературнаго характера, сохраненные прошлою жизнью для научнаго изученія, неизвѣстны сколько - нибудь широкимъ кругамъ общества, оставаясь достояніемъ только небольшого числа

научныхъ спеціалистовъ. Историческое прошлое Западной Россіи очень мало извѣстно обществу даже русскому, тѣмъ менѣе — обществу другихъ странъ. Недостаточно вниманія отдается ему и въ такъ называемыхъ «общихъ» университетскихъ курсахъ по русской исторіи. А между тѣмъ именно въ настоящее время жизнь выдвинула съ особою настойчивостью потребность отчетливаго знанія того, чѣмъ была Западная Россія.

Очерки «Западная Россія и ея соединеніе съ Польшею въ ихъ историческомъ прошломъ» состоятъ изъ двухъ частей. Въ первой изъ нихъ авторъ старался прослѣдить главные этапы постепеннаго изученія того Края, который получилъ имя Западной Россіи, въ составѣ его основного населенія и въ его историческомъ прошломъ. Во второй части онъ ставилъ своею задачею познакомить читателя съ результатами научнаго изученія прошлой жизни стараго Литовско-Русскаго государства и его соединенія съ Польшею, какъ они накоплены научнымъ изслѣдованіемъ къ настоящему времени. Подстрочныя ссылки на источники и литературу не могли имѣть мѣста въ предлагаемой книжкѣ по ея характеру, какъ въ предназначенной для болѣе или менѣе широкаго круга читателей. Значительную часть соотвѣтствующихъ ссылокъ и цитатъ читатель найдетъ въ спеціальныхъ работахъ автора, обозначенныхъ въ прибавленіи къ книжкѣ, заключающемъ въ себѣ библіографическія указанія.

Выпуская въ свѣтъ свои очерки, авторъ чувствуетъ нравственную потребность принести глубокую благодарность братски-родному Чешскому народу и его правительству, предоставившимъ ему возможность научныхъ занятій въ настоящее тяжелое для него время. Онъ отъ души благодаритъ и администрацію Пражскихъ ученыхъ учрежденій, а особенно библіотеки Чешскаго Народнаго Музея, любезности которой онъ такъ обязанъ во время своей работы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Представленія русскаго общества о Западной Россіи далеко не отличаются опредѣленностью. Необходимо признать вообще весьма ограниченную распространенность въ широкихъ кругахъ русскаго общества знаній о составныхъ частяхъ Россіи, въ ихъ историческомъ прошломъ, и даже отсутствіе серьезнаго интереса къ нимъ. И много причинъ для того, чтобы это было такъ. Одною изъ нихъ является недостаточная разработка научнымъ изслѣдованіемъ областной исторіи того громаднаго государства, которое получило имя Россіи. Но нельзя пройти мимо и того, что общіе труды по русской исторіи, университетскіе ея курсы и, наконецъ, преподаваніе въ средней школѣ до самаго послѣдняго времени строили свое изложеніе по старой традиціи, въ основѣ которой положено изученіе судебъ государства и того народа, который явился его главнымъ создателемъ, т. е. великоруссовъ. При такой постановкѣ остальныя органическія части русскаго народа, т. е. малоруссы и бѣлоруссы, оказались лишь своего рода придаткомъ къ великорусскому племени, а ихъ историческое прошлое — лишь нѣкоторымъ добавленіемъ къ исторіи великорусскаго, т. е. Московскаго, государства, превратившагося въ государство Россійское. А между тѣмъ, первыя страницы русской лѣтописи и первыя главы русской исторіи рисуютъ историческое прошлое именно Запада и Юга Россіи

— Кіевщины, Полоцка, Смоленска, той территоріи, на которой зарождается и развивается старая русская культура, съ ея гражданственностью, уже позднѣе переносимая на территорію образованія великорусскаго племени и его государства.

Переходъ русскихъ Запада и Юга въ составъ Литовскаго и Польскаго государствъ въ эпоху послѣ Монгольскаго завоеванія вычеркивалъ ихъ изъ кругозора общаго историка Россіи, и ихъ присоединеніе къ великорусскому государству въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, со строемъ и культурою, отличными отъ великорусскихъ и выработавшимися за вѣка совмѣстной государственной жизни съ Литвою и Польшею, создавали неизбѣжно неправильное представленіе о нихъ, какъ о чемъ то не родномъ, а достаточно чуждомъ основнымъ чертамъ и физіономіи русскаго народа, которымъ почти стали признавать лишь великоруссовъ.

Такъ совершалась подмѣна цѣлаго его частью, а остальныя части этого цѣлаго оказались какъ бы искусственно связываемыми съ нимъ придатками.

Нѣтъ нужды говорить, насколько неправильна такая постановка, если мы строимъ русскую исторію, а не исторію только великорусскаго государства. Невольно напрашивается вопросъ: почему чехи считаютъ равноправными отдѣлами своей исторіи и эпоху государственнаго существованія Чехіи, и эпоху его утраты подъ нѣмецкою властью? почему поляки съ одинаковымъ правомъ считаютъ своею исторіею и эпоху государственной жизни Польши, и такъ называемую «порозборовую» эпоху, время, наступившее послѣ раздѣловъ Речи Посполитой? почему въ исторіи другихъ народовъ время ихъ завоеванія или присоединенія къ чужимъ государствамъ не вычеркивается

изъ органическаго построенія ихъ исторіи и изучается съ одинаковою полнотою для всего ихъ историческаго прошлаго, и почему исключеніе дѣлается лишь для русскихъ Юга и Запада въ построеніи исторіи русскаго народа, его государства и его культуры? Вопросъ тѣмъ болѣе настойчивый, что эти Югъ и Западъ, въ своихъ частяхъ, отъ почти двухъ съ половиною столѣтій (лѣвый берегъ Днѣпра) до столѣтія съ четвертью (земли, отошедшія къ Россіи по раздѣламъ Речи Посполитой) уже были возсоединены въ одно государство съ остальною частью русскаго народа, т. е. великоруссами, присоединившись къ созданному ими великорусскому государству.

Въ наши дни, когда польскій народъ вновь получилъ возможность организаціи своей національной государственности, отчетливое знаніе того, что представляютъ собою не-польскія земли, нѣкогда бывшія въ соединеніи съ раздѣленною въ XVIII столѣтіи Польшею, пріобрѣтаетъ особое значеніе. Это знаніе необходимо для того, чтобы само новое польское государство было обезпечено счастливымъ развитіемъ въ своемъ будущемъ. Но не менѣе оно необходимо и для Россіи, для русскаго народа, для организаціи его государства и для спокойнаго и цѣлостнаго развитія его культуры послѣ тѣхъ страшныхъ потрясеній, которыя онъ переживаетъ, и тѣхъ великихъ жертвъ, которыя онъ принесъ общему дѣлу человѣчества въ небывалой по размѣрамъ міровой войнѣ.

Что же представляетъ собою въ историческомъ отношеніи такъ называемая Западная Россія? Этимъ именемъ обычно назывались западныя губерніи Россійской Имперіи, безъ Царства Польскаго и Прибалтійскаго Края, т. е. губерніи Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская, а иногда и

Смоленская. Въ отличіе отъ Юго-Запада, Малороссіи, этотъ край назывался и Сѣверо-Западнымъ краемъ Россіи. Основнымъ населеніемъ большинства его губерній является бѣлорусская вѣтвь русскаго народа, нѣкоторыхъ — бѣлоруссы совмѣстно съ литовцами, одной (Ковенской) — литовцы *). Составляя основное населеніе этого Края, русскій и литовскій народы и могутъ считать его своимъ народнымъ достояніемъ. Присоединенъ былъ Край къ Россійской Имперіи по раздѣламъ Речи Посполитой въ 1772, 1793 и 1795 годахъ, территорія Бѣлоруссіи — по первымъ двумъ, Литвы — по третьему **).

---

*) По переписи 1897 года въ Виленской губерніи числилось — бѣлоруссовъ 891.771, литовцевъ 279.720, поляковъ 129.651; въ Витебской — бѣлоруссовъ 788.599, литовцевъ 3.235, поляковъ 50.377; въ Гродненской — бѣлоруссовъ 705.045, литовцевъ 3.366, поляковъ 161.662; въ Ковенской — бѣлоруссовъ 37.798, литовцевъ 1.019.774, поляковъ 139.618; въ Минской — бѣлоруссовъ1.633.091, литовцевъ 376, поляковъ 64.617; въ Могилевской — бѣлоруссовъ 1.389.782, литовцевъ 3.600, поляковъ 17.526. Во всѣхъ шести этихъ губерніяхъ числилось: бѣлоруссовъ 5.546.086, великоруссовъ 565.732, малоруссовъ 379.168, литовцевъ 1.310.071, евреевъ 1.414.151, поляковъ 563.451, латышей 308.429, нѣмцевъ 38.115, другихъ народностей 20.964. Такимъ образомъ, по даннымъ переписи 1891 года въ шести губерніяхъ Сѣверо-Западнаго Края Россіи бѣлоруссы составляли 55% населенія, великоруссы — 5%, малоруссы — 3%, литовцы — 13%, евреи — 14%, поляки — 5%, латыши — 3%, нѣмцы и другія народности — меньше, чѣмъ по 1%.

**) По первому раздѣлу Речи Посполитой Россія получила воеводства Лифляндское, Полоцкое (за исключеніемъ его части на лѣвомъ берегу Двины), Витебское (безъ Оршанскаго повѣта), Мстиславское и часть Минскаго; по второму раздѣлу — часть Виленскаго воеводства, восточную часть воеводствъ Новгородскаго, Берестейскаго и Волынскаго, воеводства Минское, Кіевское и Подолье; по третьему раздѣлу — остальную территорію Великаго Княжества Литовскаго и герцогство Курляндское.

Въ какомъ же положеніи оказались присоединенныя къ Россійской Имперіи западно-русскія земли и чѣмъ представлялись онѣ тогдашнимъ русскимъ правительству и обществу? Это были земли, «присоединенныя отъ Польши». «Отторженная возвратихъ» — провозгласила императрица Екатерина II послѣ второго раздѣла Речи Посполитой, слова, выбитыя и на медали въ память событія. Новое достояніе Россійской Имперіи стало именоваться въ оффиціальныхъ актахъ «присоединенными отъ Польши губерніями». Это «наши западныя губерніи, принадлежавшія раньше Польшѣ», — обозначали ихъ въ Россіи, въ русскомъ обществѣ. Но «отъ Польши» присоединяли тогда къ своимъ государственнымъ территоріямъ земли и Пруссія, и Австрія. Было ли въ Россіи вполнѣ яснымъ сознаніе того, что она не только увеличивала свою территорію, но совершала возсоединеніе племенъ единаго русскаго народа, котораго части были до этого времени раздѣлены между различными государствами? Даже въ Екатерининскомъ афоризмѣ «отторженная возвратихъ» больше слышится торжество старой идеи, нашедшей свое выраженіе въ словахъ Московскаго великаго князя на рубежѣ XV и XVI столѣтій «вся русская земля отъ прародителей нашихъ наша вотчина», чѣмъ сознаніе того, что народъ русскій теперь въ общей своей массѣ образуетъ единое русское государство (правда, еще за исключеніемъ сравнительно небольшой части его — Галичины, Холмщины и совершенно забытой Руси Карпатской).

Такъ національное начало оказалось затушеваннымъ началомъ государственности, а это послѣднее далеко еще не получило яснаго правового опредѣленія даже въ представленіяхъ большинства служилаго сословія, не говоря уже о народныхъ массахъ. Начало

государственности въ этихъ представленіяхъ сходило на старое московское начало вотчинности. Граждане Россіи и подданные ея верховнаго главы обычно сознавали себя больше лишь слугами «матушки - императрицы» и «батюшки - царя», чѣмъ *гражданами* Россіи, членами ея государственнаго союза, находящимися подъ верховною властью главы государства. Что же касается знанія историческаго прошлаго Западной Россіи, то его невозможно было и требовать отъ русскаго общества того времени, ибо имъ не обладала даже и тогдашняя, только что нарождавшаяся русская историческая наука. А образованные верхи русскаго общества? Жившіе идеями и образами французской литературы и жизни, они были чужды не только сознанія русской національной идеи, но даже простого къ ней интереса.

При такихъ условіяхъ ясно, что будущее Западной Руси находилось цѣликомъ въ рукахъ русскаго правительства, безъ того или иного вліянія общества на его политику. 22 мая 1772 года императрица Екатерина II предписала генералъ - маіорамъ Каховскому и Кречетникову «при исполненіи должности губернаторовъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ» слѣдующее: «судъ и расправа внутренніе тѣхъ провинцій въ личныхъ дѣлахъ имѣютъ производиться по ихъ законамъ и обыкновеніямъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, кои не дотрогиваются до власти нашей». Манифестъ 27 марта 1793 года для областей, присоединенныхъ къ Россіи по второму раздѣлу Речи Посполитой, устанавливаетъ: «судъ и расправа да будутъ продолжаемы въ настоящихъ ихъ мѣстахъ именемъ и властію Ея Императорскаго Величества съ наблюденіемъ строжайшаго порядка и правосудія». 1 мая 1795 года именной указъ генералъ - поручику Тутолмину предписывалъ

объявить обывателямъ земель, присоединенныхъ къ Россіи по третьему раздѣлу, что за ними сохраняются ихъ права и что они «сопричитаются ко всѣмъ тѣмъ выгодамъ и преимуществамъ, кои изданнымъ по волѣ нашей въ 1793 году въ день 27-го марта отъ графа Кречетникова манифестомъ новоприсоединеннымъ тогда областямъ отъ насъ пожалованы были». Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это сохраненіе старыхъ правъ и порядковъ было проявленіемъ мудрости русской власти въ моментъ присоединенія Западной Руси къ Россійской Имперіи, ибо для удачныхъ преобразованій нужны были и глубокое знаніе Края, съ его особенностями и потребностями, и иная обстановка, а не та, которая могла быть въ первые годы послѣ возсоединенія. Но сохраненіе прежнихъ законовъ, правъ сословій и организаціи Края несомнѣнно сохраняло и его особый характеръ въ общемъ составѣ Имперіи, что должно было поддерживать представленіе о немъ какъ о придаткѣ къ остальной Россіи, а не ея органической части, территоріи, занятой также *русскимъ* народомъ, возсоединяющимся отнынѣ съ другими частями этого народа, создавшими Россію.

Присоединенныя по раздѣламъ Речи Посполитой къ Россіи земли образовали ея новыя губерніи, которыя затѣмъ не разъ измѣняли свои предѣлы и именованія и, наконецъ, къ двадцатымъ годамъ XIX столѣтія составили восемь губерній (Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Кіевская, Минская, Могилевская, Подольская) и одну область (Бѣлостокская) *).

---

*) Въ 1842 году Бѣлостокская область вошла въ составъ Гродненской губерніи. Въ томъ же году была образована Ковенская губернія въ составѣ семи уѣздовъ (Ковенскій, Поневѣжскій, Шавельскій, Тельшевскій, Вилькомірскій, Россіенскій и Новоалександровскій).

Это и были «западныя губерніи», или «губерніи, отъ Польши присоединенныя», какъ ихъ именовалъ оффиціальный языкъ законодательства и административнаго дѣлопроизводства. Литовскій Статутъ 1588 года съ добавленіемъ части сеймовыхъ конституцій (имѣвшихъ силу для Великаго Княжества Литовскаго) въ губерніяхъ Виленской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской и части Бѣлостокской области, Литовскій Статутъ 1566 года и сеймовое законодательство въ губерніяхъ Волынской, Кіевской, Подольской и другой части Бѣлостокской области, нѣмецкое городское право (въ его мѣстномъ видѣ) въ городахъ всѣхъ губерній и области — тѣ законы, которые въ нихъ были сохранены, въ томъ или иномъ объемѣ, русскою властью.

Но что же населеніе самихъ этихъ новыхъ губерній Россіи ? Оно въ громадной своей массѣ совершенно спокойно признало русскую власть. Крѣпостное крестьянство знало власть своего «пана», а не власть государственную, или, лучше сказать, панская власть была для него и властью государственною. Ни по матеріальной и бытовой обстановкѣ жизни, ни по своему развитію умственному крестьянская масса не могла входить въ обсужденіе вопросовъ политическаго порядка и, какъ жила два столѣтія съ небольшимъ въ составѣ Речи Посполитой, такъ стала жить и въ составѣ Россійской Имперіи. Шляхта, принятая въ составъ дворянства Россійской Имперіи, и населеніе городовъ и мѣстечекъ спокойно перешли подъ русскую власть, оставившую имъ привычный укладъ жизни и старыя права. Тяжелые годы потрясеній кануна и времени раздѣловъ Речи Посполитой утомили населеніе, и нельзя не признать, что его обращенія и заявленія къ новой власти съ привѣтствіями и выраженіями вѣрноподданническихъ

чувствъ были не просто оффиціальными актами съ ихъ условностью, но и дѣйствительнымъ выраженіемъ надежды на бо́льшую гарантію безопасности жизни и возможности спокойнаго мирнаго труда. Ф. Ф. Вигель (1786 - 1856 г. г.) въ своихъ запискахъ пишетъ : «жители разорванной на трое, несчастной Польши покорились судьбѣ, начинали привыкать къ новому порядку вещей, особенно же тѣ, кои по раздѣлу поступили въ подданство къ Россіи. Они были присоединены къ народу славянскому, не чужому ; простой народъ въ томъ краю не переставалъ называть себя русскимъ, двѣ трети его исповѣдывали греко - россійскую вѣру ; а остальные, насильно вовлеченные въ латинство и унію, готовы были возвратиться въ нѣдра православія». И дѣйствительно : религія и въ наши еще дни часто служитъ признакомъ и національности ; и въ наши дни еще можно слышать въ Западной Россіи «католикъ» вмѣсто «полякъ» и «русскій» вмѣсто «православный». Увѣренность въ томъ, что православная вѣра имѣетъ прямую и непосредственную защиту и поддержку русской власти, была дорога этимъ двумъ третямъ крестьянства «губерній, отъ Польши присоединенныхъ». Уже давно православные и крестьянская масса русскихъ земель Речи Посполитой смотрѣли на Россію, какъ на свою защитницу, и сознавали свою внутреннюю связь съ нею. Наканунѣ послѣднихъ раздѣловъ Речи Посполитой малорусскіе крестьяне поддерживали русскія войска, и кн. Іосифъ Понятовскій писалъ королю Станиславу, что эти «хлопы» явно привержены «Москвѣ». 3 іюня 1792 года онъ же писалъ въ Варшаву изъ своего лагеря : «крестьяне и ихъ владѣльцы были моими врагами ; непріятель узнавалъ мои намѣренія, получая свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлалось въ моемъ лагерѣ, отъ шпіоновъ всякаго рода, ко-

торыхъ ему легко было достать, тогда какъ мнѣ ихъ доставать было въ высшей степени трудно». Нельзя забывать и того, что въ XVIII столѣтіи православная церковь Западной Россіи, входившей еще въ составъ Речи Посполитой, находилась въ непосредственной связи съ Россійскимъ Св. Синодомъ и ему было подчинено ея православное населеніе въ церковномъ отношеніи.

При такомъ положеніи дѣла можно бы было ожидать совершенно естественнаго упроченія связи «западныхъ губерній» съ остальною Россіею и быстраго ихъ съ нею сліянія, т. е. внутренней спайки стараго Великаго Княжества Литовскаго съ Россіею. Но на пути стали дѣйствія самого русскаго правительства, вопервыхъ, и работа польской національной партіи, вовторыхъ. При этомъ вторая сумѣла на нѣкоторое, и довольно значительное, время подчинить себѣ первое. Та часть Россіи, которая въ послѣдующее время называлась Западною (губерніи Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская), никогда не входила въ составъ государственной территоріи Польши въ дѣйствительности. До присоединенія къ Россійской Имперіи она представляла собою старое Великое Княжество Литовское, которое лишь по договору, заключенному имъ съ Польшею въ 1569 году въ Люблинѣ, образовало съ послѣднею федерацію, постоянно затѣмъ охраняя свое самостоятельное государственное значеніе въ федеративной Речи Посполитой, въ федеративномъ союзѣ своего государства съ польскимъ. Но польская національная партія, провозгласившая идею возстановленія отчизны, поставила своею задачею не простое возрожденіе *польскаго* государства въ его дѣйствительномъ значеніи и старыхъ предѣлахъ (Польша, «Корона»), а въ смыслѣ Польско-

Литовской Речи Посполитой, включая и Великое Княжество Литовское («Литва») въ составъ понятія «Польша». Черезъ это существеннымъ образомъ измѣнялся самый характеръ жившаго до раздѣловъ федеративнаго союза двухъ государствъ и на его мѣсто ставилась никогда не существовавшая въ дѣйствительности единая Польша «отъ моря и до моря».

Какъ же поступала русская власть въ виду этихъ притязаній и что она предпринимала въ Западной Россіи для противодѣйствія имъ? Увы! эта власть скоро обнаружила почти полное незнаніе Края и его исторіи. Она даже забыла то, что хорошо знали Н. В. Репнинъ и другіе руководители и дѣятели польской политики императрицы Екатерины II, твердо помнившіе усвоенное на практикѣ во время своего пребыванія въ еще существовавшей Речи Посполитой, что «съ Польшею же Литва, какъ особое государство, николи . . . не смѣшивалась», что онѣ никогда не смѣшивались ни въ своей государственной территоріи, ни въ своемъ самостоятельномъ значеніи въ ихъ федеративномъ союзѣ. Польша стала подмѣнять «Литву» и въ сознаніи представителей русской власти. Императоръ Павелъ уже началъ помогать своими распоряженіями польской работѣ въ Западномъ Краѣ. Возстановленіе шляхетскихъ сеймиковъ по губерніямъ съ выборомъ ими ряда губернскихъ и уѣздныхъ должностныхъ лицъ, дарованіе шляхтѣ особыхъ преимуществъ, особенное покровительство католицизму съ увеличеніемъ числа католическихъ епархій и созданіемъ значенія митрополита для Могилевскаго архіепископа Сестренцевича, покровительство іезуитамъ и т. д. — все это имѣетъ свое объясненіе въ общемъ направленіи политики императора Павла, искавшаго опоры противъ распространенія идей французской революціи, но все это становилось

тормазомъ для естественнаго сближенія и сліянія Западной Россіи съ остальными русскими губерніями въ одномъ государствѣ и подготовляло тотъ расцвѣтъ полонизма въ «губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ», который принялъ такіе неожиданно крупные размѣры въ Александровское царствованіе. Вотъ что писалъ одинъ современникъ (Вигель) о Кіевѣ въ Павловское царствованіе: «я въ малолѣтствѣ своемъ сдѣлался свидѣтелемъ великой метаморфозы. Древняя столица великихъ князей русскихъ, даже при польскомъ правительствѣ сохранившая себя невредимою отъ польскаго вліянія, вдругъ ополячилась».

II.

Въ царствованіе императора Александра I, Западная и Юго-Западная Россія стала ареной энергичной и обильной плодами дѣятельности князя Адама Чарторыйскаго и его сотрудниковъ. 27 января 1803 года былъ образованъ Виленскій учебный округъ, въ составъ котораго вошли всѣ восемь «отъ Польши присоединенныхъ» губерній, т. е. Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Кіевская, Минская, Могилевская и Подольская. Онѣ образовали округъ Виленскаго Университета. Когда къ Россіи была присоединена по Тильзитскому миру Бѣлостокская область (1807 г.), то и она вошла также въ составъ того же учебнаго округа. Во главѣ его, въ значеніи попечителя (куратора), былъ поставленъ князь Адамъ Чарторыйскій, занимавшій этотъ постъ въ теченіе двадцати лѣтъ (1803 - 1823). Горячій польскій патріотъ, князь Адамъ не скрывалъ своихъ цѣлей служенія польскому дѣлу, которыя онъ себѣ поставилъ какъ кураторъ Виленскаго округа и

какъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Россіи, должность котораго онъ занималъ одно время также. Само русское правительство не только не было противъ его плановъ организаціи просвѣщенія въ округѣ Виленскаго Университета на основѣ польской національной идеи, но даже желало видѣть его устроеннымъ по планамъ Эдукаціонной Комиссіи, созданной въ Речи Посполитой послѣ закрытія въ 1773 году папою Климентомъ XIV іезуитскаго ордена и перехода его учебныхъ заведеній и имѣній въ вѣдѣніе государственной власти. Личный другъ имп. Александра I и въ высшей степени вліятельный человѣкъ въ русскихъ правительственныхъ кругахъ, князь Чарторыйскій организовалъ въ своемъ учебномъ округѣ школу такъ, что она явилась могучимъ орудіемъ полонизаціи. Черезъ учившихся въ ней и благодаря ея общему вліянію въ обществѣ Западной и Юго-Западной Россіи утверждалась прививаемая ему польская національная идея и тѣмъ подготовлялось рожденіе той Польши «отъ моря до моря», которая была продуктомъ творчества этой идеи и никогда не существовала въ дѣйствительности. Польскій языкъ преподаванія, низведеніе русскаго языка на положеніе второстепеннаго предмета, пренебреженіе къ историческому прошлому и литературѣ русскаго народа, соотвѣтствующее польской національной идеѣ построеніе исторіи Польши и Великаго Княжества Литовскаго и внѣдреніе польскихъ національныхъ идеаловъ, замѣщеніе учительскихъ мѣстъ поляками и общее националистически-польское направленіе преподаванія и школьнаго воспитанія сдѣлали то, что учебныя заведенія округа, во главѣ котораго стояли Виленскій Университетъ и его кураторъ, оказались питомниками для приготовленія національныхъ польскихъ дѣятелей и могучимъ средствомъ для полонизаціи

Края. Такъ, когда въ 1805 году была открыта въ Кременцѣ гимназія съ расширенными курсами преподаванія, она прямо разсматривалась какъ возникающій очагъ умственнаго, а черезъ него и политическаго возрожденія разъединенныхъ частей Речи Посполитой. Въ то время, когда коренныя польскія земли, попавшія послѣ раздѣловъ Речи Посполитой въ руки Австріи и Пруссіи, не могли готовить новыя поколѣнія польскихъ дѣятелей своею школою, князь Чарторыйскій предпринялъ устройство очага для возсозданія Польши на территоріи Западной и Южной Россіи, хотя она и не была Польшею въ настоящемъ значеніи этого слова. Князь Адамъ самъ писалъ въ своихъ мемуарахъ: «Виленскій Университетъ былъ въ полномъ смыслѣ польскій и для польскихъ провинцій; нѣсколько лѣтъ спустя вся Польша наполнилась училищами, въ которыхъ польское національное чувство могло совершенно свободно развиваться».

Дѣятельности кн. Чарторыйскаго не грозило никакой опасности со стороны правительства Россіи, въ это время полнаго непониманія имъ своихъ задачъ по отношенію къ русскому народу въ его цѣломъ. Опасность противодѣйствія показалась совсѣмъ съ другой стороны, со стороны іезуитовъ, вновь и успѣшно возобновившихъ свое стремленіе возстановить свое вліяніе на школу, которое они потеряли съ 1773 года *). Еще въ 1801 году іезуитамъ было разрѣшено

---

*) Булла папы Климента XIV («Dominus ac Redemptor noster»), упразднявшая въ 1773 году орденъ іезуитовъ, не была разрѣшена къ оффиціальному опубликованію въ Россіи императрицею Екатериной II. Поэтому въ той части Бѣлоруссіи, которая была присоединена къ Россіи по первому раздѣлу Речи Посполитой, іезуитскія школы оставались по-прежнему въ рукахъ іезуитовъ.

устраивать свои учебныя заведенія въ Полоцкѣ. Вліяніе ихъ въ Петербургѣ росло среди высшаго общества. Умѣлая политика іезуитовъ увѣнчалась успѣхомъ, и въ 1812 году Полоцкая іезуитская академія была сравнена въ правахъ съ университетами, а всѣ іезуитскія учебныя заведенія въ Россіи были поставлены подъ ея вѣдѣніе. Виленскому учебному округу пришлось отказаться отъ части школъ Западнаго Края въ пользу іезуитовъ, но остальная ихъ масса осталась въ рукахъ кн. Чарторыйскаго, въ обладаніи его системы, которая продолжала успѣшно развиваться.

Результаты организаціи школы княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ сказались скоро. Поколѣнія, прошедшія польскую школу въ «губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ», оказались съ привитою имъ польскою національною идеею и съ польскимъ языкомъ, какъ роднымъ, хотя они не были поляками по своему происхожденію. Самъ пережившій эту эпоху и прошедшій эту школу, митрополитъ І. Сѣмашко (1798 - 1868) писалъ : «я не считаю поляками русскихъ и литовцевъ, которыхъ подобно мнѣ выучили нѣкогда говорить по-польски въ польскихъ училищахъ, устроенныхъ было самимъ русскимъ правительствомъ». А русское общество ? Какъ оно относилось къ тому, что происходило въ Западной Россіи ? Оно по - прежнему и мало интересовалось ею, и по - прежнему ея не знало, какъ не знало ея и русское правительство.

Между тѣмъ совершилось присоединеніе къ Россійской Имперіи и части коренныхъ польскихъ земель. Это было сдѣлано въ 1815 году Вѣнскимъ конгрессомъ. Варшавское герцогство, созданное въ 1807 году императоромъ Наполеономъ изъ части земель, отошедшихъ по раздѣламъ Речи Посполитой къ Пруссіи, Вѣнскій конгрессъ раздѣлилъ между Пруссіей и

Россіей. Изъ шести его департаментовъ (Познанскій, Калишскій, Быдгощскій, Плоцкій, Варшавскій и Ломжинскій) два были возвращены Пруссіи (Познанскій и Быдгощскій), а остальные образовали Царство Польское, соединенное съ Россійской Имперіею. Это Царство получило отъ императора Александра I особую конституцію, со своимъ сеймомъ и особымъ государственнымъ и общественнымъ строемъ на польской національной основѣ. Совершенно естественно, что именно Царство Польское (Królestwo Polskie), имѣвшее возможность развивать польскую національную жизнь, получило въ глазахъ польскихъ патріотовъ - націоналистовъ значеніе ядра, около котораго можетъ собраться вся старая Польша, и въ то же время оно должно было сдѣлаться тѣмъ очагомъ, который будетъ готовить «одбудованіе отчизны», путемъ ли дипломатическихъ переговоровъ и соглашенія европейскихъ державъ, или путемъ революціоннаго движенія. Часть польскихъ національныхъ дѣятелей стремилась идти по первому пути; другая — скоро начала готовить второй. Князь Адамъ Чарторыйскій дѣлалъ все, чтобы направить политику Россіи и использовать ея международное положеніе для возстановленія Польши первымъ путемъ. Его же дѣятельность, какъ Виленскаго куратора, расширяла круги лицъ и создавала кадры, которые будутъ готовы идти по второму пути. Получилось такое положеніе, что силы и средства для «одбудованія» Польши стали копиться въ самой Польшѣ лишь отчасти. Земли стараго Великаго Княжества Литовскаго (Литовско - Русскаго государства), все время существованія соединенной Речи Посполитой противополагавшаго себя Польшѣ («Коронѣ») и ревниво отстаивавшаго свое самостоятельное значеніе въ федеративномъ союзѣ съ нею, оказались тѣмъ резервуа-

ромъ, изъ котораго стали выходить польскіе націоналисты, отрицавшіе историческое значеніе Литовско-Русскаго государства и подмѣнившіе идею его самостоятельной государственности идеею единой Польши «отъ моря до моря».

Императоръ Александръ I самъ готовъ былъ всецѣло подчиниться обаянію и требованіямъ польской націоналистической идеи. Открывши въ 1818 году въ Варшавѣ засѣданія польскаго сейма, онъ не скрывалъ отъ близкихъ къ нему людей своего намѣренія возстановить старую «Польшу» и вернуть ей «губерніи, присоединенныя» отъ нея къ Россіи. Н. М. Карамзинъ, съ которымъ Александръ I подѣлился своими планами, не могъ удержаться отъ страстнаго протеста во имя русскихъ интересовъ противъ намѣреній государя. Онъ подалъ въ 1819 году Александру I записку, въ которой доказывалъ, что императоръ не имѣетъ права ихъ осуществить. «Вы думаете,—писалъ въ ней Карамзинъ, — возстановить древнее королевство польское, но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовью къ Россіи и къ самой справедливости? Можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія? Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли были уже Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра, Екатерины, которую Вы сами назвали великою... Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди ни врагу, ни другу! Наполеонъ могъ завоевать Россію, но Вы, хотя и самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины русской... Вы, любя законную свободу граж-

данскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности... Я слышу русскихъ и знаю ихъ. Мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю, остыли бы душою къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ. Вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ, но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А Вы, государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу».

III.

Создавшееся положеніе скоро заставило русское правительство, а отчасти и русское общество серьезно остановить свое вниманіе на Западной Россіи. Въ ноябрѣ 1830 года въ Царствѣ Польскомъ разразилось возстаніе, сдѣлавшее попытку перекинуться и въ «Литву», т. е. въ западныя губерніи Россіи. Пришлось задуматься, главнымъ образомъ, власти, ибо она въ эту пору должна была попристальнѣе всмотрѣться въ происходившее; общество видѣло въ событіяхъ простой бунтъ или революціонное движеніе и сознавало тяжелыя жертвы для его подавленія. Но высшая власть Россіи и тогда еще далека была отъ пониманія своихъ западныхъ губерній, далека была и отъ сознанія тѣхъ ошибокъ, которыя были сдѣланы ею раньше и которыя подготовили возможность вовлеченія въ *польское* возстаніе литовскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ земель. Императоръ Николай I въ эту пору высказывался: «прежнія польскія провинціи, видя, какъ ихъ

соотечественники пользуются вблизи ихъ всѣми правами самостоятельнаго народа, которыми они даже злоупотребляютъ, болѣе, чѣмъ когда либо, стали задумываться надъ тѣмъ, какъ ускользнуть отъ владычества Имперіи». Тутъ еще нѣтъ пониманія того, что «западныя» губерніи совсѣмъ не «соотечественники» Польши, что онѣ заселены не польскою, а совсѣмъ другими народностями, изъ которыхъ главная по численности — вѣтвь того самаго народа, государственный союзъ котораго именуется Россіей.

Послѣ подавленія возстаніе 1830 года повлекло за собою какъ мѣры, направленныя къ разрушенію полонизаторской работы кн. Адама Чарторыйскаго и польской партіи, такъ и дѣйствія, имѣвшія своею цѣлью большее сліяніе «западныхъ» губерній, т. е. Запада и Юго-Запада Россіи, съ остальною Имперіею. Закрытіе Виленскаго Университета и Кременецкаго Лицея, перенесеніе въ Петербургъ Римско-Католической Духовной Академіи, открытой въ Вильнѣ вмѣстѣ съ Медико-Хирургической Академіей взамѣнъ упраздненнаго университета, реформа школы вообще и преобразованіе ея управленія, прекращеніе дѣйствія Литовскаго Статута, мѣры къ изъятію изъ рукъ католической церковной власти управленія дѣлами уніатовъ, а затѣмъ возсоединеніе уніатовъ съ православною церковью, и т. д. — всѣ эти мѣры, конечно, были продиктованы сознаніемъ необходимости большаго сплоченія «западныхъ» губерній съ остальною Россіею, болѣе прочнаго и полнаго ихъ государственнаго сліянія. Но тогда же начинаетъ проникать въ сознаніе русской власти, а отчасти и русскаго общества, забытое послѣ Екатерининской эпохи представленіе, что этотъ край отнюдь не польскій, а въ главной своей части коренной русскій, связанный съ остальнымъ русскимъ на-

родомъ и племеннымъ единствомъ происхожденія, и роднымъ языкомъ, и своимъ далекимъ историческимъ прошлымъ.

Русская власть стала хотя нѣсколько ближе узнавать Западный Край, имъ управляя. Наука русская еще не была въ силахъ освѣтить его прошлое и его историческія связи съ остальнымъ русскимъ народомъ. Но изъ самого этого края стали доноситься голоса, которые раскрывали его дѣйствительное положеніе, на основаніи знанія его бытовыхъ условій, отголосковъ воспоминаній, отцовскихъ и дѣдовскихъ разсказовъ и даже изученія его прошлаго по доступнымъ книгамъ и историческимъ матеріаламъ. Въ числѣ такихъ лицъ особенно долженъ быть отмѣченъ Іосифъ Сѣмашко, впослѣдствіи митрополитъ Литовскій. Сынъ священника сельской церкви въ Павловкѣ Липовецкаго уѣзда Кіевской губерніи, родившійся въ 1798 году, прошедшій курсъ Главной Семинаріи при Виленскомъ Университетѣ въ эпоху князя Адама Чарторыйскаго, затѣмъ духовное лицо уніатской церкви, съ переходомъ въ православіе постепенно поднявшійся до высокаго сана Литовскаго митрополита, инициаторъ и главный дѣятель возсоединенія западнорусскихъ уніатовъ съ православною церковью, онъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ представителями русской власти уже въ началѣ Николаевскаго царствованія и не переставалъ знакомить ихъ съ тѣмъ, что за народъ живетъ въ «западныхъ» губерніяхъ.

Вотъ что, напримѣръ, писалъ онъ Д. Н. Блудову уже отъ 30 сентября 1830 года : «весь греко - унитскій народъ говоритъ русскимъ языкомъ бѣлорусскаго или малороссійскаго нарѣчія ; дѣти унитскаго духовенства въ домѣ своихъ родителей и внѣ онаго почти единственно слышатъ сей языкъ — они забываютъ оный

уже въ польскихъ училищахъ». Много разъ Іосифъ Сѣмашко высказывалъ въ Николаевское царствованіе тѣ мысли и сообщалъ тѣ свѣдѣнія о Польшѣ, Литвѣ и Бѣлой и Малой Россіи, которыя въ наибольшей системѣ затѣмъ были сведены въ запискѣ отъ 26 февраля 1859 года, представленной имъ императору Александру II. Вотъ они въ его собственномъ изложеніи: «Нѣсколько уже десятковъ лѣтъ принято кричать про Польшу, про ея уничтоженіе, про ея поглощеніе Россіею — но многіе ли обращали серіозное вниманіе: гдѣ эта Польша и что она такое? Настоящая древняя Польша, Польша Болеславовъ Храбрыхъ, упиралась въ Богемскія горы и въ Саксонію. Столица Великой Польши, Гнѣзно—нынѣ въ предѣлахъ Пруссіи. Столица Малой Польши, Краковъ—въ предѣлахъ Австріи. Польша по Одеру и Балтійскому поморью давно уже онѣмечена. Та же участь, вѣроятно, ожидала вскорѣ и остальную Польшу; но ее спасло соединеніе съ Литвою, подъ однимъ царственнымъ скипетромъ Литовскаго дома Ягеллоновъ.

Ударъ, нанесенный Тевтонамъ подъ Гринвальдомъ совокупными силами Ягайлы и Витовта, остановилъ на нѣсколько вѣковъ напоръ сюда германцевъ; съ другой стороны, закрытая Литвою, Польша отдохнула. Пользуясь пребываніемъ въ своихъ предѣлахъ царскаго Ягеллонскаго дома, Польша пріобрѣла естественное вліяніе на Литовское княжество. Прежде подрывали власть литовскихъ князей большею часъ отъ часу зависимостію отъ польскихъ королей. Послѣ отдѣлили отъ Литвы къ Польшѣ такъ называемыя Русскія провинціи къ Днѣпру. Послѣ соединили Польшу и Литву подъ одно повременное совѣщательное и законодательное собраніе (сеймъ). Но все-таки не сдѣлали Литвы Польшею. Литва, примкнувшая къ Польшѣ, со-

стояла только изъ русскаго и литовскаго народонаселенія — послѣдняго едва въ пятой части противу перваго. Поляковъ вовсе не было. Самыя Русскія провинціи королевства Польскаго (восточная Галиція и часть нынѣшней Люблинской губерніи) имѣли русское народонаселеніе. Такимъ образомъ, подъ польскими королями едва ли состояла четвертая часть народонаселенія польскаго, противу русскаго и литовскаго народонаселенія. Естественно, что первое изъ сихъ населеній не могло имѣть рѣшительнаго вліянія на перерожденіе двухъ послѣднихъ; и всякія покушенія поляковъ на русскую или литовскую народность были отражаемы рѣшительнымъ сопротивленіемъ и даже ужасными кровавыми возстаніями.

Такимъ образомъ, до самаго послѣдняго раздѣла Польши, русскія провинціи оной оставались попрежнему русскими и по названію, и по народонаселенію; Литва осталась Литвою, съ особымъ правительствомъ, съ особымъ войскомъ, съ особымъ законодательствомъ и съ русскимъ правительственнымъ языкомъ. Одинъ религіозный римско-католическій элементъ пріобрѣлъ въ Литвѣ отъ Польши нѣкоторую самостоятельность, но и то не во всемъ населеніи и въ слабой степени — слабость эта обнаружилась легкимъ возвращеніемъ на лоно православія уніатовъ, трехъ милліоновъ въ концѣ прошлаго столѣтія и полутора милліона чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ того. Очевидно, что Россія, занявъ провинціи по Бугъ и Нѣманъ, Польши не коснулась.... Настоящая Польша, и даже важныя русскія провинціи раздѣлены между Пруссіею и Австріею».

Сказанное здѣсь о положеніи Литвы и Руси во время ихъ соединенія съ Польшею очень близко къ тому, что выработано къ настоящему времени исто-

рическою наукою какъ результаты научнаго изслѣдованія, достигнутые кропотливымъ и упорнымъ трудомъ ряда историковъ, разрабатывавшихъ исторію Литвы и русскихъ земель, образовавшихъ вмѣстѣ съ нею Литовско - Русское государство. Но въ первой половинѣ XIX столѣтія эта разработка, строго говоря, почти еще не начиналась. Для нея только начинали подготовлять и копить матеріалы, да намѣчались кое - какія новыя точки зрѣнія и производились частныя изслѣдованія, которыя со временемъ должны были помочь дѣлу созданія научной исторіи Западной Россіи и Литвы.

Въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка еще господствовалъ взглядъ на исторію какъ на исторію государства. Такъ понималась и исторія Россіи съ самаго возникновенія русской исторической науки въ XVIII столѣтіи, отражая на себѣ западно - европейское пониманіе этой области научнаго знанія въ то время. Но, когда рождалась наука русской исторіи въ трудахъ В. Н. Татищева и нѣмцевъ - академиковъ XVIII вѣка, Западная Россія входила въ составъ не Россійскаго государства, а Великаго Княжества Литовскаго, соединеннаго, въ силу Люблинской Уніи, федеративною связью съ Польшею. Трудъ Н. М. Карамзина, открывавшій собою построенія русской исторіи въ XIX столѣтіи, былъ имъ и названъ «Исторіею Государства Россійскаго». Переходъ Полоцкой, Кіевской, Волынской и другихъ русскихъ земель подъ верховную власть литовскихъ князей для исторіографа являлся достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы вычеркнуть ихъ съ этого момента изъ русской исторіи, понимаемой имъ какъ исторія Россійскаго государства, хотя литовскій великій князь, «держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи», даже «не хотѣлъ изгнать» русскихъ князей изъ этихъ земель, «довольствуясь ихъ покор-

ностію, оставлялъ имъ удѣлы наслѣдственные» и «правилъ новыми подданными благоразумно, уважая ихъ древнія гражданскія обыкновенія, покровительствуя вѣру греческую и не мѣшая народу зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ отъ митрополита Московскаго». Съ переходомъ подъ литовскую власть, по Карамзинскому построенію русской исторіи, исконное русское населеніе этихъ земель уже переставало быть «россіянами», ибо оно изъ состава государства, именуемаго «Россія», перешло въ составъ другого государства, котораго имя — «Литва».

Карамзинъ своимъ трудомъ, ставшимъ исходнымъ основаніемъ для послѣдующихъ историческихъ работъ XIX столѣтія, закрѣпилъ уже въ XVIII вѣкѣ сложившуюся традицію размѣщенія фактовъ и явленій русской исторіи на торной дорогѣ изъ Великаго Новагорода на Кіевъ, а изъ него на Москву черезъ Владиміръ Клязьменскій. Югъ и Западъ Россіи, на территоріи которыхъ открывалась, по выраженію Карамзина, «скрижаль» русской исторіи, оказывались внѣ этой столбовой дороги историковъ; они выбрасывались съ нея, какъ чуждый элементъ, послѣ красиво нарисованныхъ первыхъ страницъ ея, для того, чтобы затѣмъ явиться въ Московскомъ періодѣ въ составѣ другого государства, съ которымъ Москва ведетъ постоянную и упорную борьбу. Ихъ жизнь переставала интересовать русскихъ историковъ, и они забывали, что именно въ нихъ зарождалась русская историческая жизнь, что въ нихъ продолжалъ жить русскій народъ эпохи Владимира Святого, Ярослава Мудраго и Владимира Мономаха. Этого мало. Такъ называемая старая Московская теорія въ русской исторіографіи, которой пережитки слышны были еще въ самомъ послѣднемъ времени, учила, что съ эпохи Монгольскаго завоеванія

Южная Русь лишилась своего прежняго населенія, которое отчасти было истреблено, а отчасти переселилось въ Суздальскую землю, на смѣну же его явилась изъ Прикарпатья новая народность, лехитская.

Если все это въ настоящее время не можетъ не представляться въ достаточной мѣрѣ страннымъ, то тогда оно было естественнымъ. Историческое прошлое Литвы и Руси, около нея собравшейся, было еще совершенно не затронуто историческимъ изслѣдованіемъ, не были даже сколько-нибудь приведены въ извѣстность его источники. Отрывочныя свѣдѣнія по исторіи Литвы и Западной Руси можно было найти только въ польской литературѣ. Польша имѣла уже рядъ трудовъ по своимъ исторіи и праву еще въ эпоху государственной жизни соединенной Речи Посполитой. Конечно, въ нихъ было много отдѣльныхъ страницъ, которыя вскрывали передъ вдумчивымъ читателемъ нетожество Польши и Литовско-Русскаго государства и самостоятельное государственное значеніе ихъ обоихъ въ федеративной Речи Посполитой. Но все-таки въ польской литературѣ, какъ и въ польскомъ обществѣ, господствовалъ ставшій давнею традиціею старинный *польскій* взглядъ на отношенія Великаго Княжества Литовскаго къ Польшѣ, по которому они представлялись слитыми въ одно государство и въ одинъ народъ, и это сліяніе было совершено еще великимъ княземъ литовскимъ Ягайломъ, въ исходѣ XIV столѣтія ставшимъ супругомъ польской королевы Ядвиги и королемъ Польши, а затѣмъ окончательно закрѣплено въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ «братскою» уніею народовъ польскаго и «литовскаго», т. е. литовско-русскаго.

IV.

Къ тридцатымъ годамъ XIX столѣтія должно быть отнесено начало колебанія этого польско - традиціоннаго взгляда въ исторической литературѣ. Въ 1835 году былъ изданъ въ Вильнѣ первый томъ труда литвина-историка Теодора Нарбута «Исторія Литовскаго народа» (на польскомъ языкѣ). За первымъ послѣдовали еще восемь томовъ этого громаднаго труда. Девятый вышелъ въ свѣтъ въ 1841 году. Въ своемъ капитальномъ для того времени трудѣ Нарбутъ посмотрѣлъ на Великое Княжество Литовское какъ на независимое, самостоятельно развивавшееся государство, которое было погублено соединеніемъ съ Польшею въ 1569 году. Оно представлялось ему имѣвшимъ возможность вѣковѣчнаго существованія, еслибы не это соединеніе «съ иноплеменнымъ народомъ, находившимся въ вѣчномъ безнарядьѣ, который, наконецъ падая подъ его бременемъ, своею гибелью задавилъ и соединенныя съ нимъ земли». Но и Нарбутъ еще видѣлъ въ Люблинской Уніи конецъ самостоятельной исторіи Великаго Княжества Литовскаго и сліяніе ея съ исторіею Польши. Доведя свое изложеніе до смерти послѣдняго Ягеллона, Сигизмунда Августа, при которомъ была заключена эта унія, Нарбутъ съ горькимъ чувствомъ литвина - патріота писалъ : «я довелъ свое изложеніе до эпохи, въ которую перестала существовать самобытность народа Княжества ; отселѣ я долженъ передать изложеніе писателямъ польской исторіи ; послѣдній самостоятельный монархъ и послѣдній Ягеллонъ по мужской линіи, Сигизмундъ Августъ, умеръ, и я ломаю мое перо на его гробницѣ». Въ 1847 году Нарбутъ издалъ сокращеніе своего многотомнаго труда, чѣмъ сдѣлалъ основное содержаніе его болѣе доступнымъ. Кромѣ

того, въ цѣломъ рядѣ другихъ своихъ работъ онъ далъ изученіе отдѣльныхъ вопросовъ литовско - русской исторіи и издалъ нѣкоторые ея источники.

Такимъ образомъ, Теодоръ Нарбутъ выдвинулъ самостоятельное историческое значеніе Литовско-Русскаго государства и воскресилъ его давнюю исторію. Въ послѣднемъ отношеніи онъ не былъ одинокимъ. Іосифъ Игнатій Крашевскій въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ XIX вѣка выпустилъ въ свѣтъ «Исторію города Вильны». Исторія Литвы и Западной Руси дала много красивыхъ и интересныхъ страницъ въ ихъ трудахъ. Она воскресала изъ полнаго забвенія. Но и Нарбутъ, и Крашевскій писали на польскомъ языкѣ, и ихъ труды почти не имѣли распространенія въ русскомъ обществѣ. Лишь спеціалисты - историки, да и то далеко не всѣ, ознакомились съ ними.

Въ разработку историческаго прошлаго «Литвы» внесъ свой трудъ и рядъ польскихъ ученыхъ, связанныхъ своею дѣятельностью со старымъ Виленскимъ Университетомъ. Нѣкоторые изъ нихъ читали въ немъ свои курсы по общей исторіи, исторіи права и исторіи культуры Великаго Княжества Литовскаго, изъ которыхъ часть сохранилась въ рукописи до нашего времени. Бывшіе профессоры и слушатели Виленскаго Университета выпустили въ свѣтъ и рядъ своихъ историческихъ трудовъ. Кромѣ очень большого количества своихъ работъ, въ которыхъ были затронуты различные отдѣлы и вопросы историческаго прошлаго Литовско - Русскаго государства, Лелевель въ 1839 году выпустилъ свою «Исторію Литвы и Руси вплоть до Уніи съ Польшею, заключенной въ 1569 году въ Люблинѣ», и въ ней далъ изложеніе этой исторіи, стоя на традиціонной польской точкѣ зрѣнія, но внося въ свое изложеніе и свои очень большія по тому времени науч-

ныя знанія. Въ сороковыхъ годахъ появился трудъ Ярошевича «Картина Литвы съ точки зрѣнія ея цивилизаціи, съ древнѣйшаго времени до конца XVIII вѣка». Труды Михаила Балинскаго и другихъ также вошли въ составъ этой развивавшейся польской литературы по исторіи Великаго Княжества Литовскаго. Что же касается исторіи литовско - русскаго права, то для нея (а отчасти и для общей исторіи Литовско - Русскаго государства) очень много сдѣлалъ трудолюбивый и выдающійся ученый того времени, писавшій также и на русскомъ языкѣ, И. Н. Даниловичъ, въ 1814 году начавшій преподаваніе мѣстнаго права въ Виленскомъ Университетѣ, позднѣе профессоръ Харьковскаго, Кіевскаго и Московскаго университетовъ, до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1843 году, усердно работавшій надъ историческимъ прошлымъ Великаго Княжества Литовскаго.

Польскіе труды по исторіи «Литвы» не только оставляли въ тѣни русскіе природу и характеръ девяти десятыхъ земель Великаго Княжества Литовскаго, но даже ихъ затушевывали, усиленно выдвигая идею культурнаго единства этихъ земель съ Польшею. Но слить въ единое цѣлое съ польскимъ народомъ населеніе русскихъ земель, нѣкогда входившихъ въ составъ Речи Посполитой, въ это время было уже невозможно. Такъ успѣшно развивавшееся тогда научное славяновѣдѣніе выдвинуло непреодолимыя препятствія для такого сліянія.

Мѣстомъ зарожденія научнаго славяновѣдѣнія была Чехія. Съ нею съ начала XIX вѣка вполнѣ установились и культурныя связи Россіи, какъ разъ въ то время, когда въ Чехіи уже развивалось ея національное возрожденіе и когда именно въ ней закладывалась основа для славянской науки и изученія славянства

какъ цѣлаго, составляемаго рядомъ родныхъ между собою славянскихъ народовъ. Культурное возрожденіе Чехіи въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія уже вступало въ новый періодъ своего развитія, ознаменовавшійся крупнѣйшими успѣхами изученія чешскаго языка и историческаго прошлаго. Славянская Чехія вставала на смѣну онѣмеченной «Богеміи» въ трудахъ чешскихъ ученыхъ и писателей и начинала понемногу прокладывать себѣ путь и для славянской жизни. Однако, чешскіе научные дѣятели и писатели очень скоро поставили вопросъ и о славянствѣ во всемъ его объемѣ, и въ этомъ была ихъ громадная заслуга передъ славянствомъ. Уже «патріархъ славяновѣдѣнія», аббатъ Іосифъ Добровскій, въ своихъ трудахъ изучалъ славянство какъ цѣлое, его разселеніе («Ueber die ältesten Sitze der Slaven in Europa»), начатки его общей культуры («Kyrill und Method, der Slaven Apostel»), славянское языкознаніе («Institutiones linguae slavicae dialecti veteris»), славяновѣдѣніе во всемъ его объемѣ (сборники «Slavin» и «Slovanka»). Выростала славная плеяда чешскихъ научныхъ работниковъ - патріотовъ и энтузіастовъ чешскаго и общеславянскаго дѣла. Наступало время дѣятельности Юнгмана, Шафарика, Коллара, Ганки, Челаковскаго и другихъ современныхъ имъ представителей чешскихъ науки и литературы, сумѣвшихъ дѣло Чехіи сразу поставить какъ дѣло общеславянское, со всѣмъ значеніемъ такой его постановки какъ для науки славянской, въ частности и русской, такъ и для развитія идеи славянскаго единства.

Уже Добровскій былъ въ Россіи (1792 - 1793 гг.), побывалъ и въ центрахъ ея политической и культурной жизни, Петроградѣ и Москвѣ, сталъ членомъ Россійской Академіи и Вольнаго Общества любителей рус-

ской словесности. Такъ много сдѣлавшій для развитія русской науки, незабвенный въ исторіи ея, графъ Н. П. Румянцовъ уже завязывалъ связи со славянскими научными дѣятелями, а одинъ изъ его ученыхъ сподвижниковъ, П. И. Кеппенъ, въ 1821 - 1824 годахъ, въ свое научное путешествіе заграницу, побывалъ въ Прагѣ, познакомился лично съ Добровскимъ, вошелъ въ атмосферу начинавшагося въ Чехіи національнаго движенія и возникавшей славянской науки и сталъ, по возвращеніи въ Россію, посредникомъ между чешскими учеными и Россіей. Путешествіе Кеппена положило начало и ряду поѣздокъ русскихъ ученыхъ въ славянскія земли, въ частности въ Прагу, съ ея зарождавшимся значеніемъ общеславянскаго идейнаго и научнаго центра.

Что касается Россіи, то въ ней уже въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX вѣка научное славяновѣдѣніе получило свое прочное обоснованіе и появились идеологи славянскаго единства. Въ своемъ знаменитомъ «Разсужденіи о славянскомъ языкѣ», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1820 году, А. Х. Востоковъ поставилъ на историческую почву изученіе церковно - славянскаго языка и своими замѣчаніями объ его изводахъ у отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и о правописаніи рукописей заложилъ твердыя начала историко - филологической критики въ славяновѣдѣніи. Другіе его труды давали дальнѣйшее развитіе славянской наукѣ. Кружокъ графа Н. П. Румянцова, къ дѣятелямъ котораго примыкалъ Востоковъ, отдавалъ свои силы не только изученію Россіи, но и славянства вообще (работы К. Ѳ. Калайдовича, П. И. Кеппена и другихъ). Критико - литературный журналъ Кеппена «Библіографическіе листы», выходившій въ 1825 - 1826 годахъ, былъ органомъ, объединяющимъ славянство, и въ немъ кромѣ

русскихъ сотрудниковъ принимали участіе Добровскій и Ганка (изъ Праги), Копитаръ и Вукъ Караджичъ (изъ Вѣны), Колларъ (изъ Пешта), Шафарикъ (изъ Новаго Сада), Бандтке (изъ Кракова), Линде (изъ Варшавы).

Россійская Академія (теперь — 2-е Отдѣленіе Петроградской Академіи Наукъ) и ея президентъ А. С. Шишковъ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ со славянскими, а особенно чешскими учеными. Въ 20-30-хъ годахъ велись переговоры о приглашеніи въ Россію Шафарика, Ганки и Челаковскаго для преподаванія славяновѣдѣнія въ университетахъ и для устройства «Славянской Библіотеки» при Россійской Академіи. Профессоръ Московскаго Университета М. Т. Каченовскій провозгласилъ необходимость самаго широкаго изученія славянства для правильной постановки и русской филологіи, и русской исторіи. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ даже преподавалъ въ Московскомъ Университетѣ «исторію и литературу славянскихъ нарѣчій», по каѳедрѣ, учрежденной въ 1835 году новымъ университетскимъ уставомъ. Эти новыя «славянскія» каѳедры, созданныя въ русскихъ университетахъ, стали очагами развитія научнаго славяновѣдѣнія въ Россіи. Онѣ дали длинный рядъ выдающихся научныхъ дѣятелей по изученію славянства — О. М. Бодянскій, В. И. Григоровичъ, П. И. Прейсъ, И. И. Срезневскій, В. И. Ламанскій и ихъ ученики поставили своими трудами русское научное славяновѣдѣніе на очень большую высоту.

Русское общество стало все больше и больше знакомиться со славянствомъ. Это знакомство, въ основу котораго теперь полагалось научное знаніе, распространяемое университетскими каѳедрами и учеными трудами, осмысляло и обосновывало старыя славянскія

связи Россіи, которыя, по крайней мѣрѣ по отношенію къ балканскимъ славянамъ, были уже прочно установлены къ первымъ десятилѣтіямъ XIX вѣка. Еще въ Московское время изъ Россіи шла матеріальная поддержка митрополитамъ и епископамъ, церквямъ и монастырямъ Сербіи. Сербская эмиграція въ Россію развивалась и въ видѣ единичныхъ переселеній, и въ видѣ массовыхъ, многотысячныхъ толпъ со своими священниками и вождями (особенно въ 1751 - 1752 годахъ). Рядъ сербовъ, находившихся на русской службѣ, былъ постоянною связью Сербіи съ Россіей. Эту связь закрѣпляли и постоянныя путешествія въ Россію сербскихъ митрополитовъ и духовенства. Войны Россіи съ Турціей съ XVIII столѣтія соединялись для сербовъ съ надеждами на освобожденіе ихъ отъ турецкой власти съ русскою помощью. Въ XVIII вѣкѣ переносится въ Сербію и русская образованность. По просьбѣ сербскаго митрополита, жившаго въ австрійской части Сербіи, Синодъ россійскій отправляетъ въ Карловцы русскаго учителя Суворова въ 1726 году для организаціи школы. Въ 1733 году митрополитъ Викентій Іовановичъ вывезъ изъ Россіи въ Карловцы семь учителей съ Емануиломъ Козачинскимъ во главѣ. Возникаютъ сербскія школы даже съ русскимъ языкомъ преподаванія и съ русскими книгами. Русская культура захватываетъ круги сербской интеллигенціи, и русская литература переносится къ сербамъ. Такъ русскій народъ расплачивался за письменность, полученную имъ отъ болгаръ и сербовъ въ первые вѣка его исторіи. Рядъ сербскихъ писателей и культурныхъ дѣятелей живетъ, иногда по долгу, въ Россіи (напримѣръ, Христифоръ Жефаровичъ, Іованъ Раичъ, знаменитый Доситей Обрадовичъ, Петаръ Петровичъ Нѣгошъ, Вукъ Стефановичъ Караджичъ и

много другихъ). Нѣкоторые изъ сербовъ, получивъ научное образованіе, въ началѣ XIX столѣтія занимали даже профессорскія каѳедры въ Россіи (Глигоріе Трлаичъ въ 1803 году занялъ каѳедру въ Педагогическомъ Институтѣ въ Петроградѣ, а въ 1810 году — въ Харьковскомъ Университетѣ; Атанасіе Стойковичъ — въ Харьковскомъ же Университетѣ). Знакомство съ сербами и чувство славянской связи съ ними было хорошо и давно налажено въ Россіи. Съ развитіемъ научнаго славяновѣдѣнія связи съ единовѣрными сербами получали новое освѣщеніе на основѣ научно-выясненнаго племенного родства и славянской идеи.

Семья славянскихъ народовъ, въ которую входятъ и русскіе, и сербы, и чехи, и поляки, и всѣ остальные славяне, какъ члены ея, имѣющіе свое народное лицо, съ общими всему племени, но и со своими особыми народными чертами его, стала выявляться славянскою наукою, которая рядомъ съ племеннымъ единствомъ всего славянства опредѣляла и обосновывала и отличія народовъ, его составляющихъ.

Время среднихъ десятилѣтій XIX вѣка было эпохою расцвѣта идеи славянскаго единства. Изученіе славянства какъ цѣлаго, въ его этнографіи, языкѣ, преданіяхъ, правѣ и т. д., объединяетъ всѣ изученія отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и даетъ имъ общій смыслъ возникавшаго *славяновѣдѣнія* въ самомъ широкомъ объемѣ. Труды глубокоученаго Павла Іосифа Шафарика (особенно «Slovanské Starožitnosti» и «Slovanský Národopis») стояли тутъ на первомъ мѣстѣ по своему значенію. И въ польской наукѣ въ эту эпоху образуется теченіе, которое выдвигаетъ идею славянства, особенно въ трудахъ Линде, Бандтке, Мацѣёвскаго, Раковѣцкаго и нѣкоторыхъ другихъ, — идея *славянскаго языка,* котораго лишь

діалектами являются языки отдѣльныхъ славянскихъ народовъ (Линде), идея *славянскаго права* отдѣльныхъ славянскихъ народностей (Мацѣёвскій, Раковѣцкій).

Совершенно естественно, что Россія въ эту пору должна была занять особенно видное мѣсто среди славянства. Россія была могущественнымъ государствомъ европейскаго, мірового значенія. При этомъ она была единственнымъ самостоятельнымъ славянскимъ государствомъ въ цѣломъ мірѣ. Именно ея могущественное государство, созданное усиліями всѣхъ объединившихся въ немъ частей русскаго народа, было тою крѣпкою силою, на которую только и могло расчитывать порабощенное въ Европѣ славянство въ своей мечтѣ и надеждѣ на освобожденіе отъ господства «иноязыческихъ властей».

Русская армія съ ея вѣковою боевою славою сама была историческою силою въ созданіи славянской идеи. Уже въ XVIII столѣтіи, въ войнахъ противъ турокъ, она была для южныхъ славянъ родною, «братскою». Эта же армія, проходя въ XVIII и началѣ XIX столѣтія черезъ «Богемію», обнаружила чешскому народу *славянство* Россіи, какъ разъ въ то время, когда начиналось возрожденіе славянской Чехіи. Только съ помощью Россіи и русской арміи порабощенное славянство и могло надѣяться добиться своего освобожденія.

Но не только своею внѣшнею силою была дорога славянству Россія въ это время. Чѣмъ дальше, тѣмъ ярче въ ней разгоралась идея славянскаго единенія. Развивавшаяся русская наука, съ тѣмъ богатствомъ научныхъ средствъ, которое выражалось въ ея научныхъ сокровищахъ и все болѣе и болѣе растущемъ притокѣ научныхъ работниковъ, стала понемногу занимать свое выдающееся мѣсто въ наукѣ славянской. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивались и личныя отношенія рус-

скихъ дѣятелей съ дѣятелями остального славянства, и русскіе «братья» сумѣли не только загорѣться славянскимъ энтузіазмомъ, но и внести всю силу его въ дѣло духовной и матеріальной поддержки славянъ. Особенно нужно выдвинуть въ этомъ отношеніи дѣятельность М. П. Погодина. Его «Московскій Вѣстникъ», начавшій выходитъ въ 1827 году, стремился быть посредникомъ между славянствомъ и Россіею. Имя Погодина было уже хорошо извѣстно славянскимъ ученымъ, когда онъ въ 1835 году отправился въ свое первое заграничное путешествіе. Въ Прагѣ онъ завязалъ личное знакомство съ Шафарикомъ, Колларомъ, Юнгманомъ, Ганкою, Палацкимъ. Во время слѣдующихъ четырехъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ Погодинъ или бываетъ въ Прагѣ, или видится со своими чешскими друзьями въ Маріанскихъ Лазняхъ (Маріенбадъ). Связи съ дѣятелями другихъ славянскихъ народовъ имъ были завязаны также. Онъ сумѣлъ занять видное мѣсто среди славянскихъ дѣятелей того времени, сталъ посредникомъ ихъ сношеній съ Россіей и въ то же время былъ глашатаемъ идеи единства славянъ и ихъ тѣсныхъ братскихъ связей съ русскимъ народомъ. Переходившая въ культъ Россіи, горячая любовь къ ней большинства тогдашнихъ культурныхъ дѣятелей Чехіи, учениковъ незабвеннаго Добровскаго, конечно, особенно сближала Погодина съ ними, и въ его громадной корреспонденціи переписка съ чешскими друзьями занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ. Иначе и быть не могло, ибо именно въ эту эпоху носителямъ идеи славянскаго единства Москва и Прага представлялись «Меккою и Мединою славянства».

V.

Но что же дало развитіе славяновѣдѣнія и идеи славянства для уясненія вопросовъ, связанныхъ съ губерніями, «отъ Польши присоединенными» къ Россіи? Научное славяновѣдѣніе точно и ясно опредѣлило, что онѣ *не польскія* по составу своего населенія, а славянская идея во имя славянскаго единства потребовала разграниченія правъ польскаго и русскаго народовъ для возможности установленія ихъ братскихъ отношеній. Опредѣленный научнымъ славяновѣдѣніемъ составъ славянскихъ народовъ точно обозначилъ и составныя части русскаго и польскаго народовъ. Бѣлоруссы и малороссы «западныхъ губерній» Россіи — органическія части русскаго народа. Это провозгласила славянская наука. А если это такъ, то на обладаніе этими землями польская національность не имѣетъ права. И сознаніе неотъемлемости и законности права каждаго славянскаго народа быть самимъ собою въ общей славянской семьѣ неминуемо должно было приводить къ признанію какъ неотъемлемаго права на національную жизнь поляковъ, такъ и несправедливости притязаній польской національности на подчиненіе себѣ частей русскаго народа, т. е. на лишеніе ихъ права на свою *русскую* національность. Въ эпоху того славянскаго идеализма, которымъ горѣли славянскіе дѣятели среднихъ десятилѣтій XIX вѣка, стѣсненіе національныхъ правъ поляковъ, раздѣленныхъ между тремя государствами, не могло не признаваться крайне печальнымъ и тяжелымъ для славянства явленіемъ. Конечно, прежде всего сами поляки не могли примириться съ лишеніемъ ихъ права на свободное развитіе своей національной жизни. Но не менѣе больно должна была чувствоваться идеологами славянства и вся несправедли-

вость притязаній польскихъ націоналистовъ на захватъ подъ именемъ «Польши» никогда не бывшихъ поляками частей русскаго народа. И это особенно болѣзненно должны были сознавать именно русскіе, какъ въ самой Россіи, такъ и въ тѣхъ русскихъ краяхъ, которые еще не были возсоединены съ національнымъ государствомъ русскаго народа.

Уже Добровскій научнымъ изученіемъ славянскихъ языковъ обосновалъ систему дѣленія славянства на народы. Онъ раздѣлилъ славянскіе языки на двѣ группы. Въ первую имъ отнесены языки русскій (russica), древній, т. е. церковно-славянскій (slavica vetus), иллирійскій или сербскій (illyrica seu serbica), хорватскій (croatica) и словенскій (slovenica seu vindica in Carniolia, Stiria et Carinthia), во вторую — словацкій (slovacica), чешскій (bohemica), два сербскихъ въ Лузаціи (sorabica seu vendica in Lusatia superiori, sorabica in Lusatia inferiori) и польскій (polonica). Востоковъ высказалъ мысль, что русскій языкъ, въ общемъ принадлежа къ первой изъ этихъ группъ славянскихъ языковъ, въ сущности занимаетъ среднее мѣсто между ними обѣими. Францъ Палацкій и Н. И. Надеждинъ уже выдѣлили русскій народъ въ особую восточную группу. Шафарикъ въ своихъ «Славянскихъ Древностяхъ», вышедшихъ въ Прагѣ въ 1837 году, принимая дѣленіе Добровскимъ всего славянства на двѣ основныя группы, юговосточную и западную, въ первой изъ нихъ различалъ три главныя вѣтви — русскую, болгарскую и иллирійскую. Въ языкѣ русской вѣтви онъ выдѣлялъ нарѣчія великоруссовъ или москвитянъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ и новгородцевъ. Въ другомъ своемъ, имѣющемъ громадное значеніе трудѣ «Slovanský Národopis» (Прага, 1842 г.) Шафарикъ остался при своемъ прежнемъ дѣ-

леніи славянскаго языка на два говора (**mluwa** dwoje) — юговосточный и западный. Въ первомъ онъ выдѣлялъ три рѣчи (dělí se na troji **řeč**) — русскую, болгарскую и иллирскую; во второмъ четыре — лешскую, чешскую, лужицко-сербскую и вымершую уже полабскую. Въ русской рѣчи Шафарикъ признавалъ три нарѣчія, а именно великорусское, малорусское и бѣлорусское, а въ лешской только одно — польское. Къ великорусскому нарѣчію Шафарикъ причислялъ его новгородское, а къ польскому его кашубское поднарѣчія **(podřeči).**

Какъ бы ни развивалось въ послѣдующее время изученіе славянскихъ языковъ и ихъ діалектологіи, оно не измѣнило, а, наоборотъ, еще болѣе закрѣпило то основное для пониманія характера Западной Россіи положеніе, что по языку поляки и живущія въ ней вѣтви русскаго народа не имѣютъ народнаго единства. Этого мало. Они принадлежатъ даже къ двумъ различнымъ основнымъ группамъ славянства. Близость русскихъ (бѣлоруссовъ и малоруссовъ) къ полякамъ не больше, чѣмъ близость къ нимъ болгаръ или сербовъ, и съ точки зрѣнія этнографіи славянства ихъ невозможно сливать съ поляками въ единую, общую «Польшу». Это положеніе было крупнымъ пріобрѣтеніемъ для правильнаго выясненія истиннаго характера и національной природы «губерній, отъ Польши присоединенныхъ» къ Россіи. Съ другой стороны, научное изученіе, выясняя составныя части русскаго народа, пришло (а затѣмъ точно закрѣпило) къ установленію положенія, что русскій народъ образуется великоруссами, малоруссами и бѣлоруссами, какъ его вѣтвями. Всѣ они составляютъ одинъ народъ, одну часть всего славянства, восточныхъ или русскихъ славянъ, а не отдѣльные славянскіе народы, какъ чехи и поляки въ

западной группѣ славянства, или сербы и болгары въ южной.

Тѣсно связанное съ научнымъ славяновѣдѣніемъ, дававшее ему одну изъ основныхъ частей его матеріаловъ, изученіе памятниковъ старой письменности и старопечатныхъ книгъ также оказало самое сильное вліяніе на выясненіе того, что представляетъ собою Западная Россія. Собранія рукописей и вышедшихъ изъ старинныхъ типографій книгъ, составленныя любителями - коллекціонерами, будь по простому личному интересу, или въ сознаніи ихъ значенія для науки и «благого просвѣщенія», въ Россіи были извѣстны уже давно. Начавшееся ихъ описаніе стало приводить понемногу въ извѣстность богатство этихъ собраній и дѣлало доступнымъ ознакомленіе съ нимъ. Уже въ 1813 году В. С. Сопиковъ издалъ свой «Опытъ Россійской Библіографіи» (переизданный А. С. Суворинымъ въ началѣ XX столѣтія подъ редакціей В. Н. Рогожина). Онъ обнаружилъ длинный рядъ книгъ, напечатанныхъ на церковно - славянскомъ или русскомъ языкахъ кирилловскими буквами, въ разныхъ частяхъ Литовско - Русскаго государства и русскихъ земель, захваченныхъ Польшею еще въ XIV столѣтіи. Это были книги Св. Писанія, различныя книги богослужебныя, религіознаго и иного содержанія, наконецъ, Литовскій Статутъ 1588 года, т. е. тотъ кодексъ, который былъ сборникомъ дѣйствующихъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго. «Опытъ» Сопикова сразу привлекъ къ себѣ вниманіе всѣхъ, интересовавшихся старою русскою жизнью и славянствомъ вообще. Самуилъ Богумилъ Линде («О Статутѣ Литовскомъ, изданномъ на русскомъ языкѣ и русскою печатью», изд. въ Варшавѣ въ 1816 году), Іосифъ Добровскій («Institutiones linguae slavicae dialecti veteris», изд. въ Вѣнѣ въ

1822 году), Іоахимъ Лелевель («Двѣ библіографическія книги», изд. въ Вильнѣ въ 1823 и 1826 годахъ), Юрій Самуилъ Бандтке («Исторія типографій въ Королевствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, равно какъ и въ краяхъ заграничныхъ», изд. въ Краковѣ въ 1826 году) сейчасъ же закрѣпили въ западнославянской литературѣ главнѣйшія данныя, добытыя трудомъ Сопикова.

За «Опытомъ» В. С. Сопикова послѣдовали работы другихъ русскихъ библіографовъ и знатоковъ памятниковъ русской старины — П. М. Строева («Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ» библіотеки графа Ѳ. А. Толстого — въ 1829 году, «Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ» библіотеки И. Н. Царскаго — въ 1836 году, дополненіе къ двумъ этимъ «Описаніямъ» — въ 1841 году, «Библіотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» — въ 1845 году), В. М. Ундольскаго (каталогъ библіотеки А. И. Кастерина — въ 1848 году), И. П. Сахарова («Обозрѣніе Славяно - Русской библіографіи» — въ 1849 году), а за ними рядъ другихъ работъ въ дальнѣйшее время. Описанія рукописей, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить замѣчательный трудъ А. Х. Востокова («Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума»), вышедшій въ 1842 году, выясняли обширные размѣры русскаго рукописнаго богатства, сохранившагося отъ старой жизни «губерній, отъ Польши присоединенныхъ».

Приведеніе въ извѣстность рукописей и старопечатныхъ книгъ далекаго историческаго прошлаго этого края обнаружило его старую русскую культуру, какъ составную часть обще - русской культуры, созданной единымъ русскимъ народомъ, какъ національнымъ цѣ-

лымъ, въ его органическихъ частяхъ (великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы). Выяснялись мѣстныя особенности этой обще-русской культуры, но обнаруживалась и ея цѣлостность, какъ вырабатывавшейся на общей основѣ, хотя и въ различныхъ мѣстныхъ условіяхъ и при различныхъ постороннихъ вліяніяхъ. Несмотря на всѣ утраты, причиненныя временемъ и бѣдствіями, огнемъ и войнами, несмотря на сознательное или презрительно-безсознательное истребленіе отдѣльными фанатиками польскаго націонализма или католицизма, это богатство памятниковъ изъ старинной *русской* культуры Западной Россіи рѣзко отдѣлило ее отъ «Польши», которою ее раньше считали возможнымъ признавать.

Значеніе православія, т. е. «русской вѣры», какъ народной религіи русскаго народа «губерній, отъ Польши присоединенныхъ», получило теперь новое, научное освѣщеніе и глубоко обоснованное признаніе. Россія, какъ государство, еще до раздѣловъ Речи Посполитой постоянно имѣла дѣло съ обращеніями къ ней за поддержкою православнаго населенія присоединенныхъ къ ней по этимъ раздѣламъ земель. Русская церковная власть, вѣдая ихъ, когда онѣ вошли въ составъ государственной территоріи Россійской Имперіи, въ сущности лишь продолжала и развивала свои къ нимъ отношенія, уже установившіяся въ предшествующее время. Апологетическая православная литература, такъ богато развившаяся въ Западной Руси въ эпоху натиска тамъ на «русскую вѣру» воинствующаго католицизма и церковной уніи, имѣла большое распространеніе въ средѣ защитниковъ «русской старины» въ Московскомъ государствѣ, старообрядцевъ, передавая имъ свою обще-русскую идеологію православія и обоснованіе его защиты отъ «новшествъ» и «латин-

ской прелести» съ ея «суемудріемъ». Исторія русской церкви должна была отдавать страницы и главы своихъ трудовъ изложенію церковной исторіи Западной Россіи. Уже митрополитъ Платонъ въ вышедшей въ 1805 году первымъ изданіемъ, превосходной для того времени «Краткой Церковной Россійской Исторіи», закладывая прочное основаніе для дальнѣйшаго развитія научной разработки исторіи русской церкви, отдалъ значительную часть своего вниманія историческому прошлому православной церкви въ Западной Россіи. Продолжатели дѣла митрополита Платона по изученію прошлой жизни русской церкви рѣшительно не имѣли возможности обходить въ своемъ изученіи Западную Россію, и ея церковная исторія затѣмъ все болѣе и болѣе выявлялась и освѣщалась съ обще-русской точки зрѣнія, какъ исторія единой *русской* церкви.

Наконецъ, и общая исторія Россіи должна была признать необходимымъ внесеніе въ свое изложеніе исторіи русскаго Запада. Н. Г. Устряловъ въ своемъ «Разсужденіи о системѣ прагматической русской исторіи», напечатанномъ въ 1836 году, выдвинулъ положеніе, что исторія Великаго Княжества Литовскаго, въ составъ котораго вошли въ XIII — XIV столѣтіяхъ Малороссія и Бѣлоруссія, имѣетъ равное право «на вниманіе бытописателя, какъ и судьба Московскаго государства». Въ 1839 году появилась въ печати его рѣчь: «Изслѣдованіе вопроса, какое мѣсто въ русской исторіи должно занимать Великое Княжество Литовское». Изложеніе его историческаго прошлаго Устряловъ ввелъ въ свои лекціи и въ образовавшуюся изъ нихъ свою «Русскую Исторію», вышедшую въ свѣтъ въ 1837 - 1841 годахъ и затѣмъ не разъ переиздававшуюся. Слѣдя за исторіею русскаго Запада, Устряловъ

устанавливалъ его національное единство съ Русью Восточною.

«Четыре главныя условія», писалъ онъ, «служатъ основаніемъ народности: гражданскіе уставы, языкъ, вѣра, исторія». И именно они были главнымъ препятствіемъ для сліянія «обитателей Западной Руси съ поляками, напоминая имъ на каждомъ шагу родство съ обитателями Московскаго государства».

Тридцатые годы XIX столѣтія были ознаменованы вообще пробужденіемъ въ русской исторической литературѣ интереса къ Западной и Юго-Западной Россіи. Въ 1833 году былъ учрежденъ, а 15 іюля 1834 года открытъ Университетъ Св. Владимира въ Кіевѣ. Одною изъ главныхъ задачъ его сразу же сдѣлалось изученіе историческаго прошлаго Запада и Юга Россіи, столь затемненнаго польскою націоналистическою идеею и литературой, ее выражавшей. Первымъ ректоромъ Кіевскаго Университета былъ М. А. Максимовичъ, коренной малороссъ по происхожденію, ботаникъ по научному образованію, профессоръ Московскаго Университета, крупный ученый своего времени, съ молодыхъ лѣтъ занимавшійся филологіей и исторіей литературы, собиратель и издатель малороссійскихъ пѣсенъ, горячо любившій свою родную Малороссію. Въ Кіевскомъ Университетѣ онъ занялъ каѳедру русской словесности, а когда затѣмъ оставилъ ее по болѣзни, то и всю свою дальнѣйшую жизнь отдалъ разработкѣ историческаго прошлаго Малороссіи и исторіи ея языка. Максимовичъ выступилъ со своими историческими изслѣдованіями въ то время, когда въ русской литературѣ настойчиво высказывался взглядъ на малороссовъ, какъ на пришельцевъ въ землю, оставленную кореннымъ русскимъ населеніемъ послѣ татарскаго опустошенія въ XIII вѣкѣ. По такъ называемой «старо-

московской» теоріи М. П. Погодина въ татарскую эпоху все коренное населеніе южной Россіи или было перебито, или ушло изъ нея на сѣверо - востокъ, въ Суздальскую Русь, а на его мѣсто пришли «карпатцы» лехитскаго происхожденія. Такъ Погодинъ, этотъ горячій защитникъ національныхъ правъ русскаго народа, сходился въ этомъ вопросѣ съ польскими націоналистами, настаивавшими на польскомъ характерѣ Запада и Юго-Запада Россіи. Максимовичъ рѣшительно возсталъ противъ этого ученія. Онъ доказалъ, что «старобытный кіевопереяславскій народъ», «южнорусскіе поляне» отнюдь не ушли своею массою изъ «родимаго края», и ихъ потомки и въ настоящее время составляютъ основную массу его населенія. Рѣзко возсталъ онъ и противъ польскихъ националистическихъ притязаній, выдвигая то, что Польша дала Руси только своихъ землевладѣльцевъ, съ ихъ угнетеніемъ народа, и религіозныя преслѣдованія «русской вѣры», которыя и привели къ возстаніямъ казачества и народа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Максимовичъ настаивалъ на этнографическихъ особенностяхъ малороссовъ. Въ дѣленіе славянскихъ языковъ и славянъ, данное Добровскимъ и Шафарикомъ, онъ внесъ свою поправку, раздѣляя все славянство на двѣ группы: славянъ восточныхъ (русскихъ) и западныхъ. Вторую группу онъ подраздѣлялъ на славянъ сѣверозападныхъ и югозападныхъ (или задунайскихъ), первую — на руссовъ сѣверныхъ и руссовъ южныхъ. Въ восточнославянской или русской половинѣ славянства онъ различалъ два языковыхъ «разряда»: 1) сѣвернорусскій, составляемый языками великорусскимъ (съ его нарѣчіями) и бѣлорусскимъ, 2) южнорусскій съ его нарѣчіями («малороссійскимъ или украинскимъ» и «червонорусскимъ или галицкимъ»). Выдвигая наличность трехъ

вѣтвей русскаго народа (великорусской, малорусской и бѣлорусской), Максимовичъ настаивалъ на единствѣ «земли Русской», созданномъ кровною близостью этихъ вѣтвей и ихъ исторіей. Когда Русская земля переживала «проклятую татарву», западомъ и югомъ Руси овладѣла Литва, вступившая затѣмъ въ соединеніе съ Польшей. Но въ тотъ же «Литовскій періодъ» исторіи русскихъ Юга и Запада «зачалась *Московія*, юное сердце, punctum saliens *великой Россіи*; и между тѣмъ какъ оно, выходя изъ тяжкой мглы татарской, крѣпилось и росло въ сей исполинскій и мощный организмъ, на югѣ зачиналось *козачество*, которое, подобно летучей кометѣ, вспыхнувъ на Украинѣ, грозно пронеслось въ мірѣ, огневою чертою означило слѣдъ свой въ исторіи и, приставъ къ Восточному солнцу, вошло въ систему великаго міра его». Кіевъ, Москва и Петербургъ—для Максимовича «три великіе памятника трехъ великихъ періодовъ русской исторіи». Въ своей полемикѣ съ Погодинымъ по поводу его взгляда на Богдана Хмельницкаго онъ, между прочим, писалъ: «я думаю, что мой Кіевскій взглядъ на Богдана сойдется съ твоимъ Московскимъ въ одно *Русское* воззрѣніе, такъ же, какъ Московская и Кіевская Русь — двѣ стороны одного *Русскаго міра*, надолго разрозненныя и даже противостоявшія другъ другу, сошлись *воедино* — усиліями Богдана». А напечатанное въ «Русской Бесѣдѣ» въ 1857 году письмо Максимовича къ Погодину, по поводу его ученія о «карпатцахъ», смѣнившихъ коренное населеніе юга Руси, заканчивалось слѣдующими словами старыхъ русскихъ князей: «мы есмы не угры, ни ляхове, но единаго дѣда есмы внуцы».

Кромѣ Максимовича и рядъ другихъ профессоровъ Кіевскаго Университета отдалъ свои силы разра-

боткѣ историческаго прошлаго Юго-Запада и Запада Россіи. Изъ нихъ особенно нужно выдвинуть историка-юриста Н. Д. Иванишева. Создавалась постепенно цѣлая школа русскихъ историковъ Университета Св. Владимира, которая въ послѣдующее время дала длинный рядъ научныхъ трудовъ по исторіи русскихъ Запада и Юга. Въ то же время развивалось изданіе источниковъ этой исторіи и организовывались архивы для ихъ храненія. Эти архивы должны были неизбѣжно обратить на себя самое серьезное вниманіе и правительства. Ихъ документы, имѣя выдающееся практическое значеніе (для доказыванія правъ сословныхъ, по землевладѣнію и т. д.), выявляли ясно и неоспоримо русскій характеръ западныхъ и юго-западныхъ земель Россіи, бывшихъ территоріей зарожденія общерусской культуры въ старой Кіевщинѣ и областяхъ Днѣпра съ его притоками и Западной Двины. Описаніе и изданіе памятниковъ исторической жизни русскихъ Юга и Запада были лучшимъ средствомъ борьбы съ польскими на нихъ притязаніями, основанными на польской націоналистической идеѣ, слившей въ своемъ увлеченіи Польшу съ Малороссіей, Бѣлоруссіей и Литвою. Уже въ 1824 году графъ Н. П. Румянцовъ, предупреждая дѣятельность учрежденныхъ позднѣе правительствомъ археографическихъ коммиссій, издалъ «Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ» (подъ редакціей священника И. Г. Григоровича ставшаго впослѣдствіи виднымъ дѣятелемъ русской археографіи). Учрежденная въ 1834 году, а съ 1837 года ставшая постояннымъ учрежденіемъ, Археографическая Коммиссія въ Петроградѣ, въ числѣ другихъ своихъ изданій, выпустила въ 1846-1853 годахъ пять томовъ своихъ «Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи», имѣющихъ крупное научное значеніе. Въ сороковыхъ годахъ въ

Кіевѣ была открыта археографическая коммиссія, которая могла сразу съ большимъ успѣхомъ приступить къ изданію историческихъ матеріаловъ, благодаря научнымъ силамъ Кіевскаго Университета. За время 1845 - 1859 годовъ она издала четыре тома своихъ «Памятниковъ», а съ 1859 года стала выпускать томы своего «Архива Юго - Западной Россіи», которые выходили все послѣдующее время. Въ Сѣверо - Западномъ краѣ также началось археографическое издательство. Въ 1841 году Виленскій губернаторъ А. В. Семеновъ образовалъ въ Вильнѣ коммиссію изъ опытныхъ въ археографіи людей, и результатомъ ея работы было изданное въ 1843 году «Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ». Переведенный въ 1845 году на должность губернатора въ Минскъ, онъ исходатайствовалъ передъ правительствомъ разрѣшеніе на учрежденіе временной археографической коммиссіи и тамъ, и она въ 1849 году издала «Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи, православныхъ монастырей и по разнымъ предметамъ». 2 апрѣля 1852 года императоромъ Николаемъ I было утверждено «положеніе о центральныхъ архивахъ для актовыхъ книгъ въ западныхъ губерніяхъ». Имъ были учреждены въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ центральные архивы, въ которые было предписано собрать изъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій «западныхъ губерній» всѣ старыя актовыя книги и документы времени до XVIII столѣтія включительно. Этимъ была создана возможность систематической работы надъ изданіемъ историческихъ матеріаловъ, а научные работники получили возможность работать надъ документами Западнаго и Юго - Западнаго края, собранны-

ми изъ разбросанныхъ по разнымъ городамъ архивовъ.

Архивы сохранили громадное количество источниковъ для научной разработки историческаго прошлаго «губерній, отъ Польши присоединенныхъ», для выявленія и уразумѣнія ихъ особенностей и старой культуры, развивавшейся изъ обще-русской основы, но въ особой исторической обстановкѣ жизни Края и подъ дѣйствіемъ иныхъ вліяній, чѣмъ жизнь Великороссіи, въ частности при наличіи вліянія Польши, которое, однако, далеко не было настолько всепоглощающимъ, чтобы могло переродить русскія и литовскія земли и обратить ихъ въ Польшу. Тѣ же историческіе матеріалы, писанные въ громадной своей части на русскомъ языкѣ, обнаружили и значеніе послѣдняго въ мѣстной жизни, какъ жизни національной русской. Начавшееся изданіе ихъ по оригиналамъ обнаружило и передѣлку ихъ внѣшности рядомъ польскихъ издателей, которые русскій текстъ актовъ и произведеній западно - русской письменности воспроизводили въ печати латинскими буквами, т. е. придавали ихъ языку видъ своеобразнаго польскаго языка, или его нарѣчія, при чемъ это дѣлали сплошь и рядомъ даже безъ указанія на свое отступленіе отъ оригиналовъ.

Изданіе источниковъ и организація архивовъ подготовляли дальнѣйшіе успѣхи разработки исторіи Западной Россіи и выявленіе ея русскому обществу. Но не такъ скоро наступили эти успѣхи : главныя силы работниковъ русской исторической науки еще не могли быть отданы этой работѣ. А русское общество продолжало жить или безъ серьезнаго интереса къ «западнымъ губерніямъ», или смотря на нихъ глазами польской литературы, съ ея величавыми образами художественныхъ произведеній Мицкевича, въ которыхъ

«Литва» выступала столь отличною отъ Россіи и столь близкою къ Польшѣ, такою, какою ее рисовала польская націоналистическая идея Польши «отъ моря до моря». Преподаваніе въ русской школѣ не только не разрушало, а наоборотъ закрѣпляло такія представленія. Въ учебникѣ географіи, составленномъ К. И. Арсеньевымъ, въ отдѣлѣ «о племенахъ народовъ, обитающихъ въ Россійскихъ владѣніяхъ», къ «славянскому племени» отнесены: «а) Русскіе, господствующій народъ въ Имперіи; б) Казаки: Донскіе, Черноморскіе, Уральскіе и Сибирскіе; в) Поляки, народъ, составляющій главное населеніе въ Царствѣ Польскомъ и въ Губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ». А этотъ учебникъ за время съ 1818 по 1849 годъ выдержалъ двадцать изданій. Въ теченіе тридцати лѣтъ онъ былъ единственною учебною книгою по географіи въ средней школѣ Россіи.

До широкихъ круговъ русскаго общества почти не доходили голоса и самихъ коренныхъ литовцевъ, не только протестовавшихъ противъ отождествленія ихъ съ поляками, но и страстно обвинявшихъ Польшу во вредѣ, причиненномъ ею ихъ отчизнѣ, требовавшихъ полнаго отъ нея отмежеванія. Какъ выразитель этого настроенія, сильнаго въ средѣ литовцевъ, можетъ быть названъ хотя бы Ѳаддей Кукевичъ. Въ послѣдніе годы существованія Речи Посполитой онъ занималъ одну за другою рядъ должностей Великаго Княжества Литовскаго, а въ 1794 году былъ главнымъ секретаремъ Литовскаго Верховнаго Правительства. Онъ продолжалъ свою служебную дѣятельность и послѣ присоединенія Литвы къ Россійской Имперіи. Кукевичъ, въ числѣ другихъ представителей Западнаго Края, въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка былъ участникомъ разсмотрѣнія проекта Западнаго Свода, составленнаго при

общей кодификаціонной работѣ въ Имперіи (при М. М. Сперанскомъ), и выступилъ какъ непримиримый врагъ элементовъ польской національной культуры, проникшихъ въ литовскую жизнь. Своею задачей онъ ставилъ охрану «самобытно» выросшаго литовско-русскаго права отъ вторженія въ него элементовъ права польскаго. Онъ настойчиво выдвигалъ и полную государственную самостоятельность Великаго Княжества Литовскаго въ эпоху соединенія съ Польшею и опредѣлялъ Люблинскую Унію какъ унію «политическую», какъ союзъ двухъ самостоятельныхъ «державъ».

VI.

Между тѣмъ русская жизнь выдвигала новые вопросы, надъ которыми должно было глубоко и мучительно задуматься русское общество, — основныя начала этой жизни въ ея прошломъ и настоящемъ, исканіе ихъ для личности и общества, опредѣленіе отношеній Россіи къ Западной Европѣ и ея культурѣ, мысли о лучшемъ строѣ того государственнаго уклада, въ которомъ жилъ русскій народъ, и его подготовка. Извѣстны значеніе въ русской жизни западничества и славянофильства и ихъ сущность и ученіе. Нѣтъ надобности входить въ ихъ изложеніе на настоящихъ страницахъ. Но нельзя не отмѣтить, что интересъ къ *народу русскому* и изученіе его въ его прошломъ, въ его духовной жизни, въ его народной поэзіи, идеалахъ и бытѣ, такъ страстно выдвинутые славянофилами, были несомнѣннымъ пріобрѣтеніемъ и для позитивнаго научнаго знанія, независимо отъ славянофильской идеологіи. Интересъ къ народу росъ въ русскомъ обще-

ствѣ вообще — наступали эпоха подготовки его къ «великимъ реформамъ» и время самихъ этихъ реформъ.

Развитіе этнографіи, русской вообще, знакомило и съ бытомъ народа Западнаго Края, съ его пѣснею, поговоркою, повѣрьемъ, обрядомъ, укладомъ жизни, въ которыхъ почувствовалась далекая обще-русская старина, восходящая иногда къ отдаленнымъ временамъ племенной жизни восточныхъ славянъ, образовавшихъ русскій народъ. Потомки кривичей, полочанъ, дреговичей, древлянъ стали воскресать предъ глазами русскаго общества въ населеніи «губерній, отъ Польши присоединенныхъ». Стали появляться и изслѣдованія отдѣльныхъ вопросовъ историческаго прошлаго Западной Россіи, и даже опыты изложенія ея исторіи въ полномъ видѣ, вродѣ вышедшаго въ 1857 году «Обозрѣнія исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ», составленнаго О. Турчиновичемъ и прослѣживающаго эту исторію вплоть до раздѣловъ Речи Посполитой.

Наступилъ 1861-й годъ. Совершилось освобожденіе крестьянъ, и эта «великая реформа» обнаружила и обществу, и правительству рознь подвергшагося подчиненію польской національной культурѣ землевладѣльческаго класса Юго-Запада и Запада Россіи и ихъ малорусскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ крестьянскихъ массъ. Эта рознь имѣла свои основы не только въ расхожденіи интересовъ крестьянъ и землевладѣльцевъ эпохи отмѣны крѣпостного права, но и въ различіи религіи и національнаго сознанія.

Такимъ образомъ, когда разразилось польское возстаніе 1863 года, перекинувшееся и въ Литву и Бѣлоруссію, русскія общество и правительство оказались уже въ значительной мѣрѣ подготовленными къ пониманію различія его смысла и значенія въ корен-

номъ польскомъ краѣ (Царство Польское) и на территоріи Литвы, а особенно Бѣлоруссіи. Но, конечно, нельзя признать, да невозможно и ожидать, чтобы это пониманіе было достояніемъ и того и другого, въ ихъ полномъ составѣ. Если отбросить людей не идеи, а личнаго интереса въ своей дѣятельности и жизни — а ихъ обычно бываетъ, къ сожалѣнію, очень много и въ рядахъ правительственныхъ дѣятелей, и въ рядахъ общества, — то придется все-таки выдѣлить различныя теченія, далеко несходныя въ своихъ основаніяхъ. Для однихъ на первомъ мѣстѣ стояла вообще цѣлость государства и охрана его правъ и значенія верховной власти, безразлично, какая бы національность ни жила въ той или иной части государственной территоріи Россіи. Для нихъ и чисто польское дѣло въ «Привислянскомъ Краѣ», т. е. въ Царствѣ Польскомъ, и событія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи были однимъ и тѣмъ же, и борьба съ возстаніемъ въ сущности понималась какъ борьба за возстановленіе цѣлости государственной территоріи и государственнаго достоинства Россіи, добытыхъ трудами и кровью поколѣній. Въ тѣхъ адресахъ, которые подавались въ это время императору Александру II, и въ тѣхъ выраженіяхъ чувствъ, съ которыми къ нему обращались сословія, группы и ученыя учрежденія, господствовало именно такое пониманіе положенія дѣла. Общественный подъемъ и его выраженіе въ обращеніяхъ къ трону и въ прессѣ прежде всего обнаруживали стремленіе дать отпоръ притязанію на цѣлость предѣловъ и достоинства государства, какъ со стороны возставшихъ, такъ и со стороны державъ Западной Европы, пытавшихся вмѣшаться въ дѣла Россіи внутри ея государственной территоріи. Но можно было подмѣтить уже и раздѣленіе вопроса для Польши и Западной Россіи, на основѣ

національнаго состава ихъ населенія и историческаго прошлаго.

А между тѣмъ руководители польскаго возстанія единство Западной Руси и Литвы съ Польшею именно и написали на своемъ знамени. Еще наканунѣ возстанія, въ 1862 году адресъ трехсотъ польскихъ дворянъ, поданный графу Андрею Замойскому для доведенія до свѣдѣнія великаго князя Константина Николаевича, между прочимъ, говорилъ : «какъ поляки, мы можемъ поддерживать правительство лишь тогда, когда оно станетъ польскимъ и когда всѣ области, составляющія нашу родину, будутъ соединены воедино и будутъ пользоваться конституціею и свободными учрежденіями». Воззваніе центральнаго комитета отъ 31 марта 1863 года провозгласило цѣлью возстанія «полную независимость Польши, Литвы и Руси, какъ нераздѣльныхъ частей единаго государства Польскаго».

Иначе и быть не могло, ибо идея возстанія 1863 года лежала не въ защитѣ права польскаго народа на свободную національную жизнь и самостоятельное государство, а въ возстановленіи старой «Польши», которою националистическая польская идеологія подмѣнила федеративную Речь Посполитую, союзъ двухъ государствъ и соединеніе различныхъ народовъ. Этой идеологіей жила польская эмиграція съ конца XVIII столѣтія. И теперь не право каждаго славянскаго народа быть равноправнымъ членомъ славянской семьи или вообще право народа на свое національное государство, а возстановленіе Речи Посполитой какъ «Польши» совершенно естественно явилось тою цѣлью, ради которой были развернуты польскія знамена въ «войнѣ» съ Россіей, какъ было названо польскими националистами возстаніе. Именно «воюющею стороной» и предлагалось Россіи дипломатіей Западной Европы

признать поляковъ, по просьбамъ руководителей движенія. «Польша, Литва и Русь», согласно польской націоналистической идеологіи, составляли единое неразрывное цѣлое. Адамъ Мицкевичъ въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка въ своей извѣстной «Litania Pielgrzymska» взывалъ къ Матери Божіей, какъ «королевѣ Польши и Литвы», и къ покровителю Польши — св. Станиславу, покровителю «Литвы» — св. Казимиру, покровителю «Руси» — св. Іоасафату, къ тому Іоасафату Кунцевичу, который былъ врагомъ и гонителемъ «русской» вѣры въ XVII столѣтіи и былъ за это убитъ русскимъ народомъ въ Витебскѣ въ 1623 году. Въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка то же самое вдохновенно возглашалъ Андрей Товянскій, съ молитвой обращаясь къ Царицѣ Польши и «Литвы», которая изъ Ченстохова и Виленской Острой Брамы даетъ свою охрану и помощь *полякамъ*.

О томъ, что части русскаго народа, входившія когда то въ составъ Речи Посполитой, уже соединились съ остальными частями и племенами того же народа въ одно государство, идеологи польскаго націонализла не хотѣли и знать. Наоборотъ, великоруссовъ они выдѣлили въ особый народъ «москалей» или «россіянъ», совершенно игнорируя, что и часть малоруссовъ уже въ XVI-мъ (Черниговщина) и XVII-мъ столѣтіяхъ (Кіевъ и лѣвый берегъ Днѣпра) составили вмѣстѣ съ ними одно государство. За этими «россіянами» даже готовы были не признавать права на славянство и объявить ихъ татарами, къ удивленію представителей научнаго славяновѣдѣнія, которымъ польскіе націоналисты старались даже доказывать правильность своего воззрѣнія. «Vous avez été étonnés d'entendre des Polonais refuser aux Russes tout caractère slave et ne voir en eux que des Tartares», писалъ Владиславъ

Мицкевичъ въ 1867 году въ своемъ посланіи къ Палацкому и Ригру. «Mais à qui la faute?» — продолжалъ онъ: «Quand les Russes se conduisent en Tartares, peuvent-ils se plaindre de la méprise! Si en réalité le Russe est notre frère slave, il l'est comme Caïn le fut d'Abel».

Тотъ націоналистическій мистицизмъ, который развивался въ среднихъ десятилѣтіяхъ XIX вѣка въ польской эмиграціи и который готовъ былъ вылиться въ своеобразную разновидность *славянской* идеи, не могъ порвать съ этимъ основнымъ заблужденіемъ польской націоналистической идеологіи. Андрей Товянскій, дожившій до возстанія 1863 года, мечталъ о рожденіи новой и прекрасной, истинно христіанской Польши, считая ее возможною только на старыхъ ея основахъ, а не на основѣ выдѣленія польскаго народа, какъ этнографической и національной единицы, съ отказомъ отъ притязаній на власть надъ русскимъ и литовскимъ народами. Знаменитый Адамъ Мицкевичъ, въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія подчинившійся вліянію націоналистической теософіи Товянскаго, въ своихъ парижскихъ извѣстныхъ лекціяхъ въ «Collège de France», читанныхъ имъ о славянской литературѣ, преклонялся передъ величіемъ славянскаго призванія, но понималъ его далеко не сходно съ носителями славянской идеи въ Чехіи, Россіи и другихъ славянскихъ странахъ. Если славянство, по убѣжденію Мицкевича, одно можетъ дать Европѣ искупленіе отъ накопленной въ ней грязнымъ отстоемъ многовѣковой цивилизаціи всей нравственной лжи и элементовъ моральнаго разложенія, то именно поляки являются въ немъ богоизбраннымъ народомъ, идейнымъ и чистымъ ядромъ всего славянства, ибо именно они наиболѣе полно сумѣли усвоить всѣ основы западной культуры, очистивъ

ее своимъ славянскимъ геніемъ. А если все это такъ, то «москали», «россіяне», съ иными основами своей національной жизни, чѣмъ поляки, должны склониться передъ мессіанизмомъ польскаго народа. Востокъ долженъ склониться передъ Западомъ, и историческая миссія польскаго народа должна осуществиться во имя блага славянства и человѣчества. Притязанія на «Русь» и «Литву» получали свое оправданіе и въ построеніяхъ польскихъ историковъ націоналистовъ - романтиковъ (Лелевель, Шайноха и другіе). Они видѣли историческую миссію польскаго народа въ распространеніи на востокъ полонизма, какъ западной культуры. Эта культура, въ основѣ которой лежало католичество, не слась поляками въ Русь и Литву. Мирославскій особенно ясно выразилъ все это словами : «la Pologne est une modification du slavisme par l'éducation latine, en concurrence au slavisme grec et oriental des tribus danubiennes, de la Moscovie et de la Ruthénie».

Такъ старинныя притязанія на литовскія и русскія земли получили въ польской націоналистической идеологіи новое обоснованіе, въ мессіанизмѣ и ученіи объ исторической миссіи польскаго народа. Отъ этихъ притязаній вожди польскаго націонализма отнюдь не хотѣли отказываться въ эпоху возстанія 1863 года. Сынъ Адама Мицкевича Владиславъ взывалъ 4 іюля этого года къ императору Наполеону III : «vous que les Italiens dans Milan ont acclamé et salué comme le libérateur de l'Italie et qui, en ce moment, êtes dans le coeur et sur les lèvres de tous les Polonais, depuis les Carpathes jusqu'au Dnieper, vous en qui nous avons espéré quand même, êtes-vous avec nous ou contre nous?» Онъ же писалъ о Польшѣ и ея «provinces méridionales»: «on ne peut pas plus concevoir la Pologne sans ses provinces méridionales que l'Italie

sans Naples et la Sicile». Кіевъ, Одесса, Житоміръ, Вильна должны войти въ составъ Польши. Спрашивать само населеніе этихъ земель объ его желаніи или нежеланіи быть поляками считаетъ Владиславъ Мицкевичъ рѣшительно ненужнымъ — «ce n'est pas plus utile que de demander aux habitants de Moscou et de Twer, s'ils sont Russes». Такимъ образомъ, побѣда надъ русскимъ народомъ, а не соглашеніе съ нимъ на основѣ взаимнаго признанія національныхъ правъ польскаго и русскаго народовъ, была цѣлью, которую себѣ ставили руководители возстанія 1863 года.

Польское возстаніе въ Литвѣ и Бѣлоруссіи было подавлено М. Н. Муравьевымъ, который, приступая къ дѣятельности генералъ - губернатора Сѣверо - Западнаго Края, поставилъ себѣ двоякую задачу : 1) быстро и рѣшительно, вооруженною силою и суровыми карами возстаніе подавить и 2) «возстановить въ искони русскомъ краѣ русскую народность и православіе». Возстаніе подавлено было быстро, органическая работа начата была Муравьевымъ немедленно, и въ концѣ апрѣля 1864 года, въ Петроградѣ, онъ лично подалъ императору Александру II записку, въ которой излагалъ мѣры, необходимыя для Сѣверо - Западнаго Края. Основнымъ положеніемъ, изъ котораго онъ исходилъ, было слѣдующее : «правительство должно твердо усвоить мысль, что Западный Край — искони русскій, составляющій древнее достояніе Россіи, что русская народность численностью превосходитъ всѣ прочія племена, его населяющія, и что въ немъ не должно быть мѣста польскому вліянію, ни племенному, ни религіозному».

Дѣятельность М. Н. Муравьева получила рѣзко отрицательную оцѣнку въ польскомъ обществѣ и въ

польской литературѣ. Что касается общества и литературы русскихъ, то они раздѣлились въ своемъ отношеніи къ этой дѣятельности на два лагеря, ея сторонниковъ и ея противниковъ. Суровыя мѣры, аресты и казни, ссылки и конфискаціи имущества участниковъ возстанія будили къ нимъ чувство состраданія, да и сами по себѣ жестокія дѣйствія обычно не могутъ вызывать большого сочувствія широкихъ общественныхъ круговъ въ нормальное и болѣе или менѣе здоровое время жизни общества, когда оно можетъ и должно не забывать человѣчности, какъ основы культурной жизни. И тѣхъ русскихъ людей, которые не были непосредственно затронуты событіями такъ, какъ ихъ переживали ихъ соотечественники, постоянные жители Сѣверо-Западнаго Края, или изъ него вышедшіе, или съ нимъ сроднившіеся, суровость боевыхъ мѣръ Муравьева отталкивала ото всей его системы. А очень многіе, лучше сказать большинство, и не знали Западной Россіи. Они представляли ее себѣ сквозь призму польской литературы и столь глубоко утвердившихся въ русскомъ обществѣ традиціонныхъ заблужденій, въ художественныхъ образахъ Мицкевича, покрытою флеромъ польскихъ націоналистическихъ идеаловъ. Этого мало. Защита польскихъ интересовъ вообще представлялась части русскаго общества защитой западно-европейской культуры, защитою началъ Запада противъ историческихъ московско-великорусскихъ началъ, которымъ они не сочувствовали и которыя считали препятствіемъ къ болѣе тѣсному соединенію въ единой культурной жизни и ея идеалахъ съ Западною Европой.

Что касается сторонниковъ системы М. Н. Муравьева, то, конечно, въ ихъ рядахъ, какъ и въ рядахъ ихъ противниковъ, было много людей, личные ин-

тересы и личныя выгоды которыхъ получали, благодаря его дѣятельности, свою защиту или свое осуществленіе. Но въ рядахъ сторонниковъ Муравьевской системы очень немало было и людей, настроенныхъ идейно, убѣжденныхъ людей, считавшихъ основные его взгляды на Западную Россію единственно вѣрными. Бѣлоруссія и Литва — не Польша, и притязанія на нихъ польскихъ націоналистовъ не оправдываются ни ихъ историческимъ прошлымъ, ни этнографическимъ составомъ ихъ населенія, ни потребностями его жизни — вотъ идейная основа взгляда сторонниковъ Муравьевскихъ преобразованій, и этотъ взглядъ настойчиво ими развивался и въ печати, и въ заявленіяхъ. Можетъ быть, наиболѣе яркимъ выразителемъ такого взгляда былъ не мѣстный для Края человѣкъ, а писатель, изъ Москвы наблюдавшій русскую жизнь и горѣвшій такимъ яркимъ и горячимъ свѣтомъ любви къ славянству и народу русскому — И. С. Аксаковъ. Его статьи по польскому и западно-русскому вопросамъ были полны любви къ русскому народу, живущему въ Сѣверо-Западномъ Краѣ, были выраженіемъ сознанія его единства съ остальнымъ народомъ русскимъ и призывали къ точному различенію Западной Россіи и Польши, для блага братскихъ славянскихъ Польши и Россіи. Вотъ что, напримѣръ, онъ писалъ въ своей газетѣ «День» 20 іюля 1863 года: «Въ Бѣлоруссіи мы у себя дома, въ Россіи, чувствуемъ и сознаемъ себя вполнѣ и по праву *хозяевами* ...., здѣсь мы въ правѣ не терпѣть польскаго духу, и не только въ правѣ, но положительно и несомнѣнно обязаны. Въ Царствѣ Польскомъ мы въ *Польшѣ,* и едва ли найдется Русскій, который, побывавъ въ Царствѣ хотя мимоѣздомъ, не почувствовалъ бы себя *гостемъ,* пришельцемъ въ этой средѣ — сплошной, компактной, рѣзко опредѣлен-

ной . . . ., хотящей жить и предъявляющей право на жизнь».

Въ годину польскаго возстанія вопросъ о правахъ Польши, въ ея національномъ развитіи, на Западную Россію былъ поставленъ Аксаковымъ совершенно опредѣленно, съ рѣзкимъ осужденіемъ польскихъ на нее притязаній и съ сочувствіемъ Муравьевской системѣ въ ея опредѣленіи характера Сѣверо-Западнаго Края, какъ искони русскаго, и въ ея выводахъ изъ него для задачъ русской государственной власти по организаціи его жизни и строя. Аксаковъ обращался къ русскому обществу, призывалъ его сознать національное единство русскаго народа, почувствовать то, что бѣлоруссы его органическая составная часть, и въ то же время стремился поднять національное русское самосознаніе въ самой Западной Россіи.

Статьи И. С. Аксакова по западно - русскому и польскому вопросамъ, какъ и дѣятельность М. Н. Муравьева, вызвали неодинаковое къ себѣ отношеніе. Онѣ встрѣчали глубокое сочувствіе однихъ, рѣзкое отрицаніе другихъ. Иначе и быть не могло, ибо принципъ и самая суть дѣла были вскрыты и очерчены совершенно отчетливо и опредѣленно. Западная Россія — Польша или Россія по своему существу? То или иное разрѣшеніе этого основного вопроса должно было влечь за собою и принятіе всѣхъ изъ него вытекающихъ выводовъ для идейнаго построенія понятія русскаго народа, какъ національной единицы, и для практическихъ мѣропріятій въ области государственной организаціи. И Муравьевъ, и Аксаковъ отвѣчали: да, это Россія, а не Польша. Такое рѣшеніе вопроса поставило противъ И. С. Аксакова руководящіе круги польскаго общества, и писавшіе раньше въ «Днѣ» польскіе авторы перестали обращаться къ Аксаковской газетѣ

со своими статьями для русскаго общества. Это рѣшеніе вопроса поставило противъ И. С. Аксакова и представителей русскаго западнически - либеральнаго направленія, увидѣвшихъ въ немъ сторонника «вѣшателя» Муравьева. Русскій либерализмъ не былъ либерализмомъ національнымъ. Быть можетъ, въ этомъ одна изъ главныхъ причинъ тяжелыхъ судебъ русской интеллигенціи и отсутствія той сплоченности и жизненности прогрессивной части общества, которая такъ много дала общественному и государственному развитію Западной Европы. По отношенію къ Западной Россіи наблюдалось то же, что еще сравнительно очень недавно повторилось по отношенію къ Прибалтійскому Краю. И тамъ борьба русской государственной власти съ преобладаніемъ нѣмецкаго меньшинства (землевладѣльческій и отчасти городской классы) надъ латышскою и эстонскою основною массою населенія вызывала значительный отпоръ русскихъ либеральныхъ круговъ.

Но въ Западной Россіи самъ классъ землевладѣльцевъ — шляхты въ своемъ большинствѣ даже не былъ коренного польскаго происхожденія, а состоялъ, главнымъ образомъ, изъ ополяченныхъ русскихъ, притомъ подвергшихся полонизаціи не такъ давно, а отчасти даже въ XIX-мъ лишь столѣтіи. Какъ среди латышей и эстовъ національное движеніе получило возможность для своего развитія послѣ преобразованій въ Прибалтійскомъ Краѣ въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка, такъ національное движеніе литовцевъ тѣсно связано съ реформами въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, проведенными послѣ подавленія польскаго возстанія 1863 года.

VII.

Въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка вопросъ о Западной Россіи и правахъ на нее поляковъ и русскихъ остановилъ на себѣ вниманіе и представителей славянской мысли. Польское возстаніе 1863 года заставило глубоко продумать этотъ вопросъ, а славянскій съѣздъ въ Москвѣ въ 1867 году, связанный съ Московскою этнографическою выставкой, доставилъ возможность и его устнаго обсужденія въ обще-славянской средѣ, въ обстановкѣ сознанія славянскаго единства. Въ устройствѣ славянскаго отдѣла Московской этнографической выставки приняли участіе всѣ славянскіе народы, за исключеніемъ поляковъ. Славянскія ученыя общества и отдѣльные дѣятели прислали въ Москву экспонаты, которые сдѣлали выставку картиною быта не только народовъ Россіи, но и цѣлаго славянства, какъ единаго племенного цѣлаго, состоящаго изъ ряда братскихъ, родныхъ по крови народовъ.

На приглашеніе Комитета по устройству этнографической выставки откликнулись и прислали своихъ представителей всѣ славянскіе народы, разбросанные по различнымъ государствамъ тогдашней Европы. Изъ Пруссіи пріѣхалъ представитель кашубовъ, изъ Саксоніи прибыли представители сербовъ-лужичанъ, изъ Австріи — русскихъ, чеховъ, словаковъ, словенцевъ, хорватовъ, сербовъ; явились представители сербовъ изъ княжества Сербіи и Черногоріи, наконецъ, изъ Турціи прибылъ болгаринъ. Изъ всего славянства на этомъ съѣздѣ не было только поляковъ.

Мысль о славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ была встрѣчена польскимъ обществомъ крайне враждебно. Польская печать, рядомъ съ австро-нѣмецкой и мадьярской, возстала противъ этого съѣзда со страстною

враждою. Если австрійская печать увидѣла въ немъ «панславистское сборище» и объявила, что «побратимство на панславянской основѣ — это заговоръ противъ Австріи» (Debatte), то печать польская провозгласила: «этнографическая выставка въ Москвѣ устроена съ тѣмъ, чтобы выказать предъ Европою солидарность всѣхъ славянскихъ племенъ.... Ложь— эта солидарность славянскихъ племенъ подъ русскимъ протекторатомъ.... Поэтому въ сущности Московская выставка будетъ значить то же, что значили размалеванныя деревни на Днѣпрѣ, представленныя Потемкинымъ Екатеринѣ. Мы знаемъ, что она не удастся, но каждый шагъ въ этомъ направленіи обращаетъ на себя вниманіе наше и Австріи» (Dziennik Polski). А мадьярская газета Pesti Naplo, отрицая за славянами право на единство, которое она признавала принадлежащимъ нѣмцамъ и итальянцамъ, выдвигала въ противовѣсъ панславизму сближеніе мадьяръ, нѣмцевъ и поляковъ, какъ единеніе образованныхъ націй міра противъ славянскаго варварства.

Польская эмиграція выпустила манифестъ, въ которомъ протестовала противъ участія чеховъ въ Московскомъ славянскомъ съѣздѣ. Въ немъ представители трехъ поколѣній польской эмиграціи (1831, 1848 и 1863 годовъ), объявляя себя «представителями одной великой Речи Посполитой, созданной Богомъ и исторіей», между прочимъ, провозглашали: «въ этой древней Речи Посполитой Русь и Польша, соединенныя съ Литвою неразрывными узами историческаго призванія и нравственныхъ потребностей, какъ свободныя со свободными, равныя съ равными, представили великое зрѣлище такого союза, который одинъ только и можетъ осчастливить народы. Мы никогда не измѣнимъ этому принципу, котораго вѣрнымъ символомъ слу-

житъ и на вѣчныя времена будетъ служить наше тройное знамя, представляющее Архангела Михаила, Орелъ и Погоню» (т. е. гербы Кіева, Польши и Великаго Княжества Литовскаго). Обращаясь къ представителямъ чешской науки, манифестъ говорилъ: «высоко цѣня вашу честность и любовь къ отечеству, мы не можемъ допустить и мысли, чтобы вы пожертвовали самостоятельностью вашего народа и согласились на поглощеніе вашего отечества Москвою во имя никогда не существовавшей, небывалой славянской народности». Отрекаясь отъ идеи славянскаго единства, польскіе націоналисты, такимъ образомъ, выдѣлили поляковъ изъ всеславянскаго міра и обще-славянскому единству противопоставили интересы отдѣльныхъ народовъ, враждебные единенію славянства какъ цѣлаго.

Но чехи, въ числѣ 27-ми представителей, съ Палацкимъ, Ригромъ, Браунеромъ и Ербеномъ во главѣ, все-таки отправились въ Россію и еще отчетливѣе и живѣе, чѣмъ раньше, почувствовали тамъ, что они вмѣстѣ съ русскими и остальнымъ славянствомъ, котораго представители собрались на славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, составляютъ единую «славянскую семью», что всѣ они «родные» братья, «единой матери сыны». Громадное значеніе Московскаго съѣзда 1867 года въ исторіи славянства какъ цѣлаго хорошо извѣстно. Прощаясь со славянскими гостями, В. И. Ламанскій говорилъ: «славянскій вопросъ изъ книгъ и кабинетовъ перенесенъ на улицы, на площади, въ храмы, въ театры, вопросъ этотъ сдѣлался теперь всерусскимъ, всеевропейскимъ». И онъ былъ правъ. Широкіе круги русскаго общества стали *знать* славянство, о славянахъ-братьяхъ заговорила вся Россія, она *почувствовала* ихъ братство на всемъ своемъ безпредѣльномъ просторѣ, въ сколько-нибудь интеллигент-

ныхъ и даже просто грамотныхъ своихъ кругахъ. Это чувство просачивалось и въ народныя массы. Отношеніе русскаго общества въ 1875 году къ возстанію въ Герцеговинѣ и Босніи противъ турецкаго угнетенія и къ послѣдовавшей за нимъ войнѣ съ Турціей Черногоріи и Сербіи, тотъ громадный подъемъ славянскаго чувства, которымъ тогда всколыхнулась и загорѣлась Россія, и освободительная война 1877 - 1878 годовъ — все это стоитъ въ тѣсной связи съ Московскимъ съѣздомъ 1867 года. Самимъ балканскимъ славянамъ онъ далъ твердую надежду на широкую помощь русскаго народа въ дѣлѣ ихъ освобожденія отъ турецкой власти. Что же касается славянъ, жившихъ въ Габсбургской монархіи, то имъ онъ доставилъ возможность напрячь всѣ свои силы въ отстаиваніи своихъ *славянскихъ* правъ въ сознаніи нравственной поддержки Россіи и ея значенія какъ убѣжища для гонимыхъ на своей родинѣ славянскихъ патріотовъ. Все это было особенно цѣнно именно тогда, ибо новый конституціонный строй выброшенной изъ Германскаго Союза Австро - Венгріи, какъ двуединой монархіи, отдавалъ ея славянство подъ господство нѣмцевъ и мадьяръ. «Man muss die Slaven an die Wand drücken», провозгласилъ австрійскій министръ фонъ - Бейстъ, какъ основное начало новаго строя Габсбургской монархіи, созданнаго въ 1867 году.

Польскій вопросъ, конечно, не могъ быть обойденнымъ на Московскомъ съѣздѣ 1867 года. Онъ поднимался и затрагивался много разъ, но особенно ярко былъ поставленъ на банкетѣ въ Сокольникахъ 21 мая. Ригеръ въ своей рѣчи высказалъ свою и Палацкаго мысль, какъ мысль чеховъ, родныхъ братьевъ и поляковъ, и русскихъ : «мы изъ исторіи познали, какія великія кривды наносили шляхта и правительство поль-

ское племени русскому, отчуждая народу русскому его малороссійскую вѣтвь, вводя въ его населеніе средствами непохвальными такъ называемую унію. Мы признали это неправдою искренно и открыто, мы признали справедливымъ ваше желаніе возвратить въ свое владѣніе этотъ край, отторженный отъ васъ насиліемъ; мы говорили, что вѣтвь русскаго племени имѣетъ право возвратиться къ вамъ, составляя съ вами, по суду науки, единый народъ. Но мы не можемъ таить въ себѣ мысль, что и поляки, вѣтвь западнаго славянства, какъ по языку, такъ и по исторіи, имѣютъ право на свое народное существованіе». Слова Ригра выразили ту же мысль, которую еще въ 1863 году отчетливо высказалъ И. С. Аксаковъ въ одномъ изъ номеровъ своего «Дня». Это именно та мысль, которая одна можетъ быть признана чистосердечно славянскою. Говорившій, въ числѣ другихъ, послѣ Ригра князь В. А. Черкасскій въ обширной рѣчи, въ цифрахъ и фактахъ, сравнилъ то благосостояніе, которое развито и охраняется русскою властью въ русской Польшѣ, съ тѣмъ, что Россія давала своимъ внутреннимъ губерніямъ, и, напомнивъ, что въ Галиціи живетъ подъ господствомъ польской національности вѣтвь русскаго народа, обрисовалъ ея тамъ положеніе и отношеніе къ ней поляковъ, гоненіе ими ея національности.

Представитель галицкихъ русскихъ, Я. Ѳ. Головацкій плакалъ во время этой рѣчи: картина его родной Галиціи и лично имъ перенесенныя преслѣдованія живо стояли передъ его глазами. Другой русскій галичанинъ, І. Н. Ливчакъ еще раньше, во время пребыванія славянскихъ гостей въ Вильнѣ, высказался объ отношеніи польскихъ націоналистовъ къ Россіи. «Еслибъ дѣло шло о полякахъ угнетенныхъ», ска-

залъ между прочимъ тогда Ливчакъ, «я не рѣшился бы поднять противъ нихъ слово. Но поляки поносятъ весь славянскій міръ вовсе не за то, что ихъ угнетаютъ, а за то, что имъ не позволяютъ господствовать».

Въ дни славянскаго съѣзда 1867 года совершенно ясно и опредѣленно, на основѣ славянской науки и дѣйствительной современной жизни славянства, были выяснены и установлены взаимныя права и обязанности польскаго и русскаго народовъ по отношенію другъ къ другу. Но не только на этой основѣ въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка освѣщался польскій вопросъ въ Россіи. Онъ обсуждался и на почвѣ той «славянофильской» доктрины, какъ національно - философскаго міросозерцанія, которая выработалась въ части русскаго общества въ самомъ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ. Вопросы о смыслѣ русской жизни и объ ея отношеніи къ жизни Европы, о цѣляхъ, которыя должны себѣ ставить сознательно живущіе русскіе люди, уже давно вставали передъ русской интеллигенціей. Особенно неотложно они стали требовать своего разрѣшенія въ серединѣ XIX столѣтія. Германская философія и задачи русской дѣйствительности съ вопросомъ объ исходныхъ началахъ для устраненія изъ нея темныхъ и тяжелыхъ сторонъ соединялись съ идеями ранней, идеалистической стадіи развитія западно - европейскаго соціализма и направляли мысль на вопросы о сущности и задачахъ общечеловѣческой, западно - европейской культуры и отношеніи къ ней русскаго народа. Единство обще - человѣческой культуры было первоначально общимъ положеніемъ, принимавшимся всѣми русскими идеалистами, которые затѣмъ раздѣлились на двѣ враждебныя одна другой группы, западниковъ и славянофиловъ. Вопросъ былъ лишь въ томъ, какъ и до ка-

кихъ предѣловъ, т. е. до полнаго ли поглощенія индивидуальности отдѣльныхъ народовъ въ ихъ культурномъ развитіи, или съ сохраненіемъ ея должно осуществится это единство. Однако, тотъ кризисъ, который постепенно нароталъ и, наконецъ, разрѣшился въ европейскихъ событіяхъ 1848 года, поставилъ ребромъ проблему европейской культуры и путей, которыми идетъ Европа въ своемъ развитіи. Февральская революція во Франціи, закончившаяся іюньскими днями, и десятки тысячъ труповъ людей, разстрѣлянныхъ войсками генерала Кавеньяка, казалось, ясно показали тотъ тупикъ, въ который попала европейская жизнь, когда только смерть этихъ десятковъ тысячъ людей, защищавшихъ идеи соціализма и анархизма, выросшихъ также на почвѣ европейской культуры, дѣлала возможнымъ спасеніе ея и свободнаго государства.

Это былъ идейный кризисъ, похожій на тотъ, который переживаетъ Европа въ настоящее время. И понятно, что такіе убѣжденные русскіе западники, какъ А. И. Герценъ, переживали трагедію и теряли свою вѣру въ единоспасающее значеніе европейской культуры. Славянофилы отвѣтили на этотъ кризисъ европейской цивилизаціи иначе. Они провозгласили, что Западъ «гніетъ» и что славянство должно, отбросивъ навязанныя ему западныя начала, воскресить свои славянскія основы жизни, на нихъ построить современную жизнь и отрѣшиться отъ началъ разлагающагося Запада. Славянство должно стать на смѣну послѣдняго и открыть свои, неизвѣстные ему пути истинной культуры. Старый, отдѣльный отъ Запада историческій путь Россіи теперь представлялся идеологамъ русскаго славянофильства, какъ національно-философской доктрины, именно тѣмъ, на который ей

необходимо вернуться, вернуться къ роднымъ славянскимъ началамъ жизни, которыя должны освящаться не западнымъ, а восточнымъ христіанствомъ, т. е. православіемъ.

Такимъ образомъ, славянофильская доктрина противопоставила славянство западно - европейскимъ народамъ, славянскій Востокъ романо - германскому Западу, славянскія начала жизни западно - европейскимъ. На основѣ славянофильскаго міросозерцанія польскій вопросъ также долженъ былъ вызвать обсужденіе. Наиболѣе яркое его освѣщеніе на основѣ славянофильской доктрины, но и съ полнымъ научнымъ знаніемъ и пониманіемъ его въ его реальной, жизненной обстановкѣ далъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Едва ли не самый глубокій умъ въ средѣ выдающихся русскихъ славянофиловъ того времени, широко образованный, ученый, Самаринъ имѣлъ и громадный опытъ практической дѣятельности, а также и прекрасныя для нея дарованія. Польскій вопросъ, не какъ проблему славянскаго идеализма и положенія славянской науки, а какъ совершенно конкретныя явленія и картины дѣйствительной жизни и реальныхъ отношеній, изучилъ онъ во время своей службы въ Кіевѣ, участія въ выработкѣ крестьянской реформы императора Александра II и сотрудничества съ Н. А. Милютинымъ при проведеніи реформъ въ Царствѣ Польскомъ.

Въ своей статьѣ, появившейся въ 1863 году въ Аксаковскомъ «Днѣ», Самаринъ такъ опредѣлялъ «современный объемъ польскаго вопроса». «Изъ всѣхъ когда - либо занимавшихъ Европу вопросовъ», писалъ онъ, «польскій едва ли не самый запутанный и сложный. Это оттого, что онъ слагается изъ *трехъ вопросовъ,* по существу своему *различныхъ,* несмотря на ихъ тѣсную связь. *Поляки* — какъ народъ, какъ

особенная стихія въ группѣ славянскихъ племенъ. *Польша* — какъ самостоятельное государство. Наконецъ, Польша, или точнѣе: *полонизмъ* — какъ просвѣтительное начало, какъ представительство и вооруженная пропаганда латинства въ средѣ славянскаго міра». Право поляковъ на признаніе «самостоятельною, хотя сравнительно съ другими немногочисленною вѣтвью славянскаго племени» для Самарина внѣ всякаго сомнѣнія. «Они обладаютъ всѣми условіями народной личности; у нихъ свой языкъ, своя литература, своя историческая физіономія, свои бытовыя преданія». А если это такъ, то неизбѣженъ и выводъ: поляки, какъ народъ, имѣютъ безспорное право «на такое устройство, которое бы не нарушало свободы народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, составляющихъ *необходимое условіе всякой живой народности*». Но Самаринъ отмѣчаетъ и неизбѣжныя послѣдствія принятія этого положенія, которыя обязательны для самихъ поляковъ: «поляки, во имя своей національности, не могутъ требовать не только подчиненія себѣ какой-либо другой народности, но даже какой-либо съ ея стороны уступки».

Такимъ образомъ, Самаринъ строго раздѣлилъ право поляковъ на свою собственную національную жизнь и ихъ притязанія на возстановленіе стараго ихъ государства, въ которомъ они хотятъ господствовать надъ другими народами, отрицая за послѣдними права на ихъ собственную національность. Для коренныхъ польскихъ земель, находившихся въ составѣ Россійской Имперіи, онъ считаетъ возможнымъ или созданіе такой организаціи ихъ, которая бы имъ гарантировала «свободу вѣроисповѣданія, оффиціальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта», или

же полное «отреченіе отъ Царства Польскаго» Россіи. Но послѣднее онъ считалъ возможнымъ только при наличіи трехъ условій: 1) «отреченіе должно быть не только добровольно *по своему внутреннему побужденію,* но должно быть всею Европою признано за добровольное», 2) Европа внутри своихъ государствъ должна такимъ же способомъ разрѣшить аналогичные вопросы другихъ народовъ и 3) Россія не можетъ принять на себя «никакихъ гарантій самостоятельности и цѣлости Польши противъ покушеній другихъ державъ».

Что касается третьяго слагаемаго польскаго вопроса, по опредѣленію Самарина, т. е. полонизма, то съ этой точки зрѣнія онъ опредѣлялъ Польшу какъ «острый клинъ, вогнанный латинствомъ въ самую сердцевину славянскаго міра съ цѣлью расколоть его въ щепы». Славянство и латинство представляютъ собою начала, совершенно противоположныя по своей природѣ. «Какъ двѣ души, заключенныя въ одномъ тѣлѣ, славянство и латинство вели и доселѣ ведутъ внутри самой Польши борьбу непримиримую, на жизнь и смерть. Въ ней то и заключается глубокій трагическій интересъ польской исторіи, и отъ невѣдомаго ея исхода зависитъ будущность Польши. Это не международная, а внутренняя, домашняя ея тяжба, вопросъ народной совѣсти. Какимъ бы добровольнымъ истязаніямъ не подвергала себя Польша, какъ бы ни бичевала себя, чтобъ окончательно очиститься въ глазахъ латинства отъ первороднаго грѣха своей славянской крови, ей не переродиться; будущность ея, если только для нея есть будущность — въ славянскомъ мірѣ и въ дружномъ общеніи со всѣми ей сродными племенами, а не въ хвостѣ латинства. Но, спрашивается: достанетъ ли въ ней силы, чтобы сознать свою исто-

рическую измѣну славянству и притупить въ себѣ отравленное жало латинства, которое она съ такою любовію носила и носитъ въ своемъ сердцѣ ?» По заключенію Самарина, «всестороннее разсмотрѣніе польскаго вопроса» устанавливаетъ, «что все построеніе политико-соціальныхъ притязаній Польши основано на двухъ противорѣчіяхъ. Во имя своей народности, она требуетъ для себя политическаго господства надъ другими, равноправными съ нею народностями и оправдываетъ это притязаніе обѣтомъ — служить орудіемъ просвѣтительному началу, которое сгубило и губитъ ея внутреннюю жизнь».

Статья Самарина «Современный объемъ Польскаго вопроса» заняла видное мѣсто въ исторіи уясненія этого вопроса русскимъ обществомъ. Въ ней польскій и западно-русскій вопросы были глубоко осмыслены и совершенно ясно поставлены, и это было сдѣлано и на основѣ научнаго славяновѣдѣнія, и на основѣ славянофильской идеологіи. Первое давало научныя основанія для положеній второй, не совпадая, однако, съ нею цѣликомъ во всѣхъ своихъ построеніяхъ, ибо она была національнымъ міросозерцаніемъ, а не научною системою въ строго научномъ значеніи слова. Но и научное славяновѣдѣніе, и славянофильская идеологія, вмѣстѣ, сослужили въ шестидесятыхъ годахъ XIX столѣтія громадную службу въ дѣлѣ уясненія польскаго и западно-русскаго вопросовъ, ибо ими были точно установлены границы правъ и предѣлы законныхъ притязаній русскаго и польскаго народовъ въ ихъ многовѣковомъ спорѣ, и это было сдѣлано на основѣ научной этнографіи и славянской идеи. Въ послѣдующее время къ положеніямъ, установленнымъ тогда, прибавить по существу уже было нечего. Поколебать ихъ нельзя. Можно лишь дѣлать попытки простого ихъ

устраненія путемъ насилія надъ національными правами и взаимнымъ уваженіемъ ихъ обоими народами, перенося вопросъ съ почвы признанія національныхъ правъ на почву торжества государственныхъ интересовъ, съ почвы идеи права народа на національную жизнь на почву «реальныхъ» интересовъ и захвата государствомъ одного народа частей другого народа, при взглядѣ на послѣдній какъ на простой матеріалъ для созданія болѣе крупной государственной территоріи, которую своими собственными силами, безъ насилія и насильственной денаціонализаціи, народъ создать не въ состояніи. Для Западной и Южной Россіи въ дальнѣйшемъ намѣчался лишь другой вопросъ — о взаимныхъ отношеніяхъ племенъ русскихъ, т. е. восточныхъ славянъ (великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ). Но это уже внутренній вопросъ народа русскаго, а не его и другихъ народовъ.

Однако, оставалась еще сторона въ освѣщеніи польскаго и западно - русскаго вопросовъ, которая требовала своего научнаго изученія. Это — исторія отношеній русскаго и польскаго народовъ въ эпоху ихъ совмѣстной государственной жизни въ старой Польшѣ и въ Речи Посполитой. Возстаніе 1863 года заставило русскихъ историковъ серьезно заняться польскимъ и западно - русскимъ вопросами въ ихъ историческомъ освѣщеніи. С. М. Соловьевъ пишетъ свою «Исторію паденія Польши», Н. И. Костомаровъ — «Послѣдніе годы Речи Посполитой», И. Д. Бѣляевъ — «Очеркъ исторіи сѣверо - западнаго края Россіи». Появляются и книги, предназначенныя для широкихъ круговъ общества, какъ «Разсказы о Западной Руси» П. К. Щебальскаго. Но наиболѣе яркимъ представителемъ этого момента научной разработки исторіи Западной Россіи былъ профессоръ Петроградской Духов-

ной Академіи М. О. Кояловичъ. Онъ изслѣдовалъ рядъ отдѣльныхъ вопросовъ историческаго прошлаго Литвы, Бѣлоруссіи и Малороссіи, а въ 1864 году издалъ свои «Лекціи по исторіи Западной Россіи», образовавшіяся изъ курса, который онъ читалъ пожелавшимъ ознакомиться съ этой исторіей представителямъ высшаго общества въ Петроградѣ. Русскія начала жизни и борьба съ ними полонизма — господствующій тонъ «Лекцій» Кояловича. То же боевое, такъ сказать, значеніе имѣло при началѣ своего появленія и изданіе, предпринятое по повелѣнію императора Александра II попечителемъ Виленскаго учебнаго округа П. Н. Батюшковымъ «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ». Это многотомное изданіе ставило своею задачею выясненіе историческаго значенія русской культуры въ Сѣверо - Западномъ Краѣ. Оно знакомило русское общество съ остатками русской старины въ Западной Россіи, съ ея археологіей и исторіей, и въ немъ работалъ рядъ выдающихся представителей русской исторической науки, начиная съ В. Г. Васильевскаго, напечатавшаго въ немъ свою «Исторію Вильны».

Не сразу тонъ историческихъ трудовъ, изучавшихъ прошлое Западной Россіи, затѣмъ становится вполнѣ спокойнымъ. Но мало по малу это совершается. На горячую борьбу незамѣтно положило свою властную руку время, постепенно, но неуклонно умиряя ее сначала тонкимъ, но затѣмъ становившимся все гуще и плотнѣе покровомъ новыхъ переживаній. А между тѣмъ выявленіе въ свѣтъ цѣлаго моря новыхъ источниковъ для исторіи Западной Россіи и широкій размахъ изслѣдованія русскаго историческаго прошлаго, съ новыми, болѣе совершенными пріемами научной работы, сыграли свою могучую роль. Открылись

для разработки изслѣдователей архивы, какъ областные, такъ, что особенно важно, и государственный Великаго Княжества Литовскаго, извѣстный подъ именемъ «Литовской Метрики», раньше почти недоступный для научныхъ работниковъ. Сотни томовъ собраній источниковъ изданы русскими и польскими учеными учрежденіями и отдѣльными лицами. Особенно нужно выдвинуть изданія, выпущенныя Императорскою Археографическою Коммиссіей въ Петроградѣ, Кіевской и учрежденной въ 1864 году Виленской Археографической Коммиссіями, Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Виленскимъ Учебнымъ Округомъ и Витебскимъ и Виленскимъ Центральными Архивами. Наконецъ, къ настоящему времени мы имѣемъ и рядъ научныхъ трудовъ, которые подвергли изслѣдованію и научному изученію уже многое изъ историческаго прошлаго Западной Россіи, т. е. Литовско - Русскаго государства или Великаго Княжества Литовскаго, бывшаго сначала совершенно отдѣльнымъ отъ Польши, ничѣмъ съ нею не связаннымъ государствомъ, а затѣмъ въ соединеніи, но не сліяніи съ нею.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и постараемся представить тѣ главнѣйшія положенія, которыя можно въ настоящее время извлечь изъ историческаго изслѣдованія для уясненія себѣ того, чѣмъ была Западная Россія и какой характеръ имѣло ея соединеніе съ Польшею въ ихъ историческомъ прошломъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Ядромъ, около котораго сложилось Литовско-Русское государство, была Литва. Далеко не сразу установилось въ научной литературѣ правильное и ясное о ней представленіе. Долгое время литовцевъ считали смѣсью, «мѣшаниной» различныхъ народовъ, или народомъ «латышскимъ». Послѣднее опредѣленіе довольно прочно держалось въ русской литературѣ первыхъ десятилѣтій XIX вѣка. Правильное выясненіе литовской народности сдѣлалось возможнымъ лишь со времени научнаго изученія ея языка. Основатель сравнительнаго языковѣдѣнія Францъ Боппъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ «Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gotischen und Deutschen», вышедшемъ въ Берлинѣ въ 1833 году, обозначилъ самостоятельное мѣсто литовскаго языка въ индоевропейской ихъ группѣ. Дальнѣйшія работы филологовъ еще болѣе выяснили и опредѣлили самостоятельное значеніе литовскаго языка и его развѣтвленіе (вѣтви собственно литовская, жмудская, прусская и латышская). Признано было и выдающееся значеніе литовскаго языка для филологіи: какъ мало развившійся въ послѣдующее время, онъ является однимъ изъ наиболѣе сохранившихъ свою древность языковъ, наряду со старѣйшими языками индоевропейской группы.

Къ настоящему времени точно выяснено и прочно установлено, что литовцы, раздѣляясь на племена, представляютъ собою вѣтвь арійской семьи народовъ, уже въ весьма отдаленныя времена живутъ на мѣстахъ своего послѣдующаго жительства, разселявшись при этомъ раньше на болѣе обширной территоріи, отъ побережій Балтійскаго моря до средней Оки. Въ болѣе раннее время литовскія поселенія на востокѣ непосредственно соприкасались съ финскими. Но уже въ началѣ II-го столѣтія нашей эры литовская и финская народности были отдѣлены одна отъ другой проходомъ готовъ съ побережій Балтійскаго къ Черному морю, разорвавшимъ эти народы и подготовившимъ мѣсто для славянскихъ поселеній, раздѣлившихъ ихъ затѣмъ окончательно. Литовцы оказались прикрытыми славянской средой и отъ кочевниковъ съ юга, и отъ германскаго напора съ запада.

Если оставить въ сторонѣ отрывочныя и не всегда ясныя указанія античныхъ писателей (Птолемей, Тацитъ), то прямыя извѣстія о литовцахъ начинаются съ X столѣтія (сказанія о кончинѣ св. Войтеха, Вульфстанъ) и развиваются съ XI вѣка. Съ XI столѣтія начинаютъ о нихъ говорить русскія лѣтописи, въ XII-мъ присоединяются польскія хроники, а съ XIII-го и хроники Тевтонскаго и Ливонскаго орденовъ. На рубежѣ XII и XIII столѣтій литовцы дѣлились на слѣдующія племена: 1) Пруссы — между Вислой и Нѣманомъ, 2) Жомойть (Жмудь) — на правыхъ притокахъ нижняго Нѣмана, 3) Аукстоте (собственная Литва) — въ бассейнѣ Виліи и другихъ правыхъ притоковъ средняго Нѣмана, 4) Жемгала — на лѣвомъ берегу нижней Двины, 5) Летгола — на правомъ берегу нижней Двины, 6) Ятвяги — въ области Бѣловѣжской пущи и сѣвернѣе по притокамъ Буга, Нарева и Нѣмана. Рано

исчезнувшія литовскія поселенія тянулись и дальше на востокъ, до средней Оки: въ Калужской губерніи имѣются курганы съ предметами той же культуры, какъ и въ коренныхъ литовскихъ земляхъ, а на р. Протвѣ жило извѣстное русской лѣтописи исчезнувшее затѣмъ литовское племя Голядь.

Древнѣйшими свидѣтелями старой литовской жизни являются литовскіе курганы. Одни изъ нихъ (пилькальны) представляютъ собою длинные холмы, насыпанные у истоковъ рѣкъ и ручьевъ, сѣдлообразнаго вида. Другіе, отъ одного до двухъ аршинъ въ вышину, хранятъ въ себѣ остатки трупосожженія и различные предметы, сдѣланные изъ желѣза — топоры, наконечники дротиковъ, застежки, пряжки, различныя украшенія. Въ курганахъ бассейна Нѣмана и Виліи, не ранѣе IX столѣтія, обычно встрѣчаются желѣзные серпы съ сильно изогнутымъ лезвеемъ и длинною рукояткою. Вліяніе другихъ народовъ (финны, готы, норманны, славяне), конечно, могли воспринимать главнымъ образомъ тѣ части литовскихъ племенъ, которыя жили на окраинахъ ихъ общихъ поселеній. Масса этихъ поселеній, находившаяся внутри территоріи, занятой литовцами, сохраняла свой старый бытъ неприкосновеннымъ, очень медленно его развивая, и до настоящаго времени въ быту и обстановкѣ жизни литовскихъ крестьянскихъ массъ сохранилось много глубокой старины. Природа страны — равнина съ обиліемъ рѣкъ, озеръ и болотъ, лѣсовъ, частью взволнованная холмами — создавала трудности для кочеванія и должна была очень рано закрѣпить населеніе въ отдѣльныхъ районахъ. Звѣроловный и рыболовный промыслы очень рано должны были соединиться у литовцевъ съ примитивнымъ земледѣліемъ. Ростъ населенія и средствъ Литвы самой приводилъ ее къ нападеніямъ на сосѣд-

нихъ славянъ. Военные набѣги давали обогащеніе добычею, различнымъ имуществомъ и плѣнными, по праву войны стараго времени становившимися рабами своихъ побѣдителей и плѣнителей.

Съ XII столѣтія начинается длинная нить извѣстій лѣтописей и хроникъ о набѣгахъ литовцевъ на Волынь, княжества Полоцкой земли, земли Новгородскую и Смоленскую, Мазовію. Иногда набѣги литовцевъ совершаются ими въ очень большомъ составѣ участниковъ. Вотъ, напримѣръ, описаніе Новгородскою лѣтописью набѣга 1225 года : «Тои же зимѣ придоша Литва, повоеваша около Торжку безъ числа... бѣше бо ихъ 7000, и гость биша многъ, и Торопецьскую волость всю поимаша». Князья Ярославъ и Владиміръ съ сыномъ, съ новоторжцами и новгородцами, и князь Давидъ съ торопчанами погнались за ними, когда они отъ Руси повернули домой, «отъимаша весь полонъ, а самѣхъ избиша 2000, а прокъ ихъ (т. е. остальные) разбѣгошася». И лѣтописи, и хроники говорятъ о многочисленныхъ князькахъ или «царькахъ» (reguli), которые ведутъ литовцевъ въ ихъ набѣгахъ и войнахъ. У отдѣльныхъ племенъ извѣстія нашихъ источниковъ считаютъ ихъ многими десятками. Одно извѣстіе Волынской лѣтописи говоритъ о гибели въ битвѣ 40 ятвяжскихъ князей, хроника Петра Дюсбургскаго сообщаетъ, что Жомойть управлялась 70 - ю царьками. Подобныхъ извѣстій сохранилась цѣлая масса.

Конечно, подъ этими reges, duces, kunigai, rikai, князья и т. п. нельзя понимать еще носителей верховной власти въ сколько-нибудь выработанныхъ государственныхъ союзахъ. Княжеской власти въ значеніи власти русскихъ или польскихъ князей того времени въ Литвѣ еще нѣтъ. Она живетъ въ родовыхъ организаціяхъ, когда отдѣльные роды представляютъ собою осо-

быя единицы — организаціи, подобія маленькихъ первобытныхъ государственныхъ союзовъ, со своими старостами во главѣ. Источники не говорятъ, откуда бралась эта власть (по выбору родичей, или наслѣдственно въ семьѣ старосты), какъ не упоминаютъ и о литовскихъ вѣчахъ. Какъ бы то ни было, литовцы извѣстіями лѣтописей и хроникъ представляются раздѣленными на частицы народа, которыя живутъ особо, своею отдѣльною родовою жизнью. Но уже съ XI столѣтія начинаются указанія на начало объединенія этихъ частицъ отдѣльныхъ литовскихъ племенъ. То вся Жемгала идетъ на Полоцкъ (1106 г.), то выдвинется общій походъ ятвяговъ (напримѣръ, въ 1211 году), то попадется другое извѣстіе подобнаго же содержанія. Въ составѣ литовскихъ князей начинаютъ упоминаться «старшіе», что указываетъ на возникновеніе поднимающейся надъ отдѣльными родовыми союзами высшей, общей для нихъ всѣхъ власти.

Кто эти «старшіе»? Наиболѣе сильные и могущественные, или такіе, которые подъ собою имѣли уже родовыхъ старостъ? Нѣкоторые изъ ученыхъ считаютъ возможнымъ слову «старшій» придать значеніе послѣдняго. Но будетъ осторожнѣе удержаться отъ обязательнаго признанія въ «старшинствѣ» и «меньшинствѣ» стараго языка обозначенія субординаціи или понятія власти «старшихъ» надъ «младшими». Можетъ быть такъ, а можетъ быть мы имѣемъ простое указаніе на размѣры силы и вліянія, независимо отъ подчиненія родовыхъ старостъ. Но кто бы ни были эти «старшіе князья», фактъ на лицо — изъ массы князьковъ выдѣляются единицы, стоящія по своему значенію впереди этой массы. А разъ это такъ, передъ нами возникновеніе элемента, могущаго при соотвѣтствующихъ условіяхъ стать *властью,* объединяющею

группы родовъ, а затѣмъ и всѣ соединенія этихъ группъ.

Земледѣліе рано стало развиваться у литовцевъ, какъ мы это видѣли уже выше. Даровитыя и энергичныя отдѣльныя лица стали неизбѣжно занимать все большія и большія пространства земли подъ земледѣльческую обработку съ ростомъ рабовладѣнія, какъ результатомъ развивавшагося промысла войны, т. е. войны въ значеніи средства обогащенія. Постоянныя упоминанія русскихъ лѣтописей и польскихъ хроникъ о набѣгахъ литовцевъ указываютъ на ростъ населенія въ Литвѣ и на накопленіе средствъ и силъ для военно-разбойническихъ экспедицій. Сосѣдніе русскіе князья приглашаютъ литовцевъ какъ вспомогательную военную силу въ своихъ усобицахъ, подобно тому какъ южные русскіе князья приглашали половцевъ. Война, какъ промыселъ, стала обильнымъ источникомъ обогащенія вождей и развитія ихъ личнаго землевладѣнія (добыча, рабы, рабы-земледѣльцы). Изъ этихъ вождей все больше и больше выдѣляются храбрѣйшіе, талантливѣйшіе и наиболѣе удачливые. Война неизбѣжно порождала и тотъ или иной видъ дружиннаго начала, создавая группы воиновъ, постоянныхъ участниковъ военныхъ экспедицій вождей. Рядомъ съ «nobiles» и «edelsten» источники начинаютъ говорить о «barones» или «панахъ», на земляхъ которыхъ вмѣстѣ съ ними самими размѣщаются ихъ воины - соратники. Владѣніе литовскими крупными землевладѣльцами своими вотчинами «со всѣмъ правомъ и панствомъ» хорошо извѣстно въ послѣдующее время и ведетъ свое начало изъ этой далекой эпохи. Въ классѣ литовскихъ пановъ - князей слились затѣмъ потомки и родовыхъ старостъ, и главъ отрядовъ - дружинъ военнаго промысла, и крупныхъ заимщиковъ земле - рабовладѣльцевъ.

Совершенно естественно, что въ самой средѣ этихъ властителей Литвы стали развиваться явленія, способныя при соотвѣтствующихъ обстановкѣ и условіяхъ привести къ ея объединенію. Союзы для общихъ военныхъ нападеній и защиты, насильственное подчиненіе или устраненіе болѣе сильными болѣе слабыхъ съ захватомъ ихъ владѣній, соединеніе отдѣльныхъ владѣній путемъ брачныхъ союзовъ властителей — все это были пути для собиранія Литвы въ меньшее число независимыхъ ея частей. Въ XIII столѣтіи соединеніе всѣхъ ея силъ потребовалось особенно настоятельно. На границахъ Литвы выросли два новыхъ, крайне опасныхъ и упорныхъ врага. Въ 1202 году папа Иннокентій III, по ходатайству Рижскаго архіепископа Альберта Буксгевдена, утвердилъ уставъ вновь возникшаго Ливонскаго ордена («Fratres militiae Christi» или «меченосцы»). Этотъ орденъ началъ германское завоеваніе литовскаго племени Летголы (латышей). Въ 1230 году прибыли на нижнюю Вислу приглашенные мазовецкимъ княземъ Конрадомъ рыцари Тевтонскаго ордена, которые начали завоеваніе другого литовскаго племени Пруссовъ, а въ 1237 году, съ соизволенія папы Григорія IX, соединили съ собою Ливонскій орденъ въ общемъ высшемъ управленіи. Всей Литвѣ грозило германское завоеваніе, и желѣзная необходимость защиты должна была привести къ созданію единой великокняжеской власти — личные интересы наиболѣе властолюбивыхъ и могущественныхъ князей - царьковъ, стремившихся къ подчиненію себѣ другихъ, соединились съ необходимостью этой власти для всей Литвы.

Значеніе великаго князя Литовскаго впервые получилъ въ серединѣ XIII вѣка Миндовгъ, котораго отецъ уже былъ сильнымъ владѣтелемъ въ Литовской землѣ. Въ 1263 году заговоръ подручныхъ князей прервалъ

его жизнь. Начавшіяся послѣ смерти его смуты, однако, не окончились гибелью его дѣла. Новая династія, начатая Витенемъ и получившая имя Гедиминовичей отъ его преемника Гедимина (1316 - 1341), не только вполнѣ закрѣпила существованіе Великаго Княжества Литовскаго, но и развила его въ государство съ громадною территоріей.

II.

Уже въ пору сложенія Великаго Княжества Литовскаго въ его составъ вошла и часть Руси. Это такъ называемая Черная Русь, лежавшая на правыхъ притокахъ Нѣмана, съ городами Новгородокъ, Городенъ (позднѣе — Городна, въ новѣйшее время — Гродно), Слонимъ и Волковыйскъ. На протяженіи XIII и XIV столѣтій къ Великому Княжеству Литовскому были присоединены земли Полоцкая, Витебская, Минская, Туровская, Пинское Полѣсье, Берестейская съ такъ называемымъ Подляшьемъ (съ его городами Дорогичинъ и Мельникъ), Кіевская, Чернигово - Сѣверская, Волынская, Подольская и Смоленская. Русскія земли, вошедшія въ составъ Великаго Княжества Литовскаго, заключали въ себѣ именно тѣ части Руси, гдѣ зародилась и наиболѣе полно развилась старая русская культура, съ такими центрами ея, какъ старые и торговые Кіевъ, Полоцкъ, Смоленскъ. Открыло путь успѣхамъ Литвы въ собираніи Руси особенно монгольское завоеваніе. Зависимость отъ великаго князя литовскаго создавала возможность получить безопасность отъ татаръ, или по крайней мѣрѣ защиту отъ нихъ всѣми силами, которыя понемногу собрались въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и на это обращали вниманіе литовско-русскіе авторы еще въ XVI столѣтіи.

Лишь часть этихъ земель была пріобрѣтена силою оружія. Да и при такомъ способѣ присоединенія Литва не встрѣчала особенно сильнаго отпора со стороны присоединяемой ею Руси. Другая часть русскихъ земель вошла въ составъ Великаго Княжества Литовскаго мирнымъ путемъ, черезъ брачные союзы литовскихъ князей съ наслѣдницами русскихъ княжествъ, или по договору великаго князя литовскаго съ русскимъ княземъ, сидѣвшимъ на столѣ земли. Сущность такихъ договоровъ можетъ быть возстановлена по даннымъ послѣдующаго времени : великій князь литовскій обязывался давать «оборону» князю признававшей его суверенитетъ земли, а тотъ, въ свою очередь, обѣщалъ ему «покору», т. е. признавалъ его своимъ сюзереномъ. При обоихъ способахъ присоединенія внутренняя жизнь русскихъ земель затрагивалась очень мало, ибо центральная власть Великаго Княжества Литовскаго обычно почти не вмѣшивалась въ нее, предоставляя ее вѣдать прежнему русскому князю, или сажая на его мѣсто другого, пусть въ рядѣ земель князя изъ литовскаго княжескаго рода, но онъ не привозилъ съ собою изъ Литвы никакого новаго аппарата управленія, а лишь становился наверху старой правительственной организаціи земли, выработанной предшествующей ея жизнью. Литовская верховная власть была совершенно чужда тенденціи къ нивеллировкѣ областной жизни, да она не имѣла для нея и средствъ — въ ея распоряженіи не могло быть той развитой системы управленія, съ вѣками выработанными органами, которая въ болѣе новое время сдѣлала возможнымъ иногда очень большое вмѣшательство центральной власти въ жизнь областную.

Сохраненіе старины получило даже значеніе одного изъ основныхъ принциповъ для правительствен-

ной дѣятельности верховной власти Великаго Княжества Литовскаго: «мы старины не рухаемъ (т. е. не разрушаемъ), а новинъ не уводимъ» (т. е. не вводимъ) — провозглашали великіе князья литовскіе, подтверждая старыя права земель, находившихся подъ ихъ верховною властью. Послѣдствіями всего этого явились: 1) сохраненіе русскими землями на весьма продолжительное время ихъ строя и уклада жизни, естественнымъ образомъ эволюціонировавшихъ, и 2) отсутствіе при центральной власти органовъ управленія, въ видѣ особыхъ министровъ или учрежденій, которые вѣдали бы управленіе областей. Если эти дѣла восходили въ центръ, не разрѣшаемыя по той или иной причинѣ мѣстною властью, они направлялись непосредственно къ самому «господарю», т. е. великому князю, все равно, будетъ ли это дѣло судебнаго, административнаго или законодательнаго характера.

Къ концу XIV столѣтія русскія земли составили девять десятыхъ территоріи Великаго Княжества Литовскаго. Уже Миндовгъ имѣлъ свою резиденцію въ Новгородкѣ, т. е. на территоріи Черной Руси, Руси Литовской, какъ она иногда называется. Во время смуты, наступившей послѣ смерти Миндовга, та же Русь явилась оплотомъ для Миндовгова сына Воишелка, когда онъ началъ спасеніе Княжества отъ разложенія, ему грозившаго. Это было естественно, ибо русскія земли уже имѣли вполнѣ сложившуюся организацію и управленія, и военныхъ силъ, которая еще не успѣла выработаться въ коренной Литзѣ. Болѣе высокая общая русская культура, русская государственность и общественность должны были неизбѣжно сыграть свою крупную роль въ молодомъ Литовско-Русскомъ государствѣ. Земскіе полки Руси явились военною силою Княжества рядомъ съ чисто литовскимъ войскомъ,

и ихъ организація усвоивалась и послѣднимъ. Городовое дѣло, постройка городовъ - крѣпостей, ихъ гарнизоны и управленіе, княжескія хозяйство и администрація, податная организація — все это воспринималось слагавшеюся организаціей молодого государства и, скрещиваясь съ элементами литовскими, проникало въ центръ государственной власти, а оттуда закрѣплялось, въ чемъ поддавалась мѣстная жизнь, по государственной территоріи.

Русскія названія должностей (городничій, намѣстникъ, тивунъ, конюшій, ключникъ) появляются и въ коренныхъ литовскихъ земляхъ, русское слово «бояре», въ значеніи воиновъ-землевладѣльцевъ, сдѣлалось общимъ именованіемъ этого класса почти по всему государству. Русскій языкъ становится языкомъ великокняжескаго двора и государственной канцеляріи, дѣлается мало по малу государственнымъ языкомъ, въ центрѣ и во всѣхъ областяхъ Великаго Княжества Литовскаго, даже коренныхъ литовскихъ, ибо литовскій языкъ не былъ еще въ состояніи служить потребностямъ развивавшейся жизни Литовско - Русскаго государства. «Русская вѣра», православіе, еще въ сынѣ Миндовга, Воишелкѣ, имѣла своего горячаго послѣдователя, доведшаго свою преданность ей до принятія монашества въ православномъ монастырѣ. Браки литовскихъ князей съ русскими княжнами еще больше закрѣпляли русское вліяніе, внося его въ самую семью великаго князя литовскаго, а черезъ нее и въ общій укладъ его жизни. Вильна, ставшая столицей Великаго Княжества Литовскаго со времени Гедимина, явилась центромъ именно Литовско - Русскаго государства, а не просто Литовскаго Княжества. Русскія земли послѣ Монгольскаго завоеванія собирались около двухъ центровъ, Литвы и Москвы, и шансовъ на завершеніе этого

процесса, какъ должно было казаться по началу, едва ли было не больше у первой, чѣмъ у второй.

III.

Въ концѣ XIV столѣтія въ естественный ходъ и развитіе жизни Великаго Княжества Литовскаго, какъ Литовско - Русскаго государства, вторгается новый факторъ, созданный бракомъ великаго князя литовскаго Ягайла съ польскою королевою и «уніями» съ Польшею, которыя ведутъ свое начало отъ этого брака. Исторія договоровъ о соединеніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, ихъ заключеній, измѣненій, полныхъ разрывовъ и возобновленій тянется на протяженіи 184 - хъ лѣтъ, съ Кревскаго акта 1385 года до Люблинскаго договора 1569 года. Она начинается письменнымъ обязательствомъ, выданнымъ 14 августа 1385 года въ Кревѣ великимъ княземъ Ягайломъ польскимъ посламъ, договаривавшимся съ нимъ объ условіяхъ вступленія его въ бракъ съ королевою Польши Ядвигой. Въ числѣ условій было обязательство присоединенія навсегда владѣній Ягайла къ польскому королевству. Эта обѣщанная Ягайломъ инкорпорація и легла въ основу всѣхъ послѣдующихъ, господствовавшихъ въ Польшѣ, представленій о взаимныхъ отношеніяхъ ея и Великаго Княжества Литовскаго и о правахъ Польши на всю его государственную территорію.

Однако, Ягайло оказался не въ силахъ выполнить принятое на себя обязательство. Возстанія въ Литвѣ принудили его признать своего двоюроднаго брата Витовта, по Островскому соглашенію 1392 года, пожизненнымъ великимъ княземъ литовскимъ, правда съ

обязательствомъ для него не отступать отъ Польши и съ постановленіемъ, что послѣ смерти Витовта почти всѣ его владѣнія перейдутъ непосредственно къ Польшѣ; лишь та часть ихъ, которую онъ отдастъ, съ согласія польскаго короля, своему брату Сигизмунду Кейстутьевичу, останется не инкорпорированною въ Польшу, но съ обязательствомъ для Сигизмунда служить польскому королю, да сверхъ того жена Витовтова Анна пожизненно сохранитъ свои имѣнія, которыя ей отданы мужемъ какъ «вѣно». Островское соглашеніе, такимъ образомъ, нарушило Кревскій актъ, возстановивъ временно особаго великаго князя въ Литвѣ. Дальнѣйшая жизнь это временное значеніе превратила въ постоянное и пошла не по пути государственнаго сліянія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею, а, наоборотъ, по пути закрѣпленія его самостоятельнаго государственнаго значенія.

Уже съ этого времени обнаруживаются два совершенно противоположныхъ пониманія взаимныхъ отношеній Великаго Княжества Литовскаго и Польши, и эти пониманія существовали все послѣдующее время ихъ исторіи. Первое смотрѣло на себя какъ на независимое, равноправное Польшѣ государство, которое можетъ быть съ нею въ союзѣ для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ; вторая считала Княжество «втѣленнымъ» въ нее еще Ягайломъ, считала его своимъ неотъемлемымъ достояніемъ, въ силу выданнаго ей этимъ великимъ княземъ обязательства при его вступленіи въ бракъ съ польскою королевой и принятіи польской короны. Совершенно ясно, что при такомъ положеніи дѣла рѣшающую роль получала сила внѣшняго для обоихъ государствъ значенія, опасности отъ внѣшнихъ враговъ, которыя временами должны были дѣлать соединеніе ихъ силъ, или по крайней мѣрѣ мирное со-

глашеніе, необходимымъ для одного изъ нихъ или для обоихъ, а временами позволяли не считаться съ этою суровою необходимостью. Ясно, что исторія уній Великаго Княжества Литовскаго и Польши должна была переживать такіе періоды: 1) время, когда въ уніи нуждалась Польша, дѣлавшая уступки требованіямъ Княжества, 2) время, когда въ ней нуждалось послѣднее, которое и уступало польскому пониманію уніи, 3) время, когда въ уніи нуждались оба государства, взаимно идя на существенные компромиссы, 4) время, когда непосредственной нужды въ ней для нихъ не было и когда унія могла быть совершенно разорвана.

Въ 1401 году, послѣ пораженія отъ татаръ на р. Ворсклѣ (1399 г.), Витовтъ подтвердилъ свою покорность польскому королю и переходъ Великаго Княжества Литовскаго къ Польшѣ послѣ своей смерти. Но, когда силы Литовско-Русскаго государства возстановились и когда оно вмѣстѣ съ Польшею сокрушило въ 1410 году силы Тевтонскаго Ордена при Грюнвальденѣ, условія уніи получили существенное измѣненіе въ 1413 году на съѣздѣ въ Городлѣ. Въ Городельскомъ актѣ 1413 года нѣтъ ни слова о переходѣ Великаго Княжества Литовскаго къ Польшѣ послѣ смерти Витовта; въ немъ устанавливается, что послѣ Витовта Княжество не изберетъ его преемника безъ согласія польскаго короля и Польши, но за то и поляки не будутъ себѣ избирать новаго короля безъ совѣта съ Княжествомъ. Такимъ образомъ, совершилось формальное возстановленіе особаго великокняжескаго достоинства, со всѣми его государственными правами для Великаго Княжества Литовскаго; сохранялась лишь «унія» съ Польшею и участіе обоихъ государствъ въ избраніи ихъ отдѣльныхъ государей. Но и эти условія не удовлетворили Витовта и Литовско-Русское государство. Они стре-

мились къ полному государственному равенству съ Польшею, и Витовтъ подъ конецъ своей жизни почти добился королевскаго вѣнчанія, чтобы и по титулу быть равнымъ польскому королю, и только мѣры, принятыя Польшею (задержка короны, которую везли послы императора Сигизмунда), не дали осуществиться его коронованію.

По смерти Витовта Городельская Унія то нарушалась ставшими очень обычными избраніями великихъ князей литовскихъ безъ согласія Польши, то формально возстановлялась новыми договорами. Были случаи даже возобновленія договора 1401 года. Всѣ эти подновленія, однако, скоро забывались Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, и оно вновь вступало на достаточно уже широко проторенную дорогу отстаиванія и развитія своего самостоятельнаго государственнаго значенія. Иногда бывало, что для сохраненія хотя какой-либо связи съ Княжествомъ поляки избирали его великаго князя въ свои короли, чтобы хотя просто личность общаго монарха служила связью между обоими государствами, которыя по силѣ акта 1385 года должны бы были быть единымъ государственнымъ цѣлымъ. Былъ моментъ, когда произвели опытъ даже болѣе близкаго приближенія къ идеѣ акта 1385 года. Это было во время крупныхъ опасностей Великому Княжеству Литовскому отъ Москвы въ союзѣ съ Крымомъ, навалившимся въ эпоху Ивана III на Кіевъ. Великій князь литовскій Александръ какъ разъ въ это время былъ избранъ на престолъ Польши. Въ 1501 году въ Мельникѣ былъ заключенъ договоръ между Княжествомъ и Польшею, по которому для нихъ обоихъ предполагается общій государь, избираемый въ Польшѣ на общемъ сеймѣ ея и Великаго Княжества Литовскаго, а также намѣчалось и болѣе ясно выраженное ихъ

государственное соединеніе. Но этотъ актъ былъ принятъ только частью литовско - русскихъ представителей и отвергнутъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, притомъ даже для соглашавшихся на него онъ потерялъ смыслъ послѣ минованія непосредственной внѣшней опасности для Литовско-Русскаго государства.

Итакъ, «уніи», въ которыя претворилась обѣщанная Ягайломъ инкорпорація Великаго Княжества Литовскаго въ Польшу, не лишили Литовско - Русскаго государства его самостоятельнаго государственнаго значенія. Это значеніе оно возстановило, развивало и очень ревниво охраняло все послѣдующее время. Но создавшіяся связи и сношенія съ Польшею, конечно, не могли остаться безъ всякаго вліянія на внутреннюю жизнь Литовско - Русскаго государства. Это вліяніе не слѣдуетъ преувеличивать, но его нельзя и преуменьшать. Польша была не единственнымъ западнымъ сосѣдомъ Литвы, передававшимъ ей элементы западноевропейской культуры, скрещивавшіеся въ ней съ культурой восточно - европейской. Вліяніе германскаго міра въ лицѣ столь близко стоявшихъ къ Литвѣ Ливонскаго, а особенно Тевтонскаго орденовъ, къ сожалѣнію, недостаточно еще разработано въ научной литературѣ, излишне обычно преувеличивавшей вліяніе Польши, заслонявшее въ представленіяхъ историковъ другія вліянія. Но оно было, конечно, достаточно велико при постоянныхъ войнахъ Литвы съ орденскими рыцарями, которыя уже сами заставляли перенимать отъ врага то, чѣмъ онъ былъ силенъ, и при постоянныхъ сношеніяхъ съ ними въ XIII - XV вѣкахъ. И военное дѣло, и администрація, и обстановка жизни властей, и нѣмецкіе города и колонизація орденскихъ владѣній должны были въ той или иной мѣрѣ вносить въ развивавшееся Великое Княжество Литовское тѣ или

иныя черты, усваиваемыя имъ отъ германскаго міра. А позднѣе и европейская мысль, наука и техническія знанія шли въ Литовско-Русское государство сплошь и рядомъ непосредственно изъ западно-европейскихъ германскихъ и романскихъ центровъ, а также изъ чешской Праги, путемъ ли поѣздокъ въ эти центры отдѣльныхъ литовско-русскихъ «обывателей», или путемъ переѣздовъ на жительство въ предѣлы Великаго Княжества Литовскаго отдѣльныхъ лицъ изъ этихъ центровъ и ихъ странъ, или путемъ прямого воздѣйствія ихъ книги.

Но, конечно, и польское вліяніе должно было проложить достаточно широкую дорогу въ Литовско-Русское государство. Это вліяніе несло съ собою прежде всего католическую вѣру. Ягайло, раньше православный, долженъ былъ, вступая въ бракъ съ Ядвигою, перейти въ католичество. Вмѣстѣ съ нимъ приняли эту вѣру въ 1386 году въ Краковѣ и его спутники, рядъ литовскихъ князей, и въ числѣ ихъ Витовтъ. Крещеніе Ягайла и его народа въ католичество было однимъ изъ условій Кревскаго акта 1385 года. Въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ были учреждены католическія епископіи, рядомъ съ издавна существовавшими православными епархіями, первая въ 1387 году въ Вильнѣ, а за нею въ послѣдующее время созданы епископскія кафедры Луцкая и Берестейская, Мѣдницкая (въ Жомойти), Кіевская. Католическая религія была признана государственною религіею центральнаго ядра Великаго Княжества Литовскаго (собственно Литва и такъ называемая «Литовская» или Черная Русь). Католическіе монастыри и церкви стали рости въ своемъ числѣ сначала на этой территоріи, а затѣмъ понемногу распространялись и въ другихъ земляхъ Литовско-Русскаго государства, далеко не сочувственно

встрѣчаемые не только православнымъ населеніемъ русскихъ земель, но и язычниками Жомойти.

Для созданія внутренней спайки съ Польшею Ягайло выдалъ въ 1387 году въ Вильнѣ привилей (грамоту), который, утверждая преимущества католическихъ церкви и религіи въ Литвѣ, надѣлялъ польскимъ шляхетскимъ правомъ военныхъ землевладѣльцевъ Литвы, которые принимали католичество. Это шляхетское право (jus militare) состояло тогда въ свободѣ отъ нѣкоторыхъ повинностей, правахъ по землевладѣнію и судебной охранѣ и нѣкоторыхъ другихъ преимуществахъ. Городельскій привилей 1413 года, развивая постановленія привилея 1387 года, добавилъ, между прочимъ, принятіе ряда католическихъ литовскихъ родовъ въ свои гербы польскою шляхтою. Тотъ же привилей установилъ по польскому образцу должности воеводъ и каштеляновъ въ Вильнѣ и Трокахъ, предполагая учрежденіе и другихъ подобныхъ должностей, съ правомъ занимать ихъ только для католиковъ. Городельскимъ же актомъ были предположены и общіе съѣзды представителей Польши и Великаго Княжества Литовскаго для общихъ дѣлъ обоихъ, соединявшихся тогда договоромъ уніи государствъ.

Но не слѣдуетъ думать, что эти мѣры полно, а тѣмъ болѣе сразу дѣлали Литву польскою по характеру и организаціи. Во - первыхъ, часть ихъ осталась неосуществленною (такъ, общіе съѣзды отнюдь не выработались во что-либо имѣющее постоянное значеніе и собирались какъ очень рѣдкое явленіе, почти исключительно для вопросовъ «уній»). А во - вторыхъ, въ то, что было введено, жизнь внесла свои существенныя поправки и претворила польскія въ литовско - русской обстановкѣ въ имѣющія сходство, но далеко не сов-

падающія съ польскими явленія жизни и черты государственной и общественной организаціи. Имя воеводы приняли на себя старые «намѣстники» въ земляхъ-областяхъ Литовско-Русскаго государства, не измѣнившись отъ этого по существу, а каштеляны стали ихъ помощниками по командованію военными силами воеводскихъ округовъ. Въ Жомойтской землѣ ея «староста» даже не усвоилъ себѣ имени воеводы и назывался старостою по-прежнему. Уже въ XV столѣтіи начались мѣры по уравненію православныхъ военныхъ землевладѣльцевъ («бояре», «земяне», «шляхта») съ католиками. Въ 1563 году это уравненіе всѣхъ христіанъ различныхъ исповѣданій получило силу общаго закона. Что же касается польскихъ гербовъ, то рядомъ съ получившими ихъ въ 1413 году родами, различные гербы стала затѣмъ употреблять вся «гербовная братія» Великаго Княжества Литовскаго, его шляхта — бояре — земяне, католики и православные, литовцы и русскіе, не часто умѣвшіе писать и нуждавшіеся въ гербахъ для своихъ печатей, замѣнявшихъ или закрѣплявшихъ подпись, изобрѣтая ихъ разными способами, а иногда и получая ихъ непосредственно отъ своего великаго князя. «Шляхетское» право, какъ совокупность преимуществъ военно-землевладѣльческаго класса, развивалось въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ на его собственной почвѣ, изъ обстановки его жизни и условій ея развитія, и оно, конечно, вылилось бы въ опредѣленныя формы господствующаго положенія этого класса и безъ непосредственнаго польскаго вліянія.

Но притязанія Польши были причиною выработки особенно ревнивой охраны неприкосновенности государственной территоріи Великаго Княжества Литовскаго противъ польскихъ захватныхъ плановъ и охраны

значенія его «родичей» какъ единственнаго полноправнаго его населенія противъ внѣдренія въ его составъ поляковъ. Возникая въ отпоръ притязаніямъ Польши, соотвѣтствующіе основные законы Литовско-Русскаго государства вылились въ форму общихъ постановленій, гарантировавшихъ цѣлость его государственной территоріи и недопущеніе «чужеземцевъ» къ равноправію съ «родичами» Великаго Княжества Литовскаго. Эти основные законы были утверждены черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ обязательства Ягайла инкорпорировать свои владѣнія въ составъ Польши, и сдѣлалъ это 2 мая 1447 года его сынъ Казимиръ. Возведенный въ 1440 году на престолъ Великаго Княжества Литовскаго, съ полнымъ разрывомъ уніи съ Польшею, юный Казимиръ, послѣ смерти своего брата Владислава III (въ битвѣ съ турками при Варнѣ въ 1444 году), былъ избранъ поляками на королевскій престолъ Польши. Но Великое Княжество Литовское не отпустило его на коронацію въ Краковъ прежде, чѣмъ онъ выдалъ ему 2 мая 1447 года обширный «привилей», въ которомъ подтверждалъ различныя старыя права и давалъ рядъ новыхъ, а также гарантировалъ Литовско-Русскому государству сохраненіе его границъ, какими онѣ были при Витовтѣ, и предоставленіе всѣхъ должностей и пожалованіе землями въ управленіе или наслѣдственное обладаніе исключительно «родичамъ» Великаго Княжества Литовскаго («indigenis ipsarum terrarum nostrarum Magni Ducatus supradicti»), и дѣлалъ это за себя и за своихъ преемниковъ. Обязательство великаго князя Казимира затѣмъ занимало первое мѣсто въ основныхъ законахъ Великаго Княжества Литовскаго во все послѣдующее время его существованія какъ государства.

Связи съ Польшею, начавшіяся со времени Ягайла,

не повлекли за собою и сколько-нибудь замѣтныхъ успѣховъ распространенія польскаго языка въ предѣлахъ Великаго Княжества Литовскаго. И это было не только потому, что сами поляки даже еще въ серединѣ XVI столѣтія предпочитали своему родному языку латинскій, какъ въ оффиціальныхъ актахъ, такъ и въ литературныхъ произведеніяхъ и даже въ частной перепискѣ, что отмѣчаетъ въ своей «Polonia» и такой видный польскій писатель того времени, какъ Мартинъ Кромеръ. Въ польскомъ языкѣ не было никакой нужды для «обывателей» Великаго Княжества Литовскаго, жившихъ въ немъ какъ въ своемъ собственномъ, независимомъ Литовско-Русскомъ государствѣ, съ его старою русскою культурною основой. Исключеніе составляло лишь такъ называемое Подляшье («подъ ляхами»), пограничная съ Мазовіей земля, имѣвшая своими центрами города Дорогичинъ, Мельникъ и Бѣльскъ, въ XIII столѣтіи принадлежавшіе Волынскимъ князьямъ Рюрикова дома. Въ XIV столѣтіи вмѣстѣ съ остальною Волынскою землею округи этихъ городовъ вошли въ составъ Литовско-Русскаго государства, и въ эту эпоху они выдѣлились въ особую часть территоріи, которая и стала называться Подляшьемъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, совершенно не сливаясь съ землею Волынскою. Въ концѣ XIV вѣка Подляшье было передано Ягайломъ Мазовецкому князю Янушу. Бѣльскъ вернулся въ составъ Великаго Княжества Литовскаго уже довольно скоро, въ великокняженіе Витовта, но Дорогичинъ и Мельникъ оставались соединенными съ Мазовіей до середины XV вѣка, и лишь въ 1443 году были выкуплены великимъ княземъ Казимиромъ у Мазовецкаго князя Болеслава. Десятилѣтія соединенія съ Мазовіей дали Подляшью обильный притокъ мелкой мазовецкой шляхты, кото-

рою она была такъ богата. Селясь въ Подляшской землѣ, мазовецкая шляхта приносила сюда свои польскіе бытъ и языкъ и придавала польскій характеръ этой русской землѣ. Подляшская шляхта отстаивала латинскій и польскій языки въ своихъ сношеніяхъ съ центральною властью Литовско-Русскаго государства, употребляла польскую монету въ своемъ обиходѣ и вообще была польскою или полонизованною въ своей массѣ. Но въ шестидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, когда окончательно выработалась организація Литовско-Русскаго государства, его центральная власть уже не считала возможнымъ мириться съ этимъ польскимъ характеромъ шляхты Подляшья и стала принимать мѣры для большаго слиянія его съ остальными литовско-русскими землями. Въ числѣ этихъ мѣръ было и введеніе общегосударственнаго, т. е. русскаго языка въ сношеніяхъ литовско-русской центральной власти со шляхтою Подляшья.

Итакъ, сліяніе Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею въ единое государственное тѣло, обѣщанное Ягайломъ, не осуществилось. Не достигли своей цѣли и мѣры, задуманныя для ихъ внутренней спайки. Привилеи Ягайла и его ближайшихъ преемниковъ лежали въ государственномъ архивѣ Великаго Княжества Литовскаго, Литовской Метрикѣ, и хранились въ его скарбѣ, не получивъ даже того широкаго опубликованія, котораго требуетъ для законовъ новое государство и которое не было доступно государствамъ старымъ. Русской шляхтѣ, составлявшей громадное большинство «шляхетскаго народа» Великаго Княжества Литовскаго, не знавшей даже латинскаго языка католической церкви, на которомъ они были написаны, они были чужды и по своей основной идеѣ. Жизнь Литовско-Русскаго государства и послѣ этихъ привилеевъ

продолжала развиваться на своей старой культурной основѣ, перемалывая различныя вліянія въ естественной своей эволюціи.

IV.

Характеръ и строй двухъ большихъ государствъ, въ которыя собрались русскія земли послѣ Монгольскаго завоеванія, были совершенно различны. Великорусское, т. е. Московское государство сразу подчиняло собираемыя земли сильной центральной власти и выработало рядъ центральныхъ учрежденій, ихъ вѣдавшихъ (московскіе приказы). Оно слагалось на демократическомъ фундаментѣ народныхъ массъ, при относительной слабости аристократическаго элемента, на вотчинной основѣ, которую сѣверо-восточный князь положилъ въ основаніе своего государственнаго строительства, и на основѣ незыблемаго религіознаго единства его самого и народа его вотчины - государства. Эти основы восприняли въ себя наслѣдіе того единства верховной власти, которое создалось для Руси, подпавшей Монгольскому игу, размѣрами мощи ея верховнаго властителя «царя» - хана, и впитали въ себя преданія Византіи и власти ея «царя» - «кесаря» - императора. Литовско - Русское, т. е. Литовско-Бѣлорусско - Малорусское государство не имѣло ни фундамента единства слитыхъ въ немъ народныхъ массъ, отдѣленныхъ притомъ отъ его верховной власти ихъ «панами», ни вотчиннаго характера власти монарха и вотчинно - государственной централизаціи, ни религіознаго единства населенія, ни тѣхъ внѣшнихъ вліяній, подъ дѣйствіемъ которыхъ выработалась идея Московскаго царства и сложилась власть его царя.

Литовско - Русское государство вырабатывало

свой строй изъ той основы, которая была заложена и способомъ его образованія, и строемъ составившихъ его земель, сохранявшихъ свои старыя традиціи и устройство послѣ своего присоединенія къ Великому Княжеству Литовскому. Ни этнографическаго, ни религіознаго единства населеніе Литовско - Русскаго государства не имѣло. Основная масса его, не говоря уже объ иноплеменныхъ къ ней придаткахъ, дѣлилась на двѣ неравныя части : значительно большую — русскую и православную, и значительно меньшую — литовскую и католическую. Но верхи этой меньшей части отнюдь не хотѣли отказываться отъ притязаній на преимущественное вліяніе на великаго князя и на львиную долю участія въ центральной государственной власти и часто ревниво относились къ вступленію русскаго элемента въ составъ ея представителей. Что же касается различія религіознаго, то оно разрослось еще больше въ XVI столѣтіи съ распространеніемъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ реформаціонныхъ ученій.

Наличіе вполнѣ опредѣленныхъ и достаточно сильныхъ, при крупномъ землевладѣніи, военнаго класса въ литовскихъ и русскихъ земляхъ, а въ послѣднихъ и класса торговаго, выработавшагося давно въ торговыхъ центрахъ Руси, естественно создавало почву, при договорномъ способѣ сложенія Литовско - Русскаго государства и при соотвѣтствующемъ ходѣ его жизни, для выработки сословій съ ихъ привилегіями, т. е. обычной основы для старыхъ конституціонныхъ государствъ. Въ то же время сохраненіе великими князьями за отдѣльными землями ихъ старыхъ земскихъ правъ вносило элементъ привилегіи и въ положеніе отдѣльныхъ частей государства въ ихъ государственномъ союзѣ. Такимъ образомъ привилегія оказалась

между верховною властью и государствомъ, и въ его продольномъ, и въ его поперечномъ разрѣзахъ.

«Привилеи» областные гарантировали отдѣльнымъ землямъ Литовско-Русскаго государства ихъ автономію, въ которой сохранялись слѣды еще ихъ государственной самостоятельности. Подтвержденіе этихъ «привилеевъ» идетъ еще во второй половинѣ XVI столѣтія и дальше. Но внутри самихъ земель развивается процессъ, который ослабляетъ ихъ сепаратизмъ, способный явиться результатомъ областныхъ «привилеевъ». Привилегія соціальнаго характера получила значеніе ножа, разрѣзавшаго внутреннее единство отдѣльныхъ земель; она выдѣлила изъ нихъ части населенія, которыя стали формироваться въ сословія со значеніемъ обще-государственнымъ, хотя и съ сохраненіемъ иногда мѣстныхъ особенностей, но съ обще-корпоративными преимуществами и интересами, съ ревнивою охраною ихъ отъ распространенія на другія группы населенія. Города, въ значеніи торгово-промышленныхъ центровъ, стали выдѣляться изъ земель какъ «мѣста упривильеваныя», надѣленныя нѣмецкимъ правомъ, переносимымъ въ Литовско-Русское государство черезъ посредство германскихъ и польскихъ его сосѣдей. Торгово-промышленное населеніе «мѣстъ», т. е. городовъ въ нашемъ современномъ значеніи слова (тогда «городъ» — крѣпость), «мѣщане», обособилось какъ самоуправляющееся на основѣ этого модифицированнаго литовскими и русскими условіями и укладомъ жизни нѣмецкаго права. Евреи получили значеніе также надѣленнаго особыми привилегіями класса, и слово «жиды» обозначало не только іудеевъ, но и сословную группу, которую они собою представляли.

Но, конечно, начало привилегіи получило особый

расцвѣтъ въ приложенiи къ классу военныхъ землевладѣльцевъ, ибо постоянныя войны, веденныя государствомъ, съ одной стороны, должны были заставлять очень считаться съ ними нуждавшуюся въ нихъ верховную власть, а съ другой — сами они должны были все больше и больше объединяться въ сознанiи своего значенiя и тяжестей своихъ службы и жертвъ, которыя они несли для государства. «Бояре», какъ назывались воины-землевладѣльцы, несли обязательную военную службу со своихъ «боярскихъ» имѣнiй. Государство знало два рода службы своего населенiя: военную и тяглую. Первая — «боярская», ее несъ владѣлецъ имѣнiя, выставляя, вооружая и содержа причитающихся съ его земли ратниковъ и самъ участвуя въ походахъ. Вторая — «дани» и натуральныя повинности, которыя несло на государство не обязанное военною службою населенiе. Бояре, какъ воины-землевладѣльцы, жили на «господарскихъ», великокняжескихъ, государственныхъ земляхъ, но жили по крупнымъ вотчинамъ и потомковъ удѣльныхъ князей, русскихъ и литовскихъ, а также и «пановъ», крупныхъ литовскихъ вотчинниковъ, происхожденiе родовъ которыхъ связано съ древними временами племенныхъ союзовъ и тароватостью заимщиковъ обширныхъ пространствъ земли подъ свое хозяйство. Какъ верховный глава государства, великiй князь имѣлъ непосредственно дѣло лишь со своими «господарскими» землями и своими «подданными», на нихъ жившими. Между нимъ и населенiемъ княжескихъ и панскихъ латифундiй стояли ихъ владѣльцы, князья и паны. Ихъ, а не ихъ «подданныхъ», будутъ ли это бояре, мѣщане, или сельское землѣдѣльческое населенiе, зналъ великiй князь, какъ глава государства.

Мощь этого княжеско-панскаго класса, ставшаго

около великаго князя, съ естественнымъ постепеннымъ превращеніемъ составившихъ Литовско-Русское государство земель - княжествъ въ земли - намѣстничества, неизбѣжно должна была привести къ его участію въ верховной власти, къ ограниченію великаго князя. Князья и паны со своихъ латифундій выставляли слишкомъ много своихъ бояръ и наемныхъ воиновъ и вносили слишкомъ много «податковъ» въ казну - «скарбъ» великаго князя, кромѣ того, что за ними стояла традиція древняго значенія ихъ родовъ. Должности около великаго князя и намѣстничества въ областяхъ отдавались представителямъ тѣхъ же княжья и панства. «Рада», совѣтъ господаря великаго князя, выросла учрежденіемъ панско-княжескаго состава и, развиваясь, достигла формальнаго признанія своего значенія, какъ высшаго государственнаго учрежденія, безъ участія котораго великій князь не можетъ осуществлять своей верховной власти въ области законодательства, финансовъ и верховнаго управленія. Привилеи 1492 и 1506 годовъ формулировали и утвердили эти права «рады», а Статутъ 1529 года (Первый Литовскій Статутъ) призналъ ихъ однимъ изъ основныхъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго.

Но конституція Статута 1529 года, подводя итоги подъ тѣмъ, что было выработано жизнью и соціально-политическимъ строительствомъ Литовско-Русскаго государства къ его времени, скоро потребовала измѣненія подъ вліяніемъ процессовъ, развивавшихся въ нѣдрахъ княжеско-панскаго и боярскаго классовъ. Число панскихъ и княжескихъ фамилій, съ одной стороны, сокращалось съ естественнымъ вымираніемъ ихъ части, а съ другой — продолжавшія давать своихъ отпрысковъ фамиліи размножались и развѣтлялись. Первое передавало въ руки «господаря» громадныя вымо-

рочныя вотчины, которыя «спадали» на него и, становясь «спадками», выходили изъ общаго состава княжеско-панскаго земельнаго фонда, внося въ пользу «господарскихъ» земель поправки въ прежній балансъ распредѣленія военно-служилаго и тяглаго землевладѣнія на «господарской» и княжеско-панской территоріяхъ; второе влекло за собою мельчаніе панскихъ и княжескихъ родовъ и приближеніе ихъ части къ боярству по ихъ экономическому положенію и бытовымъ условіямъ жизни. Въ то же время классъ «господарскихъ бояръ» ростетъ въ своихъ численности и значеніи. Онъ принимаетъ въ свой составъ и «спадковыхъ» бояръ, и измельчавшихъ князей и пановъ, онъ увеличивается и естественнымъ размноженіемъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе становится, что, несмотря на сохраненіе въ своихъ рукахъ сохранившимися княжескими и панскими родами все еще громадныхъ латифундій, несмотря на пріобрѣтеніе частью ихъ новыхъ имѣній, значеніе «господарскихъ бояръ» и какъ землевладѣльцевъ, вносящихъ «податки» съ населенія своихъ боярскихъ «отчинъ», и какъ военной силы, въ ихъ совокупности, дѣлается не только не меньшимъ, но даже большимъ, чѣмъ князей и пановъ. Само «господарское» боярство начинаетъ настойчиво предъявлять свои требованія правъ, имѣющихъ характеръ привилегіи «панства», правъ, приближающихъ его правовое положеніе къ положенію князей и пановъ. Процессъ роста литовско-русскаго боярства въ его значеніи и сознаніи усиливается сопоставленіемъ себя со шляхтою Польши, знаніе порядковъ которой проникало въ Великое Княжество Литовское все больше и больше. Сами великіе князья литовскіе и короли польскіе, устраивая уніи съ Польшею и стараясь заинтересовать въ нихъ свое боярство, надѣляютъ его ка-

толическую часть правами польской шляхты. Требованія жизни распространяютъ эти права и на «схизматиковъ», т. е. православныхъ. Боярство начинаетъ именоваться «боярами - шляхтою» или просто «шляхтою», и это названіе подчеркиваетъ его ростущее значеніе и выдѣленіе изъ остального населенія въ привилегированную корпорацію. Шляхта Подляшья, близкая къ границамъ Польши и подвергшаяся въ значительной мѣрѣ полонизаціи, является посредницей въ пріисканіи аналогій и конкретныхъ примѣровъ изъ области польскаго соціально - политическаго устройства и шляхетскаго правопорядка для назрѣвавшихъ внутри литовско - русскаго боярства - шляхты потребностей, стремленій и требованій.

Эти требованія стали предъявляться боярствомъ-шляхтою на его военныхъ сборахъ, а затѣмъ и черезъ его представителей на «съемъ» или «соймъ» князей и пановъ - «рады», т. е. на собранія «рады» въ полномъ ея составѣ. Назрѣвала потребность общей реформы Литовско - Русскаго государства. Боярство - шляхта выростало въ «народъ - шляхту» Великаго Княжества Литовскаго, и этотъ шляхетскій «народъ», выработавъ соотвѣтствующую своему значенію организацію государства, долженъ былъ преобразовать и его верховную власть, явившись въ ней рѣшающимъ элементомъ рядомъ съ «господаремъ» великимъ княземъ и «радою». Все это было сдѣлано реформами 1564 - 1566 годовъ и закрѣплено изданіемъ новаго кодекса, Статута 1566 года, съ утвержденіемъ его конституціи.

Организуя Великое Княжество Литовское какъ государство его шляхетскаго «народа», реформы середины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія должны были прежде всего преобразовать областное дѣленіе Литовско - Русскаго государства, ибо этотъ, выдѣлившій-

ся изъ общей массы населенія «народъ», раскинутый въ своихъ «маетностяхъ»-имѣніяхъ по широкому простору земель Княжества, требовалось соотвѣтственнымъ образомъ организовать, шляхетскими округами. Такими округами явились «повѣты». Всего повѣтовъ было создано тридцать одинъ. Они объединялись въ тринадцать воеводствъ, имѣвшихъ въ своемъ составѣ отъ одного до пяти повѣтовъ. Воеводство Виленское имѣло повѣты Виленскій, Ошменскій, Лидскій, Вилькомирскій и Браславскій, Троцкое — Троцкій, Городенскій, Ковенскій и Упитскій, Жомойтское («староство Жомойтское», «земля Жомойтская», «Жомойть», Жмудь) — одинъ повѣтъ, Новгородское (т. е. Новгородка Литовскаго) — Новгородскій, Слонимскій и Волковыйскій, Берестейское — Берестейскій и Пинскій, Подляшское — Бѣльскій, Дорогицкій и Мельницкій, Минское — Минскій и Рѣчицкій, Мстиславское — одинъ повѣтъ, Полоцкое — одинъ повѣтъ, Витебское — Витебскій и Оршанскій, Кіевское — Кіевскій и Мозырскій, Волынское — Луцкій, Владимірскій и Кременецкій, Браславское (Подольское) — Браславскій и Виницкій. Каждый повѣтъ получилъ значеніе единицы дѣленія военнаго, судебнаго, административнаго и политическаго.

Шляхта повѣта составляла его полкъ, который находился подъ командою повѣтовыхъ хоружія и маршалка (въ центральныхъ повѣтахъ воеводствъ — каштеляна). Шляхетскіе полки «рушенья» повѣтовъ воеводства составляли своего рода дивизію, во главѣ которой становился воевода. Всѣ эти дивизіи соединялись подъ общую команду великаго гетмана. Какъ округи судебные, повѣты получали по три шляхетскихъ суда : 1) земскій — съ судебной коллегіей, избираемой повѣтовою шляхтой, — для дѣлъ по шля-

хетскимъ имѣніямъ, 2) подкоморскій — для дѣлъ о границахъ и межахъ шляхетскихъ имѣній, 3) замковый или гродскій — для уголовныхъ дѣлъ. Во главѣ повѣтовой администраціи былъ поставленъ староста (въ центральныхъ повѣтахъ воеводствъ — самъ воевода), староста «судовый», называемый такъ потому, что онъ былъ и главою повѣтоваго гродскаго суда, въ отличіе отъ «несудовыхъ» старостъ, «державцевъ»-управителей великокняжескихъ, «господарскихъ» и государственныхъ имѣній. Наконецъ, повѣтъ имѣлъ и свой повѣтовый «соймикъ», на которомъ шляхта повѣта избирала своихъ «пословъ» на «вальные соймы» Литовско-Русскаго государства и вырабатывала для нихъ свои «науки» — инструкціи, заслушивала ихъ сообщенія послѣ сейма, а также обсуждала свои нужды и производила выборы кандидатовъ на тѣ должности, въ замѣщеніи которыхъ она имѣла право участвовать. Повѣтовые «соймики», такимъ образомъ, стали на мѣсто стараго областного вѣча, послѣ разслоенія внутренняго единства земель соціальною привилегіей.

Политическія и соціальныя права шляхты, какъ «народа» Великаго Княжества Литовскаго, получили свое окончательное опредѣленіе въ Статутѣ 1566 года, а въ числѣ ихъ была и охрана его шляхетской чести — «почтивости», его участія въ верховной власти и неприкосновенности его «господарскихъ» правъ на свое имущество и своихъ «подданныхъ», живущихъ въ его селахъ и мѣстечкахъ. «Соймъ» Великаго Княжества Литовскаго сталъ съ этого времени двухпалатнымъ. Къ палатѣ «рады» присоединилась палата «пословъ» повѣтовой «братіи-шляхты», шляхетскаго «народа» Великаго Княжества Литовскаго. Этотъ «соймъ» и взялъ на себя ту полноту верховной вла-

сти, которая до того времени была у великаго князя и рады Литовско-Русскаго государства. Права шляхетскаго «народа» и Великаго Княжества Литовскаго, какъ его государства, великій князь закрѣпилъ своимъ клятвеннымъ обѣщаніемъ ихъ сохраненія. Сигизмундъ II Августъ далъ обѣщаніе и клятву, за себя и за своихъ преемниковъ, сохранить Великое Княжество Литовское неприкосновеннымъ въ его государственныхъ границахъ, правахъ и достоинствѣ и вернуть ему всѣ его земли, которыя такъ или иначе когда-либо отошли къ Польшѣ, Мазовіи, Пруссіи и Ливоніи.

V.

Національныя отношенія въ Литовско-Русскомъ государствѣ, при его составѣ и строѣ, съ одной стороны, должны были быть достаточно сложными, а съ другой — они не такъ легко поддаются освѣщенію историка въ общемъ ихъ опредѣленіи. Сложность ихъ иногда соединялась съ остротою постановки національныхъ вопросовъ жизнью въ реальной обстановкѣ житейскихъ интересовъ и практическихъ стремленій, переносилась на почву правъ и преимуществъ двухъ основныхъ національностей, на которыя распадалась главная масса населенія Великаго Княжества Литовскаго, т. е. литовцевъ и русскихъ. Что же касается общаго освѣщенія ихъ историкомъ, то, во-первыхъ, нельзя еще признать хорошо изученными въ исторической литературѣ взаимныя отношенія литовской и русской частей населенія Литовско-Русскаго государства, а во-вторыхъ — такого освѣщенія нельзя дать и по существу, ибо, конечно, національное сознаніе въ интеллигентныхъ слояхъ и въ народныхъ массахъ

имѣло свои различія, хотя и исходило изъ общей основы.

Русскій и литовскій народы были раздѣлены и языкомъ, и религіей, и бытомъ. Части русскаго народа вошли въ составъ Великаго Княжества Литовскаго лишь въ XIII и XIV столѣтіяхъ, обладая вполнѣ достаточно для того времени развитымъ роднымъ языкомъ и имѣя свою старую бытовую обстановку жизни, въ которую вошла, какъ органическая ея часть, и православная вѣра, какъ бы она ни усваивалась на Руси и ни претворялась старою, еще языческою основою вѣрованій и ихъ пережитками на протяженіи времени съ X-го столѣтія, когда восточное христіанство сдѣлалось государственною религіею Руси. Литовцы только съ конца XIV столѣтія имѣли своею государственною религіею христіанство, а Жомойть была крещена лишь въ XV вѣкѣ, притомъ это христіанство было не восточное, а западное, латинско-католическое, въ оболочкѣ чуждой Литвѣ польской національности. Бытъ литовцевъ былъ инымъ, чѣмъ бытъ русскихъ. Литовскій языкъ былъ развитъ неизмѣримо меньше русскаго языка и замѣнялся имъ, лишь только литовецъ отъ примитивной обстановки своей домашней жизни и хозяйства переходилъ въ область потребностей и задачъ болѣе высокой культуры, будетъ ли это просвѣщеніе, или государственные судъ и управленіе. Иначе и быть не могло, ибо литовской письменности не существовало вовсе, въ то время какъ русская письменность богато развивалась уже рядъ вѣковъ. Но литовскій и русскій языки различались настолько, что русскому и литовцу было невозможно понимать другъ друга даже съ тѣми усиліями, съ которыми могли улавливать смыслъ своихъ словъ и рѣчей славяне, принадлежавшіе къ различнымъ славянскимъ народамъ. Конечно, въ

смежныхъ поселеніяхъ литовцы и русскіе привыкали понимать другъ друга, но это пониманіе достигалось приспособленіемъ своихъ языковъ для переговоровъ, а не превращеніемъ языка сосѣда въ свой родной, т. е. замѣною имъ послѣдняго въ своемъ постоянномъ и домашнемъ обиходѣ. А дальше отъ границъ смежныхъ поселеній, конечно, обѣ народности, не сталкиваясь одна съ другою непосредственно, жили въ сущности не зная другъ друга, или зная только по имени. Способствовать взаимному ознакомленію должны были общіе походы, но въ нихъ участвовала не народная масса, а военные землевладѣльцы со своими слугами.

Если мы обратимся къ болѣе интеллигентнымъ верхамъ литовскаго народа, то должны будемъ признать въ нихъ наличность ревниваго чувства по отношенію къ русскому элементу Великаго Княжества Литовскаго, начинавшему слишкомъ возвышаться и получать замѣтное участіе въ верховной власти всего государства. Это ревнивое чувство вскрывается въ отдѣльныхъ фактахъ литовско - русской исторіи. Слѣды его сохранили и произведенія старой письменности. Такъ, Михалонъ Литвинъ писалъ въ своемъ латинскомъ сочиненіи въ XVI столѣтіи : «мы учимся московскому языку, не древнему, не заключающему въ себѣ никакого побужденія къ доблести, такъ какъ русское нарѣчіе чуждо намъ литовцамъ, т. е. итальянцамъ, происходящимъ отъ крови итальянской». Польскій хронистъ и стихослагатель Матвѣй Стрыйковскій въ томъ же XVI столѣтіи убѣждалъ литовцевъ не заноситься передъ русскими. Онъ напоминалъ имъ славу «монархіи Кіевской», древность жизни русскихъ въ своихъ земляхъ, а также и то, что безъ русскихъ и ихъ языка литовцы не могутъ обходиться даже въ своемъ судопроизводствѣ.

Что касается русскихъ земель Великаго Княжества Литовскаго, то въ нихъ никогда не умирало національное русское сознаніе, и отъ интеллигентныхъ верховъ русскаго общества Литовско - Русскаго государства сохранилось достаточно его проявленій. Историческое прошлое Южной и Западной Руси не было въ ней забыто подъ литовскою властью. Его хранила и русская лѣтопись, и даже хроника сосѣдней Польши. Попытки объединенія интересовъ русскихъ земель Великаго Княжества Литовскаго не разъ выступаютъ въ событіяхъ его исторіи, особенно въ поддержкѣ Русью того или другого претендента на великокняжескій престолъ. Стрыйковскій, разсказывая о возстаніи князя Михаила Глинскаго въ началѣ XVI столѣтія, говоритъ, что его сторонниками была выдвинута задача возстановленія «монархіи кіевской» и перенесенія великокняжескаго достоинства изъ Литвы на Русь. Русскія земли Великаго Княжества Литовскаго сохраняютъ неприкосновенною свою религію, хранятъ и развиваютъ и свой языкъ, и свою богатую старую письменность.

Несмѣшиваніе себя Русью съ Литвою подчеркивается даже въ оффиціальныхъ документахъ. Такъ, описаніе («ревизія») Полоцкой земли, составленное въ 1552 году, очень хорошо знаетъ, что Полоцкъ и его воеводство — не «Литва». Оно говоритъ, между прочимъ, и о гонцахъ, которые «изъ Литвы до Полоцка, а съ Полоцка до Литвы ѣздять».

Въ русскихъ земляхъ Литовско - Русскаго государства не могло забываться и то, что за предѣлами его живетъ также русскій народъ. Сознаніе этого поддерживатся встрѣчами и сношеніями. Оно сквозитъ и въ литовско - русской лѣтописи, которая «Русскою землею» называетъ и Москву, и Тверь, и Новгородъ, и

другіе русскіе города, не входящіе въ составъ Великаго Княжества Литовскаго, и интересуется въ нихъ происходящимъ. Такъ, напримѣръ, подъ 1401 годомъ, въ литовско-русской лѣтописи записано: «того жъ году въ Новѣгородѣ и на Москвѣ и въ Ладогѣ и въ Порховѣ и въ Псковѣ и въ Торжку и во Твери и въ Дмитровѣ, и по всѣмъ Рускимъ волостемъ было повѣтріе велми велико; тое жъ весны на Благовѣщеніе въ день въ понедѣльникъ на страшной недѣлѣ было знаменіе, яко бы въ нощи солнце потемнѣло и звѣзды явились яко въ обѣдъ и страхъ былъ великій на всю землю Рускую; того жъ году Москва и Смоленескъ погорѣли».

Но и литовцы, и русскіе, раздѣленные своею національностью въ общемъ государствѣ, соединялись въ отсутствіи у нихъ особенныхъ симпатій къ полякамъ. Можно предполагать, что притязанія поляковъ на подчиненіе себѣ Литовско-Русскаго государства, въ тѣхъ или иныхъ очертаніяхъ, были извѣстны и народнымъ массамъ. Не могла не создавать основаній для вражды и та пропаганда латинства, католической вѣры, которую такъ настойчиво несла Польша въ Великое Княжество Литовское, смѣнивъ въ этомъ отношеніи своею работою дѣятельность Тевтонскаго Ордена. Эта пропаганда, конечно, иначе должна была оцѣниваться язычниками - литовцами и православными - русскими, хотя и для тѣхъ, и для другихъ католическая религія являлась въ оболочкѣ одной и той же, чуждой имъ, польской національности, а не въ чистомъ видѣ западнаго христіанства.

Уже въ 1595 году аббатъ Александръ Комулей, производя по порученію папскаго нунція (Германика Маласпины) ревизію Виленской католической епархіи, установилъ, что католическіе священники сплошь и

рядомъ даже не знали языка народа. Они были поляки, оставались чуждыми литовскому народу и не могли съ нимъ слиться. Но тотъ же ревизоръ писалъ, что большое число приходовъ вовсе не имѣло священниковъ, масса дѣтей умирала безъ крещенія, народъ не получалъ отъ церкви ни причащенія, ни поученія. Все это было въ старѣйшей епархіи Литвы, Виленской, учрежденной еще въ 1387 году. Картина положенія католической церкви въ Жомойти, долго открыто боровшейся сначала съ нѣмецкимъ, а затѣмъ съ польскимъ католицизмомъ и лишь въ 1417 году получившей бискупа, была, конечно, еще печальнѣе.

Что касается православныхъ русскихъ, то они съ самаго начала христіанства на Руси впитали въ себя вражду къ латинству. Русь принимала восточное христіанство отъ Византіи въ то время, когда уже началась вражда между христіанскими Востокомъ и Западомъ, завершившаяся ихъ окончательнымъ раздѣленіемъ въ 1054 году. Вражда къ латинству сдѣлалась органическою частью религіознаго міросозерцанія русскаго человѣка съ самаго начала христіанства на Руси и организаціи русской церкви греческой іерархіей. «Не преимай ученья отъ Латынъ, ихъ же ученье развращено» — было завѣтомъ, передававшимся въ русской средѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію. «Римъ отпаде вѣры христіанскіа и преложися въ латыню». Въ немъ идетъ гоненіе «богоизбраннаго Христова стада», отъ этого гоненія «преподобные отцы» спасаются въ «пустыню», находятъ убѣжище даже въ далекой Руси, какъ преподобный Антоній Римлянинъ, доплывшій до Новагорода Великаго. «Латиньскіи попове» — не «правовѣрніи попове», это твердо усвоили отъ грековъ на Руси съ самаго начала въ ней христіанства. Но «латынская прелесть» именно въ польскомъ народѣ

имѣла свое особенно близкое и видимое для русскихъ людей выраженіе. «Латынскій крижь» (крестъ) для русскихъ былъ «крыжемъ ляцкимъ» (т. е. польскимъ), католическая религія понималась ими прежде всего какъ «ляцкая вѣра». Совершенно естественно, что массы русскаго народа не только не могли быть чуждыми вражды къ полякамъ, какъ «ляхамъ» — «латынскому роду», но эта вражда должна была постепенно сродниться съ ними и стать своего рода ихъ инстинктомъ.

Если мы обратимся къ болѣе интеллигентнымъ верхамъ литовскаго народа, преданнымъ въ XV столѣтіи католической церкви, а въ XVI вѣкѣ расколовшимся по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ на католиковъ и «разновѣрцевъ» различныхъ исповѣданій эпохи реформаціи, то по отношенію къ нимъ мы имѣемъ прямыя указанія на весьма развитое въ нихъ враждебное чувство къ полякамъ, и его происхожденіе, конечно, было въ стремленіяхъ Польши къ захвату Литвы и земель ея государства. Именно къ XV столѣтію приходится относить созданіе легенды объ итальянскомъ происхожденіи литовскаго народа. Эта легенда нашла свое мѣсто и въ длинномъ рядѣ списковъ литовско-русской лѣтописи, и въ латинскомъ сочиненіи литовскаго автора первой половины XVI столѣтія Михалона Литвина, и въ польскихъ хроникахъ Бѣльскаго и Стрыйковскаго, заимствовавшихъ ее изъ литовско-русской лѣтописи. Она имѣетъ нѣсколько варіянтовъ. Въ одномъ изъ нихъ родоначальниками литовскаго народа являются легіонеры Юлія Цезаря, занесенные моремъ вмѣсто Британіи въ устье Нѣмана; въ другомъ — «княже Римское Полемонъ», родственникъ Нерона, спасавшійся отъ этого «окрутнаго (т. е. жестокаго) пана» вмѣстѣ со своею семьею и толпою

спутниковъ и пріставшій со своими кораблями къ берегу Балтійскаго моря въ устьѣ Нѣмана. Сохранились и другіе варіянты легенды, но основная идея во всѣхъ нихъ одна и та же — литовцы происходятъ отъ «крови итальянской».

Легенда объ итальянскомъ происхожденіи литовцевъ родилась, конечно, въ кругахъ знатныхъ литовскихъ пановъ, и ея остріе было несомнѣнно направлено какъ противъ русскаго элемента, къ возвышенію котораго въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ ревниво относилось коренное литовское панство, такъ и противъ поляковъ, съ заносчивостью настойчиво добивавшихся захвата Литвы и Руси. Въ идейной борьбѣ съ польскими стремленіями и притязаніями оружіе этой легенды было особенно важно, ибо, вооружившись имъ, литовцы могли поставить себя выше поляковъ, какъ непосредственные, прямые потомки того самаго Рима, который затѣмъ сталъ центромъ и западнаго христіанства, и западной имперіи, какъ міровыхъ началъ, объединившихъ въ себѣ человѣчество по средневѣковой идеѣ Запада.

Такъ, постановленіе, сдѣланное въ 1413 году въ Городлѣ, о пріемѣ военныхъ землевладѣльцевъ Литвы въ польскіе гербы нашло свое выраженіе въ совершенно измѣненной обстановкѣ его, въ такомъ разсказѣ литовско - русской лѣтописи о подробностяхъ Луцкаго съѣзда, устроеннаго Витовтомъ въ 1429 году. Разсказавъ о торжествахъ и пышности Витовтова пріема императора Сигизмунда и другихъ гостей, лѣтопись (по такъ называемому списку Быховца) сообщаетъ, что императоръ замѣтилъ воинственность литовскихъ пановъ и, опасаясь возможности вызова ими войны Литвы съ Польшею, предложилъ Ягайлу и Витовту объ-

единить ихъ съ панами польскими, которые бы приняли ихъ въ свои гербы. Витовтъ заявилъ, что онъ не можетъ совершить этого дѣла безъ участія самихъ литовскихъ пановъ, и просилъ императора присутствовать на совѣщаніи съ ними. Во время этого совѣщанія литовскіе паны заявили императору, что поляки раньше не были «шляхтою», но были лишь «простыми людьми» и за деньги купили себѣ гербы у чеховъ, а литовцы — «шляхта старая римская» и ихъ предки пришли изъ Италіи со своими гербами, которые и оставили своимъ потомкамъ, панамъ литовскимъ. И императоръ, по разсказу литовско-русской лѣтописи, отвѣтилъ на это: «мы то и сами вѣдаемъ, што вы есте старая шляхта римская ..... старшая шляхта и предняя нижъ (т. е. чѣмъ) ляхове». Онъ ихъ убѣждалъ принять польскіе гербы лишь для установленія единенія и братства съ поляками. Но убѣдилъ литовскихъ пановъ согласиться на принятіе польскихъ гербовъ, какъ продолжаетъ лѣтопись, только Витовтъ словами: «коли коруну принесуть и вы имъ зася (т. е. тотчасъ) можете листы ихъ назадъ одослати а гербы ихъ покинути, а свои старые зася взяти». И только ради королевской короны для своего великаго князя литовскіе паны согласились на временное принятіе польскихъ гербовъ. Если этотъ лѣтописный разсказъ и искажаетъ факты дѣйствительности, то онъ прекрасно сохранилъ настроеніе панскихъ круговъ Литвы по отношенію къ Польшѣ.

Освѣщеніе и подробности въ изложеніи польскими хрониками и литовско-русскою лѣтописью однихъ и тѣхъ же событій, общихъ для исторіи Польши и Литвы, часто совершенно несходны. Примѣромъ можетъ служить хотя бы разсказъ о Грюнвальденской битвѣ 1410 года, этомъ крупнѣйшемъ событіи въ исторіи

національной борьбы Польши и Литвы съ нѣмцами. Въ польскихъ хроникахъ (Мѣховита, Длугоша, Кромера и др.) эта битва представляется побѣдою поляковъ, которые, послѣ бѣгства литовцевъ, своимъ мужествомъ сломили грозныя силы Ордена. Но и польскія хроники отмѣчаютъ героизмъ русскихъ полковъ Смоленской земли, стойко выдержавшихъ всѣ натиски врага. Совершенно иначе представляетъ дѣло литовско-русская лѣтопись. По ея разсказу битва выиграна литовцами, самъ Ягайло во время боя лишь слушалъ мессу, и Витовтъ требовалъ отъ него помощи слѣдующими словами: «ты мшы слухаешь, а князи и панове, братія мои, мало не вси побиты лежатъ, а твои люди жадное (т. е. никакой) помоцы имъ вчинити не хотятъ». Ягайло послалъ въ помощь лишь отрядъ своего конвоя («гуфъ свой коморный»), котораго свѣжія силы и помогли литовцамъ одержать побѣду надъ нѣмцами, «а иные войска ляцкіе ничого имъ не помагали, только на то смотрѣли».

Подобныхъ разногласій польскихъ хроникъ и литовско-русской лѣтописи можно привести немало примѣровъ. Что же касается отдѣльныхъ страницъ ихъ, то на нихъ встрѣчаются разсказы о такихъ фактахъ, которые неизбѣжно возбуждали далеко не дружелюбныя чувства между поляками и литовцами. То литовско-русская лѣтопись сообщитъ о неудавшемся планѣ поляковъ перебить («порѣзать») литовскихъ пановъ во время Парчовскаго сейма и присоединить Великое Княжество Литовское къ Польшѣ, или о какомъ-либо другомъ проявленіи взаимной вражды, то въ польской литературѣ появится рѣзко враждебное по отношенію къ Литвѣ выступленіе. Особенно сильное негодованіе въ Литовско-Русскомъ государствѣ вызвала вышедшая въ 1555 году хроника Мартина Кро-

мера своимъ разсказомъ о Петрковскомъ сеймѣ 1459 года, внесенномъ затѣмъ и въ вышедшее въ 1564 году третье изданіе хроники Мартина Бѣльскаго. Въ своемъ изложеніи Кромеръ привелъ рѣчь на этомъ сеймѣ Яна изъ Рытвянъ, съ рядомъ упрековъ. Казимиру Ягеллону, который «позволяетъ Литвѣ» захватывать принадлежащія Польшѣ русскія земли. Въ этой рѣчи литовцы обвинялись въ невѣрности Казимиру и его отцу Ягайлу, а о послѣднемъ, между прочимъ, говорилось, что его, никому неизвѣстнаго и бѣднаго государя, поляки сдѣлали супругомъ своей королевы и тѣмъ доставили ему всемірную извѣстность («nos vero illum quidem obscurum et ignotum et anguste dominantem ad amplissimum coniugium et florentissimum regnum ultro accivimus, et in universum terrarum orbem celebrem reddidimus»). Даже литовско - русскій сеймъ въ 1559 году оффиціально поднялъ свой голосъ противъ польскихъ хроникъ и съ негодованіемъ жаловался на нихъ своему великому князю Сигизмунду II Августу, бывшему одновременно и королемъ Польши.

Такъ уніи Великаго Княжества Литовскаго и Польши, много разъ возобновляемыя и разрываемыя, до середины XVI столѣтія не выработали «братскихъ» связей и чувствъ въ обоихъ сосѣднихъ государствахъ, на престолахъ которыхъ сидѣли Гедиминовичи, съ середины XV вѣка потомство Ягайла. Наоборотъ, ихъ правящіе классы, какъ это ясно обнаруживаютъ современныя произведенія польской и литовско - русской письменности, раздѣлялись весьма ярко выраженнымъ взаимнымъ нерасположеніемъ, историческими счетами и воспоминаніями, а также противоположностью государственныхъ интересовъ и задачъ Польши и Литовско - Русскаго государства.

VI.

Вопросъ объ отношеніяхъ Великаго Княжества Литовскаго къ Польшѣ всталъ ко второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія очень остро. Ихъ связь, въ сущности, держалась только на общей династіи Гедиминовичей - Ягеллоновъ, изъ которой избирались польскіе короли и великіе князья литовскіе, то соединяя обѣ короны на головѣ одного и того же представителя этой династіи, то раздѣляя ихъ между двумя ея членами. Но династія Гедиминовичей - Ягеллоновъ угасала. На престолахъ Польши и Литовско-Русскаго государства въ это время сидѣлъ послѣдній ея отпрыскъ «по мечу», т. е. по мужской линіи, Сигизмундъ II Августъ. Надежды на появленіе у него потомства не было. Связь Польши и Великаго Княжества Литовскаго грозила исчезновеніемъ. Между тѣмъ разорвать ее было нежелательно обоимъ государствамъ, особенно въ данное время. Какъ ни какъ, Польша привыкла чувствовать себя въ безопасности отъ войны съ Литовско - Русскимъ государствомъ, а послѣднее — отъ войны съ Польшею. Въ серединѣ XVI столѣтія на Польшу надвигалась крупная опасность со стороны Турціи, а Великое Княжество Литовское переживало «наглыя и гвалтовныя небезпечности» отъ Москвы. Собираніе Руси, по пути котораго пошли Москва и Литва, неизбѣжно привело ихъ къ постоянной борьбѣ, ибо цѣли, которыя ставили себѣ онѣ обѣ, выливались въ стихійный историческій процессъ, органически приводившій къ столкновеніямъ и вѣковой борьбѣ, начавшимся еще въ XIV столѣтіи.

Стремленіе Великорусско - Московскаго государства пробиться къ Балтійскому морю, получившее свое выраженіе въ Ливонской войнѣ царя Ивана Василье-

вича, явилось новымъ толчкомъ для возобновленія тяжелыхъ войнъ съ Москвою. Начатая въ 1558 году Москвою война съ Ливоніей грозила послѣдней полнымъ завоеваніемъ. Для спасенія своей страны магистръ Ливонскаго Ордена Кетлеръ обратился за помощью къ Литовско-Русскому государству и лично прибылъ на его «соймъ» для устройства этого дѣла. По договору, заключенному 31 августа 1559 года, ливонскій магистръ Кетлеръ отдалъ себя и Орденъ, со всѣми своими владѣніями, подъ протекторатъ великаго князя литовскаго (Сигизмунда II Августа). Къ этому договору 15 сентября 1559 года присоединился и Рижскій архіепископъ со всѣми своими владѣніями. Присоединеніе Ливоніи вызвало войну Литовско-Русскаго государства съ Москвою. Война велась по началу на территоріи Ливоніи, куда были высланы литовско-русскія войска. Но они не могли сохранить Ливоніи ея владѣній и единства. Часть ея признала датскую, часть шведскую власть, а главная територія не могла сохранить прежней своей организаціи и стремилась возможно больше обезпечить себя внѣшнею помощью. Въ ноябрѣ 1561 года на литовско-русскій «соймъ» въ Вильну прибыли Ливонскій магистръ и Рижскій архіепископъ, въ сопровожденіи своихъ совѣтниковъ и депутатовъ отъ рыцарства и городовъ, для новаго договора, и 28 ноября 1561 года былъ составленъ актъ о подданствѣ Ливоніи Сигизмунду II Августу, какъ королю польскому и великому князю литовскому. Ливонія стремилась получить защиту силами обоихъ государствъ, главою которыхъ былъ Сигизмундъ Августъ, ибо она вѣрно оцѣнивала военныя силы Москвы и не надѣялась на то, что для борьбы съ ними будетъ достаточно силъ одного Литовско-Русскаго государства. Однако, если Польша не согласится принять ее и подъ свою защиту,

Ливонія все-таки присоединяется къ Великому Княжеству Литовскому. Орденъ прекращалъ свое существованіе, и его магистръ Кетлеръ превращался въ наслѣдственнаго герцога лишь Курляндіи и Семигаліи.

Присоединеніе Ливоніи потребовало громаднаго напряженія силъ Великаго Княжества Литовскаго. Пришлось отправить войска въ Ливонію и взять на себя заботы по управленію ею (намѣстникомъ Сигизмунда II Августа сначала былъ Кетлеръ, но затѣмъ онъ былъ замѣненъ Яномъ Еронимовичемъ Ходкевичемъ въ значеніи «администратора и гетмана земли Лифляндской»). Но царь Иванъ Васильевичъ двинулъ свои войска въ предѣлы и самого Литовско-Русскаго государства. Въ 1563 году былъ взятъ Полоцкъ, и московскія рати продолжали свое дальнѣйшее продвиженіе въ литовско-русскіе предѣлы, а въ Ливоніи приходилось бороться и со шведами, которые изъ Ревеля стали расширять свои владѣнія.

Такимъ образомъ въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія новый договоръ между Великимъ Княжествомъ Литовскимъ и Польшею былъ необходимъ имъ обоимъ. Но обстоятельства сложились такъ, что Литовско-Русское государство оказалось въ гораздо менѣе выгодномъ положеніи во время начавшихся переговоровъ. Оба государства приступили къ этимъ длительнымъ переговорамъ, поставивъ себѣ совершенно различныя, непримиримыя задачи. Польша, исходя изъ старыхъ «списовъ уніи», стремилась просто инкорпорировать, «втѣлить» въ себя Великое Княжество Литовское, опираясь на обязательства Ягайла и договоръ 1501 года. Литовско-Русское государство выдвигало необходимость совершенно свободной, «братской» выработки условій соединенія двухъ «вольныхъ» и равноправныхъ государствъ и народовъ и добива-

лось лишь закрѣпляемаго единствомъ сообща избираемаго «господаря» союза обоихъ государствъ для зашиты отъ внѣшнихъ враговъ, съ сохраненіемъ полной внутренней государственной самостоятельности для каждаго изъ нихъ. Ясно, насколько трудно было придти къ соглашенію при такихъ условіяхъ.

Переговоры литовско - русскихъ представителей съ польскимъ сеймомъ въ Варшавѣ и въ Парчовѣ въ 1563 - 64 годахъ не привели ни къ чему, кромѣ порученія Сигизмунду Августу созвать общій, «спольный» сеймъ для Польши и Литовско-Русскаго государства, который, быть можетъ, придетъ къ какому - либо соглашенію. Но созывъ этого «спольнаго» сейма задержался : трудно было предвидѣть его успѣхъ въ ближайшее время, а его неуспѣхъ могъ еще болѣе затруднить дѣло уніи въ дальнѣйшемъ. Между тѣмъ внѣшнія опасности для Великаго Княжества Литовскаго все возростали. Противъ него на востокѣ стояли Москва и Крымъ, на западѣ же — постоянныя пограничныя недоразумѣнія съ Польшею, вѣрно оцѣнивавшей его тяжелое положеніе. Шляхта нѣкоторыхъ пограничныхъ съ Москвою, «украинныхъ», какъ тогда говорили, повѣтовъ требовала уніи для защиты отъ Москвы. Подляшане и волынцы высказывали требованія о ней, терпя притѣсненія отъ поляковъ въ пограничной съ Польшею полосѣ, надѣясь, что послѣ уніи они прекратятся.

Наконецъ «спольный» сеймъ былъ созванъ Сигизмундомъ Августомъ въ Люблинѣ къ исходу декабря 1568 года и началъ свои работы съ января 1569 года. Литовско - русскій «соймъ», явившись въ Люблинъ, отказался сразу соединиться съ польскимъ сеймомъ и вступилъ въ переговоры. Польскому требованію «втѣленія» Великаго Княжества Литовскаго на основѣ ста-

рыхъ «списовъ уніи» онъ противопоставилъ свой ея проектъ. Сущность его сводилась къ слѣдующему: общій «господарь», избираемый обоими государствами, общая «оборона» отъ внѣшнихъ враговъ, общій сеймъ для общихъ дѣлъ, но сохраненіе значенія особаго государства для Великаго Княжества Литовскаго, его отдѣльнаго «сойма», старыхъ государственныхъ границъ, законодательства, монеты и должностей («урядовъ»). Въ доказательство неотъемлемаго права на все это, кромѣ старыхъ грамотъ, выданныхъ Литовско-Русскому государству его великими князьями, былъ предъявленъ Литовскій Статутъ 1566 года, утвержденный присягою Сигизмунда Августа. Конечно, это не только не удовлетворило поляковъ, но вызвало ихъ рѣзкіе протесты.

Переговоры не могли привести ни къ чему, и Сигизмундъ Августъ отдалъ приказаніе литовско-русскому сейму соединить его верхнюю и нижнюю палаты въ засѣданіяхъ съ соотвѣтствующими палатами Польши. Но литовско-русскіе «паны-рада» и шляхетскіе «послы» покинули Люблинъ, и 1 марта литовско-русскаго «сойма» уже не было въ этомъ городѣ. Тогда, въ наказаніе Великаго Княжества Литовскаго за это, по требованію поляковъ, Сигизмундъ Августъ оторвалъ отъ него Подляшье и присоединилъ его къ Польшѣ. Затѣмъ то же было сдѣлано и по отношенію къ Волынскому и Браславля Подольскаго воеводствамъ, а наконецъ, и къ Кіеву. Великое Княжество Литовское потребовало возвращенія отнятыхъ у него земель и принялось было спѣшно готовиться къ вооруженной борьбѣ за нихъ, но, конечно, обстановка и положеніе его не позволяли надѣяться на успѣхъ войны съ Польшею.

Между тѣмъ Сигизмундъ Августъ разослалъ по

Литовско - Русскому государству свои «листы» съ предписаніемъ собраться на новыхъ повѣтовыхъ «соймикахъ» и отправить съ нихъ прежнихъ или вновь избранныхъ «пословъ» въ Люблинъ на «спольный» съ поляками сеймъ, требуя имъ неограниченныхъ полномочій для «сконченья» дѣла уніи. Сеймики состоялись. Члены «сойма» Великаго Княжества Литовскаго вновь собрались въ Люблинѣ рядомъ съ сеймомъ Польши. Переговоры опять не привели ни къ чему. Но у Литовско-Русскаго государства уже были «отрѣзаны крылья», какъ выразился на сеймѣ его государственный маршалъ Янъ Ходкевичъ — отъ него были оторваны Польшею его богатѣйшія и населеннѣйшія земли.

27 іюня дѣло уніи было наконецъ рѣшено. Въ этотъ день литовско - русскіе «паны - рада» явились въ засѣданіе польскаго сената. Янъ Ходкевичъ обратился къ Сигизмунду Августу съ обширною рѣчью, сохраненною дневниками Люблинскаго сейма. «Свѣтлѣйшій, милостивый король!», говорилъ онъ. «Вашей королевской милости извѣстно, что настоящее наше дѣло обсуждено со всѣхъ сторонъ панами - радою и станами Великаго Княжества Литовскаго. Теперь оно дошло до такого положенія, что сами мы безъ насилія надъ нашей совѣстью никакъ не можемъ рѣшиться отказаться отъ того, чего мы требовали отъ сенаторовъ Польши. Поэтому, какъ вѣрные и покорные ваши подданные, мы пришли теперь къ вашей королевской милости, чтобы представить вамъ, на чемъ остановилось это дѣло». Изложивъ дальше сущность и основы разногласій съ поляками, Ходкевичъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами : «такъ какъ намъ уже не къ кому обратиться за помощью, развѣ только къ Богу и къ вамъ, нашъ милостивый государь, хранитель нашего достоинства, защитникъ правъ нашихъ,

помазанникъ Божій, — то вотъ мы теперь и стоимъ передъ вашею королевскою милостью. Какъ добровольно мы пріѣхали сюда, такъ добровольно и теперь стоимъ передъ вашею королевскою милостью, вѣрные и послушные подданные ваши, и дѣлаемъ это съ радостью, принося вамъ нижайшую просьбу нашу, дабы ваша королевская милость такъ до конца изволили дѣйствовать, чтобы все это не было совершено съ неволею и позоромъ намъ и нашимъ потомкамъ. Не допусти же, государь, насъ опозорить, но пусть актъ Уніи заключенъ будетъ такъ, чтобы на насъ не было ни одного пятна. Будь же наконецъ, государь, самъ стражемъ и умѣрителемъ этого дѣла, и да будетъ то намъ величайшею твоею милостью, если все это ты благоволишь постановить въ любви къ намъ. Конечно, больно бы было намъ и внукамъ нашимъ, что мы должны смотрѣть на это дѣло не съ любовью, но съ горечью, или винить насъ, что мы не понимали нашего порабощенія. Мы уже доведены до такого положенія, что должны пасть къ ногамъ вашей королевской милости съ нашими униженными просьбами».

Послѣ этихъ словъ представители Великаго Княжества Литовскаго опустились на колѣна передъ Сигизмундомъ Августомъ, и Ходкевичъ продолжалъ: «именемъ Бога умоляемъ тебя, государь, помнить наши службы и нашу полную вѣрность тебѣ, нашу кровь, которую мы проливали ради твоей славы. Благоволи устроить насъ такъ, чтобы для всѣхъ это дѣло было съ честью, а не съ посмѣяніемъ и приниженіемъ нашимъ, устроить съ соблюденіемъ совѣсти твоей государевой и того, въ чемъ ты присягалъ намъ прежде. Именемъ Бога умоляемъ объ этомъ. Благоволи помнить все это, государь!» Рыдая, поднялись съ колѣнъ литовско-русскіе представители, и ихъ горе, по раз-

сказу сеймоваго дневника, было такъ безотрадно и сильно, что даже изъ поляковъ рѣдко кто не плакалъ, смотря на нихъ. Ходкевичъ, между тѣмъ, обратился къ польскому сенату съ нѣсколькими словами, въ которыхъ взывалъ къ нему съ просьбою окончить дѣло такъ, чтобы оно было совершено вполнѣ согласно съ совѣстью, честью и общею братскою радостью обоихъ народовъ.

На рѣчь Ходкевича отъ имени польскаго сената отвѣчалъ Краковскій епископъ Филиппъ Падневскій, прося согласіемъ на Унію закончить все дѣло. Послѣ него сказалъ нѣсколько словъ самъ Сигизмундъ Августъ, благодаря представителей Великаго Княжества Литовскаго за принятіе уже нѣкоторыхъ пунктовъ Уніи, по существу же имъ отъ имени короля отвѣтилъ польскій подканцлеръ (Францискъ Красинскій), прочитавъ по тетрадкѣ заранѣе приготовленную рѣчь. Въ этой рѣчи Сигизмундъ Августъ, въ силу своей господарской власти, требовалъ отъ литовско-русскихъ представителей принятія Уніи, старался разсѣять всѣ ихъ сомнѣнія и заявилъ, что со временемъ Великое Княжество Литовское можетъ исправить въ Уніи все, что признаетъ подлежащимъ исправленію. Затѣмъ говорилъ король опять самъ. Онъ высказывалъ убѣжденіе въ угодности сдѣланнаго имъ Богу, предписывалъ сдѣлать уступки желаніямъ Польши и заявлялъ, что Унія является благомъ, а не зломъ для Великаго Княжества Литовскаго.

Въ своемъ отвѣтѣ королю Ходкевичъ просилъ о дозволеніи литовско-русскимъ представителямъ перечитать и обсудить то, что имъ было прочитано отъ королевскаго имени. Получивъ согласіе, представители Великаго Княжества Литовскаго удалились и около трехъ часовъ совѣщались «въ своей избѣ». По воз-

вращеніи въ польскій сенатъ отъ ихъ имени вновь говорилъ Ходкевичъ. Сущность его рѣчи сводится къ слѣдующему. Грѣхи «Литвы» прогнѣвали Бога и навлекли на нее несчастія. Къ числу ихъ принадлежитъ и происходящее теперь на Люблинскомъ сеймѣ. Представители Литовско-Русскаго государства рѣшились на все, ибо они знаютъ, что должны повиноваться своему государю, какъ первому послѣ Бога, и все предоставлять его разсужденію. Удовлетворенные тѣмъ, что высказалъ имъ король (т. е. признаннымъ имъ правомъ на измѣненіе въ послѣдующее время условій Уніи согласно съ ихъ желаніями), они просятъ закрѣпить документально, въ видѣ того или иного акта, содержаніе королевской рѣчи, прочитанной имъ польскимъ подканцлеромъ. Къ рѣчи Ходкевича добавилъ нѣсколько словъ литовско-русскій подканцлеръ Евстафій Воловичъ. Затѣмъ говорилъ Краковскій епископъ, выражая братскія чувства польскаго сената. Закончился день рѣчью Сигизмунда Августа, въ которой онъ высказывалъ свою радость по поводу совершившагося и давалъ обѣщаніе своей одинаковой заботы въ будущемъ какъ о Польшѣ, такъ и о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ.

Послѣдніе дни іюня прошли въ исправленіи «привилея» Уніи. Оно не обошлось безъ пререкацій, но Унія по существу была уже рѣшена. 1 іюля была принесена взаимная присяга сенаторами и сеймовыми послами обоихъ государствъ. Послѣ нея король сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ членами сейма и множествомъ народа отправился въ костелъ св. Станислава, гдѣ было пропѣто Te Deum laudamus. Заключеніе Уніи Польши съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ стало совершившимся фактомъ. Эта Унія была не единственною, заключенною Польшею въ 1569 году. На томъ же Люб-

линскомъ сеймѣ 1569 года была ею заключена унія и съ Пруссіей, прежнимъ государствомъ Тевтонскаго Ордена, на условіяхъ близкихъ къ условіямъ соединенія съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Эта послѣдняя унія была разорвана въ XVII столѣтіи, и Пруссія соединилась въ одно государство съ Бранденбургомъ подъ властью Гогенцоллерновъ. Унія же съ Литовско-Русскимъ государствомъ продолжала существовать до конца XVIII вѣка, до раздѣловъ соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой между Австріей, Прусскимъ королевствомъ и Россіей.

Привилей Люблинской Уніи Польши и Литовско-Русскаго государства гласитъ, что «Корона» (т. е. королевство) Польская и Великое Княжество Литовское сливаются въ единое нераздѣльное тѣло и общее, единое государство, которое образуется сліяніемъ и соединеніемъ въ одинъ народъ и одно государство двухъ государствъ и народовъ. Такъ образуется изъ двухъ одна, общая, соединенная «речь посполитая», единое государство, которое должно быть возглавляемо однимъ государемъ, королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ, избираемымъ въ общемъ избирательномъ собраніи сенатомъ («радою») и шляхтою Польши и Великаго Княжества Литовскаго. Вновь избранный король, при своей коронаціи, которая должна совершаться въ Краковѣ, подтверждаетъ въ одной и той же грамотѣ права обоихъ народовъ, польскаго и литовско-русскаго, и приноситъ имъ обоимъ вмѣстѣ присягу въ соблюденіи этихъ правъ. Всѣ сеймы и собранія рады-сената должны быть общими для обоихъ народовъ, съ уничтоженіемъ отдѣльныхъ сейма и сената Великаго Княжества Литовскаго. Внѣшняя политика обоихъ государствъ объединяется: союзы и договоры съ другими государствами заключаются единою Польско-Литов-

скою Речью Посполитою, и договоры, заключенные раньше съ противорѣчіемъ Уніи, аннулируются. Въ обоихъ государствахъ должна быть единая монета. Отмѣняются всѣ имѣвшія мѣсто въ Литовско-Русскомъ государствѣ постановленія, запрещающія полякамъ пріобрѣтать въ его предѣлахъ имѣнія. Оба народа должны быть едины въ правахъ по всему соединенному государству.

Таковы постановленія Люблинской Уніи, которыя, казалось бы, ясно и опредѣленно установляютъ государственное единство двухъ соединенныхъ ею государствъ, Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго . Но, въ противорѣчіе имъ, единство это уже самимъ Люблинскимъ сеймомъ было нарушено въ принятомъ имъ актѣ Уніи. Государственный титулъ Великаго Княжества Литовскаго былъ имъ сохраненъ, а вмѣстѣ съ нимъ были сохранены и старые, не преобразованные Уніей, особые отъ Польши «уряды» — должности, съ ихъ прежними компетенціей и правами. Литовско-Русское государство сохранило своихъ, попрежнему отдѣльныхъ и независимыхъ отъ Польши министровъ, свою старую государственную печать, свои по-прежнему особыя войско, казну - «скарбъ», финансовое управленіе. Оставленъ былъ Великому Княжеству Литовскому и его сводъ законовъ, Литовскій Статутъ, но Люблинскій сеймъ предписалъ его переработку въ направленіи сліянія съ польскимъ законодательствомъ, съ устраненіемъ всего, что противорѣчитъ провозглашенному Уніею сліянію обоихъ народовъ.

Актъ Люблинской Уніи представляетъ собою договоръ, заключенный двумя государствами, Польшею и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Этотъ договоръ былъ «вѣчнымъ», онъ былъ заключенъ на вѣчныя времена. «Вѣчными» мирами, «вѣчными» союзными до-

говорами на старомъ языкѣ международныхъ сношеній обозначались договоры безсрочные, въ противоположность договорамъ срочнымъ, въ которыхъ былъ обозначенъ срокъ ихъ дѣйствія. Соблюденіе «вѣчныхъ» международныхъ договоровъ всегда имѣло мѣсто лишь до тѣхъ поръ, пока они были выгодны и желательны заключившимъ ихъ государствамъ, хотя бы въ нихъ и писалось, что они заключаются «на вѣки». Люблинскій сеймъ самъ уже впередъ призналъ договоръ Люблинской Уніи подлежащимъ дальнѣйшему развитію и измѣненіямъ, какъ мы видѣли выше. Это было сдѣлано оффиціальнымъ заявленіемъ перваго короля образованной Уніею соединенной Речи Посполитой, Сигизмунда Августа, 27 іюня 1569 года, которое было оффиціально же принято къ свѣдѣнію представителями Литовско - Русскаго государства и не опротестовано Польшею. Но актъ Люблинской Уніи въ дѣйствительности даже и не могъ быть реализованъ въ точномъ осуществленіи его постановленій.

Вчитываясь въ эти постановленія, нельзя не замѣтить въ нихъ весьма существенныхъ противорѣчій, въ основѣ которыхъ лежитъ наличность двухъ противоположныхъ идей государственнаго союза, а именно государствъ унитарнаго и федеративнаго типа. Это явилось результатомъ того, что договоръ Уніи былъ въ концѣ концовъ компромиссомъ противоположныхъ взглядовъ и требованій, принесенныхъ на Люблинскій сеймъ представителями Польши и Великаго Княжества Литовскаго. Договоръ Уніи въ одной части своихъ статей, въ самой категорической формѣ устанавливалъ единое, унитарное государство, въ которомъ сливаются Польша и Княжество ; но въ другой части статей договора за Великимъ Княжествомъ Литовскимъ признаются особыя его права чисто государственнаго, а

не провинціальнаго значенія. Ясно, что при такомъ положеніи дѣла рѣшающее значеніе въ реализаціи договора въ направленіи унитарности или федеративности созданной въ 1569 году соединенной Речи Посполитой должно было получить фактическое развитіе взаимныхъ отношеній соединившихся государствъ, ихъ дальнѣйшая жизнь въ Уніи, конкретные факты и господствующія теченія политической мысли въ каждомъ изъ нихъ. Лишь дальнѣйшая совмѣстная жизнь могла разрѣшить созданныя на Люблинскомъ сеймѣ противорѣчія. Но это она могла сдѣлать, только устранивъ одно изъ противоположныхъ началъ договора Уніи, ибо примиреніе и сохраненіе ихъ обоихъ невозможно.

VII.

То, что происходило и совершилось въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ, требовало оправданія даже со стороны побѣдителей въ борьбѣ, на немъ происходившей. Рядомъ съ прославленіями Сигизмунда Августа за его рѣшительную поддержку требованій Польши, сохранились и отзвуки отыскиванія идейныхъ основаній для оправданія нарушенія данной не только его предшественниками, но и имъ самимъ клятвы въ сохраненіи неприкосновенными всѣхъ правъ и предѣловъ Великаго Княжества Литовскаго. Еще въ 1550 году, по приглашенію Краковскаго епископа Самуила Мацѣевскаго, одинъ изъ ученыхъ теологовъ (докторъ Appanachie) выпустилъ спеціальный трактатъ, въ которомъ доказывалъ возможность для Сигизмунда Августа оторвать отъ Великаго Княжества Литовскаго къ Польшѣ земли и убѣждалъ, что противорѣчіе присягъ, принесенныхъ королемъ въ свое время, должно быть разрѣ-

шено въ пользу польскихъ притязаній. Самъ Сигизмундъ Августъ, однако, повидимому, не былъ увѣренъ въ правотѣ своего рѣшенія вопроса о литовско-русскихъ земляхъ, которыхъ добивалась Польша и которыя онъ ей отдалъ на Люблинскомъ сеймѣ. До самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1572 году, онъ настаивалъ на необходимости вознагражденія Великаго Княжества Литовскаго за отнятую отъ него часть его государственной территоріи и присоединенія къ нему Мазовіи.

Легко себѣ представить, съ какими чувствами литовско-русскій «народъ» вступалъ въ «братскую унію» съ Польшею. Лишенный въ высшей степени цѣнныхъ для своего государства земель, онъ скоро почувствовалъ отсутствіе ихъ полковъ въ своемъ войскѣ и отсутствіе съ нихъ «податковъ» въ своей государственной казнѣ - «скарбѣ». А война съ Москвою не была еще окончена ; послѣ перемирія она вновь разгорѣлась. Надежда на помощь Польши, ради которой и нуждалось въ уніи Литовско - Русское государство, не оправдалась. Несмотря на предъявляемыя Великимъ Княжествомъ Литовскимъ «протестаціи», Польша не давала ея въ тѣхъ размѣрахъ, которыхъ требовало и въ которыхъ нуждалось Княжество. Вся тяжесть войны легла на него. Ясно, что при такихъ условіяхъ реализація и развитіе статей договора Люблинской Уніи, которыя могли направляться въ сторону выработки унитарнаго или федеративнаго характера соединенной Речи Посполитой, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ должны были совершаться именно во второмъ, а отнюдь не въ первомъ направленіи. Шляхетскій «народъ» Княжества, въ своихъ верхахъ и низахъ, цѣлымъ своимъ составомъ, долженъ былъ все болѣе и болѣе сливаться въ единую, стойко стоящую на стражѣ государствен-

ныхъ правъ и значенія своего «панства» (государства) массу. И дѣйствительно, сразу послѣ Люблинской Уніи имѣемъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ ясно выраженною сильнѣйшую тенденцію къ измѣненію общаго направленія и основной идеи Люблинскаго акта и даже къ прямой отмѣнѣ части его постановленій. Великое Княжество Литовское вводитъ отдѣльную отъ Польши присягу ему избираемыхъ общихъ королей и великихъ князей, а также и подтвержденіе ими его правъ на особомъ листѣ, а не въ общей съ польскими правами хартіи — въ нарушеніе постановленій Люблинской Уніи. Уже первый избирательный король соединенной Речи Посполитой, Генрихъ Валуа, нарушилъ, по требованію Литовско-Русскаго государства, эти постановленія, а затѣмъ отдѣльныя присяга и подтвержденіе правъ Великому Княжеству Литовскому сдѣлались общимъ правиломъ, хотя соотвѣтствующій пунктъ акта Уніи и не былъ формально измѣненъ.

Люблинская Унія слила сеймы польскій и литовско-русскій въ одинъ общій, «спольный» сеймъ, который былъ названъ ея актомъ «коронньмъ», т. е. польскимъ. Сліяніе сеймовъ обоихъ государствъ, при отсутствіи крѣпкой внутренней спайки земель самой Польши ко времени Люблинской Уніи, внесло въ «коронный» сеймъ раздѣленіе интересовъ польской и литовско-русской его частей, тѣмъ болѣе несвоевременное, что сама польская часть этого сейма еще была сильно пропитана мѣстными интересами, раздѣлявшими ее внутри ея самой, и ей не было подъ силу сколько-нибудь успѣшно ассимилировать съ собою присоединенный къ ней въ 1569 году литовско-русскій сеймъ, имѣвшій уже свои традиціи, свою внутреннюю спайку и сознаніе государственнаго значенія и особыхъ интересовъ своей литовско-русской «речи посполитой».

Различіе интересовъ Княжества и Короны вскрывалось на сеймахъ постоянно, и на нихъ стали обычнымъ явленіемъ «протестаціи» литовско-русскихъ «пословъ», какъ и отказы ихъ отъ имени своего государства дать согласіе на рядъ постановленій, предлагаемыхъ ихъ польскими товарищами. Нельзя забывать, что печальная слава перваго «посла», сорвавшаго въ 1652 году сеймъ однимъ своимъ «не позволяю», пріурочена къ имени Упитскаго, т. е. литовско-русскаго посла Сицинскаго.

Въ концѣ концовъ Люблинская Унія была одною изъ основныхъ причинъ того, что Речь Посполитая застыла и остановилась въ своемъ государственномъ развитіи, до самаго конца своего существованія. Одною изъ главныхъ силъ, задержавшихъ необходимыя преобразованія, была обычная невозможность примирить интересы Польши и Великаго Княжества Литовскаго, создававшая необходимость лучше оставлять неприкосновеннымъ старое, чѣмъ идти одному изъ соединившихся по Уніи государствъ на серьезныя уступки въ своихъ отдѣльныхъ интересахъ. Уже около ста лѣтъ тому назадъ было замѣчено (Нѣмцевичемъ), что коронные сеймы, ставшіе «спольными» для Польши и Великаго Княжества Литовскаго съ 1569 года, именно послѣ Люблинской Уніи, а особенно съ начала царствованія Сигизмунда Вазы, обратились болѣе въ переговоры, чѣмъ обсужденіе дѣлъ. И это совершенно естественно, ибо именно при вступленіи на престолъ Сигизмунда III-го Литовско-Русское государство окончательно и формально опредѣлило свои отношенія къ Польшѣ, добившись раздѣла Лифляндской земли между Короною и Княжествомъ (вмѣсто ихъ общаго владѣнія ею) и утвержденія своего новаго статута.

«Спольный» сеймъ Речи Посполитой, ставшій бо-

лѣе конгрессомъ, чѣмъ парламентомъ, обычно проходилъ съ «протестаціей» пословъ Великаго Княжества Литовскаго. Въ ней они отмѣчали свое несогласіе съ тѣмъ или другимъ постановленіемъ сейма, или его отношеніе къ ихъ заявленіямъ и требованіямъ, и тѣмъ слагали съ себя отвѣтственность передъ своею «братіей» за неисполненіе ея инструкцій. «Протестаціи» вносились въ книги государственной канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго, и ея архивъ (Литовская Метрика) сохранилъ ихъ большое количество. Что же касается инструкцій на «спольные» сеймы, то онѣ вырабатывались повѣтовыми «соймиками», а затѣмъ сводились на «головномъ соймикѣ», т. е. главномъ, государственномъ съѣздѣ Великаго Княжества Литовскаго, не предусмотрѣнномъ актомъ Люблинской Уніи и въ концѣ концовъ, до извѣстной степени, замѣнившемъ для Литовско-Русскаго государства его старый «соймъ».

Великое Княжество Литовское времени послѣ 1569 года знало два вида государственныхъ литовско-русскихъ съѣздовъ. Первый изъ нихъ собирался передъ общими сеймами и имѣлъ цѣлью сведеніе требованій отдѣльныхъ повѣтовъ, представляемыхъ ими со своихъ предсеймовыхъ «соймиковъ» на «спольный» польско-литовскій сеймъ, и выработку требованій всего Литовско-Русскаго государства и программы общихъ дѣйствій его представителей на предстоящемъ сеймѣ. Съѣздъ этого вида ведетъ свое начало съ кануна Люблинскаго сейма 1568-1569 годовъ, когда представители Великаго Княжества Литовскаго должны были, передъ своимъ прибытіемъ на «коронный», т. е. польскій сеймъ, сговариваться между собою, собравшись изъ повѣтовъ. «Спольный» сеймъ послѣ Уніи 1569 года былъ «коронымъ сеймомъ» лишь по имени, по су-

ществу же онъ представлялъ собою конгрессъ представителей частей соединенной Речи Посполитой. Необходимость съѣздовъ передъ нимъ для его литовско-русскихъ участниковъ признавалась по-прежнему Великимъ Княжествомъ Литовскимъ. Въ годы до введенія въ дѣйствіе Статута 1588 года мѣстомъ собраній литовско-русскаго «головнаго соймика» былъ Волковыйскъ, повѣтовый центръ одного изъ повѣтовъ Новгородскаго воеводства. Литовскій Статутъ 1588 года перенесъ «головный соймикъ» въ Слонимъ, бывшій центромъ другого повѣта того же воеводства. Восьмой артикулъ третьяго раздѣла Статута установляетъ, что Слонимскій съѣздъ долженъ собираться за двѣ недѣли передъ каждымъ сеймомъ и продолжаться «водле часу и потребы», съ такимъ однако расчетомъ, чтобы его участники не опоздали на сеймъ. Составъ предсеймоваго съѣзда: «паны-рада» (т. е. литовско-русская «рада») и повѣтовые «послы» Великаго Княжества Литовскаго на общій съ поляками сеймъ.

Но рядомъ съ этимъ видомъ съѣздовъ, тѣсно связаннымъ съ польско-литовскимъ сеймомъ, въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ возникъ другой видъ литовско-русскихъ государственныхъ съѣздовъ, собиравшихся не въ качествѣ подготовительныхъ для сейма собраній, а въ значеніи собраній совершенно самостоятельныхъ. Въ богатое крупными событіями въ жизни Княжества царствованіе Стефана Баторія такіе литовско-русскіе съѣзды собирались много разъ. Въ 1577 году былъ созванъ королемъ съѣздъ въ Волковыйскѣ, который, какъ и польскіе главные сеймики (великопольскій — въ Колѣ, малопольскій — въ Корчинѣ, мазовецкій — въ Варшавѣ), долженъ былъ постановить «поборъ» на военныя нужды. Польскіе главные сеймики сдѣлали это для Польши, Волковыйскій

съѣздъ—для Великаго Княжества Литовскаго. Такимъ образомъ, созывъ литовско - русскаго съѣзда въ 1577 году не былъ чѣмъ либо выдѣляющимъ Княжество въ ряду остальныхъ земель соединенной Речи Посполитой. Король Стефанъ, нуждаясь въ деньгахъ на усмиреніе Гданска и на борьбу съ татарами и не созывая сейма для вотированія «побора», обратился къ главнымъ сеймикамъ частей соединенной Речи Посполитой за его постановленіемъ для составныхъ частей Польши и для Великаго Княжества Литовскаго. Но, созванный для вотированія «побора» на общія нужды соединенной Речи Посполитой, Волковыйскій съѣздъ 1577 года отдѣлилъ свои постановленія отъ постановленій съѣздовъ Польши. Онъ «уфалилъ» (т. е. постановилъ) податокъ съ земель литовско - русскихъ на наемъ войска исключительно «ку потребамъ того самого панства (т. е. государства) Великого Князства Литовского, а не на што иного». Послѣдующіе литовско - русскіе съѣзды, созванные Стефаномъ Баторіемъ, не только занимаются дѣлами и нуждами исключительно Великаго Княжества Литовскаго, но и созываются безъ одновременнаго созыва главныхъ сеймиковъ Польши. 18 іюля 1578 года изъ Львова были выданы Баторіемъ универсалы о созывѣ съѣзда Великаго Княжества Литовскаго въ Вильнѣ, 16 марта 1580 года изъ Городны — о созывѣ литовско - русскаго съѣзда въ Вильнѣ же. Въ январѣ 1582 года засѣдалъ съѣздъ Княжества въ Волковыйскѣ, въ мартѣ 1584 года — въ Вильнѣ. На Виленскомъ съѣздѣ 1580 года вмѣстѣ съ радою, должностными лицами и повѣтовыми послами Великаго Княжества Литовскаго находился и его великій князь Стефанъ, король Польши и соединенной Речи Посполитой.

Въ эпохи безкоролевій, конечно, съѣзды Великаго Княжества Литовскаго получали особое значеніе : на

нихъ выражалъ свою волю и дѣлалъ свои постановленія, черезъ своихъ представителей, литовско-русскій «народъ», не имѣя надъ собою «звирхности господарской», верховной власти великаго князя и короля. Такіе съѣзды вырабатывали мѣры для безопасности Литовско-Русскаго государства, внутренней и внѣшней, установляли чрезвычайные суды на смѣну прекращавшихъ свою дѣятельность судовъ обычныхъ, дѣйствовавшихъ «звирхностью господарской», принимали чрезвычайныя рѣшенія по сношеніямъ съ иностранными государствами и по организаціи «обороны» отъ нихъ, если она требовалась. Текущія государственныя дѣла Княжества въ дни «интеррегни» (interregnum) — безкоролевья вела литовско-русская рада. Съѣзды намѣчали и кандидатовъ на престолъ соединенной Речи Посполитой, которыхъ будетъ проводить Великое Княжество Литовское на общемъ съ Польшею избирательномъ собраніи. Они же вырабатывали условія, которыя будутъ предложены новому «господарю» отъ имени Княжества для признанія его великимъ княземъ литовскимъ. Въ эпохи безкоролевій литовско-русскій съѣздъ бралъ въ свои руки всю полноту верховной власти своей «речи посполитой», своего государства, т. е. Великаго Княжества Литовскаго.

Итакъ, полное сліяніе двухъ государствъ и народовъ, которое было провозглашено Люблинскою Уніей, не удалось реализовать въ области ихъ сеймовъ, съѣздовъ и собраній рады. Невозможнымъ оказалось и сліяніе ихъ въ компетенціи единаго высшаго суда, созданіе котораго сыграло такую выдающуюся роль въ исторіи государственнаго объединенія средневѣковыхъ государствъ Западной Европы. Когда въ 1578 году для Польши былъ учрежденъ «Коронный Трибуналъ» въ значеніи высшей аппелляціонной инстанціи, Великое

Княжество Литовское потребовало для себя особаго Трибунала и провело на сеймѣ 1581 года свой «Головный Судъ Трибунальскій», котораго компетенціи подлежало Литовско - Русское государство и котораго составъ избирался изъ его «народа» на его повѣтовыхъ сеймикахъ.

Ясно, что особность Великаго Княжества Литовскаго отъ Короны Польской послѣ Уніи 1569 года требовала и строжайшей охраны его границъ съ Польшею, ибо это были границы не провинціальнаго, а государственнаго значенія и отъ соблюденія ихъ зависѣли интересы государственной казны, состава войска, предѣлы дѣйствія суда, управленія и верховной власти соотвѣтствующаго государства. И границы Польши и Великаго Княжества Литовскаго охранялись постоянно. Послѣ 1569 года онѣ были и не разъ провѣряемы смѣшанными коммиссіями обоихъ соединенныхъ Люблинскою Уніею государствъ.

VIII.

Люблинскій сеймъ 1569 года, послѣ заключенія Уніи, предписалъ и исправленіе Литовскаго Статута, образовалъ для этого коммиссію и далъ ей директивы, стоящія въ полномъ согласіи съ провозглашеннымъ положеніемъ о сліяніи государствъ и народовъ Польши и Великаго Княжества Литовскаго. Коммиссія для «поправы» (т. е. исправленія) Статута 1566 года должна была самымъ полнымъ образомъ согласить законы Княжества со «статутомъ польскимъ, чтобы во всѣхъ государствахъ» Сигизмунда Августа, «какъ въ одной речи посполитой, могло бы отправляться одно и то же беззамедлительное правосудіе». Исправленный такимъ

образомъ Литовскій Статутъ предписывалось внести на разсмотрѣніе ближайшаго за Люблинскимъ сейма.

Нужно думать, что въ этомъ постановленіи гораздо больше выразилось общее направленіе, въ которомъ работала польская часть сейма 1569 года, чѣмъ требованіе, въ исполненіи котораго была дѣйствительная увѣренность у тѣхъ дѣятелей, которые, не увлекаясь идеею сліянія народовъ и свободные отъ ея очарованія, могли спокойно и вполнѣ реально учитывать степень исполнимости этого постановленія. Во-первыхъ, сама Польша въ это время не имѣла единаго, законно утвержденнаго, обще-польскаго статута, т. е. кодекса. Во-вторыхъ, въ коммиссію по «поправѣ» Литовскаго Статута не было назначено ни одного члена изъ поляковъ, и она была составлена исключительно изъ представителей Великаго Княжества Литовскаго, которые такъ упорно отстаивали свои государственное значеніе и независимость на Люблинскомъ сеймѣ, а мѣстомъ занятій этой коммиссіи была назначена Вильна, столица Литовско-Русскаго государства, съ ея старымъ, двухвѣковымъ значеніемъ его государственнаго центра. Во всякомъ случаѣ, коммиссія для «поправы» Статута не пошла по пути, указанному ей Люблинскимъ сеймомъ.

Второй Литовскій Статутъ былъ изданъ спѣшно и получилъ утвержденіе «недоправеный до конца». Уже Берестейскій сеймъ 1566 года имѣлъ въ числѣ дѣлъ, для которыхъ онъ созывался, и «поправу Статуту», а Городенскій сеймъ 1568 года образовалъ даже «на поправенье Статуту» цѣлую коммиссію. Такимъ образомъ, уже наканунѣ Люблинской Уніи Великое Княжество Литовское имѣло свою коммиссію для «поправы Статуту», и эта коммиссія должна была работать въ томъ же «столечномъ мѣстѣ Вилен-

скомъ», которое было избрано и Люблинскимъ сеймомъ для занятій по исправленію Литовскаго Статута. Но не одно только мѣсто занятій, а и отдѣльные члены оказались тѣ же и въ коммиссіи, учрежденной Люблинскимъ сеймомъ въ 1569 году. Если же все это было такъ, то естественно возникаетъ вопросъ: въ какомъ направленіи будетъ работать статутовая коммиссія 1569 года —въ направленіи ли директивъ Люблинскаго сейма, или въ направленіи, которое опредѣлилось до Люблинской Уніи, сразу послѣ утвержденія Второго Статута? Оба эти направленія примирены быть не могли никоимъ образомъ.

Время между 1566 и 1569 годами было эпохою спѣшной подготовки Великаго Княжества Литовскаго къ уніи съ Польшею. На желательный характеръ этой уніи взглядъ въ Княжествѣ выработался совершенно опредѣленный. Его выраженіемъ былъ проектъ уніи, привезенный литовско-русскими представителями на Люблинскій сеймъ и встрѣченный тамъ съ такою враждою поляками, проектъ, сущность котораго сводилась къ постоянному союзу противъ внѣшнихъ враговъ, съ полною государственною самостоятельностью Великаго Княжества Литовскаго. Но въ эти годы не только вырабатывались общія положенія и общія основы соединенія съ Польшею, пріемлемыя для Литовско-Русскаго государства. На его «соймахъ» 1566-1568 годовъ фактически уже производилась «поправа» Статута, ибо они создавали отдѣльные новые законы Великаго Княжества Литовскаго, дополняя и измѣняя содержаніе артикуловъ Статута 1566 года. Такимъ образомъ, уже ко времени Люблинской Уніи совершенно ясно опредѣлился путь, на который должна была вступить коммиссія 1568 года; его указы-

вали требованія развивавшейся внутренней жизни Княжества и охрана неприкосновенности его государственнаго значенія. Нельзя при этомъ забывать, что Городенскій «соймъ» 1568 года установилъ и способъ утвержденія «поправы» Статута: исправленный литовско-русскій кодексъ долженъ получить силу и утвержденіе «моцъю», т. е. властью, того же Городенскаго сейма, на съѣздѣ рады и сеймовыхъ пословъ Великаго Княжества Литовскаго, который будетъ созванъ Сигизмундомъ Августомъ передъ «спольнымъ» съ поляками сеймомъ.

Быстрота, которой потребовалъ Люблинскій сеймъ для изготовленія «поправы» Статута и внесенія ея на разсмотрѣніе «спольнаго» сейма, оказалась неосуществимой. Лишь черезъ пять и черезъ девять лѣтъ послѣ Уніи, на коронаціонный сеймъ (при Генрихѣ Валуа) 1574 года и на Варшавскій сеймъ 1578 года были представлены и получили утвержденіе нѣкоторые «артикулы поправъ Статуту Литовского». Но это были именно тѣ артикулы (притомъ въ совершенно незначительномъ числѣ), которые нисколько не касались взаимныхъ отношеній Княжества и Короны, какъ составныхъ частей соединенной Речи Посполитой, а стало быть не могли ставить и вопроса о томъ, «втѣлено» ли Литовско-Русское государство въ Польскую Корону, или же представляетъ собою самостоятельное «панство», т. е. государство, находящееся съ нею въ договорныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ именно этотъ вопросъ, совершенно различно разрѣшаемый Польшею и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, и стоялъ на пути «поправы» Статута, какъ вопросъ основной, а Третій Литовскій Статутъ, вырабатываемый въ то время въ Княжествѣ, не только не отказывался отъ государственныхъ традицій Литовско-Русскаго

государства, но стремился поставить даже новые барьеры, направленные противъ политическаго и народнаго слиянія съ Польшею. При такихъ условіяхъ этотъ новый Литовскій Статутъ не могъ быть утвержденъ съ согласія польской части «спольнаго» сейма. На Варшавскомъ сеймѣ 1582 года Княжество потребовало утвержденія своего новаго кодекса безъ разсмотрѣнія его текста сеймомъ, однако польская часть послѣдняго этому противопоставила свое требованіе обязательности сеймоваго разсмотрѣнія Статута.

Отказаться отъ своего новаго Статута или допустить его переработку на «спольномъ» сеймѣ, польская часть котораго не могла согласиться съ его основными положеніями о старыхъ государственныхъ правахъ Литовско - Русскаго государства, Великое Княжество Литовское не могло. Это было для него невозможно не только потому, что эти положенія лежали глубоко осѣвшими въ сознаніи его «народа», заложенныя вѣковой традиціей и закрѣпленныя пережитымъ съ 1569 года, давшимъ столько вражды къ «братіи» — полякамъ. Это было невозможно и по той причинѣ, что Третій Литовскій Статутъ являлся продуктомъ работы всего «народа» Великаго Княжества Литовскаго, а не одной его статутовой коммиссіи. Текстъ Статута, въ его артикулахъ, вырабатывался не только этою коммиссіей. Составленный ею проектъ разсматривался и дополнялся литовско - русскими повѣтовыми «сэймиками» и съѣздомъ. Новый кодексъ, благодаря этому, былъ «народнымъ» дѣломъ Великаго Княжества Литовскаго и имѣлъ санкцію цѣлаго его шляхетскаго «народа», выраженную имъ формально.

Если не было надежды на утвержденіе новаго Статута въ томъ его видѣ, въ которомъ онъ вырабатывался статутовыми депутатами и повѣтовыми сейми-

ками Княжества, то совершенно естественно, что оно должно было постараться найти путь для проведенія своего кодекса безъ разсмотрѣнія его «спольнымъ» съ Польшею сеймомъ. Московская война поставила Великое Княжество Литовское въ особо близкія отношенія къ Стефану Баторію, оцѣнившему его жертвы во время этой войны. Эти отношенія были использованы и для утвержденія новаго Статута. На Виленскомъ съѣздѣ 1584 года Баторій гарантировалъ Княжеству утвержденіе Статута своимъ привилеемъ на сеймѣ. Однако въ царствованіе Стефана Баторія Великому Княжеству Литовскому все-таки не удалось провести утвержденіе своего Статута, хотя имя гарантировавшаго это утвержденіе короля и великаго князя и внесено въ текстъ новаго кодекса Княжества (I артикулъ IV раздѣла).

Со смертью короля Стефана наступило безкоролевье. Время безкоролевій въ соединенномъ Польско-Литовскомъ государствѣ открывало много возможностей для развитія старыхъ правъ и вольностей и пріобрѣтенія новыхъ: когда Речь Посполитая не имѣла «пана», т. е. государя, его власть бралъ на себя ея «народъ». Въ безкоролевье 1586 - 1588 годовъ Великое Княжество Литовское заняло совершенно опредѣленную позицію по отношенію къ Польшѣ, предъявивъ ей, какъ «панство», рядъ своихъ требованій и не сливаясь съ нею вполнѣ въ общихъ занятіяхъ сеймовъ, а ведя съ нею переговоры черезъ посредство своихъ уполномоченныхъ. На конвокаціонномъ и елекціонномъ сеймахъ 1587 года Княжество въ своихъ требованіяхъ и переговорахъ выдвинуло четыре основныхъ вопроса: 1) о Лифляндской землѣ, 2) о мирѣ съ Москвою, 3) объ избраніи московскаго царя Ѳеодора Ивановича на престолъ Речи Посполитой и 4) о жало-

бахъ и требованіяхъ, предъявленныхъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ къ Польшѣ. Для уясненія взаимныхъ отношеній соединившихся по Люблинской Уніи государствъ особенное значеніе имѣютъ первый и четвертый изъ этихъ вопросовъ.

Требованіе закрѣпленія Лифляntъ (Ливоніи) цѣликомъ за Литовско-Русскимъ государствомъ было выдвинуто имъ уже наканунѣ Люблинской Уніи на томъ основаніи, что всю тяжесть Московской войны Княжеству пришлось возложить на свои плечи именно изъ-за Лифлянтъ, и что Лифляндская земля съ принятія ея «подъ оборону звирхности господарское» защищалась отъ враговъ силами «родичовъ и обователей того славного панства (т. е. государства) Великого Князства» и ради нея немало не только «крови народу ихъ шляхетского выливало ся», но «и головъ братьи ихъ полегло», съ «великою утратою» ихъ имущества и расходами «скарбу» того же Литовско-Русскаго государства. Послѣ Люблинской Уніи на Лифлянты предъявила свои притязанія Польша и наложила было на нихъ свою руку, но въ 1587 году Великое Княжество Литовское потребовало передачи ихъ ему цѣликомъ. Тогда же оно вновь возобновило свое требованіе возвращенія и земель, оторванныхъ отъ него Польшею въ 1569 году въ Люблинѣ. Компромиссъ, заключенный на елекціонномъ (избирательномъ) сеймѣ 1587 года, привелъ къ раздѣлу Лифлянтъ между Короною и Княжествомъ, на возвращеніи же Кіевщины, Волыни, Подолья и Подляшья Великое Княжество Литовское рѣшило не настаивать, не доводя дѣла до разрыва переговоровъ съ Коронным «панствомъ».

Что касается жалобъ и другихъ требованій Княжества, предъявленныхъ Польшѣ въ безкоролевье, наступившее со смертью Стефана Баторія, то въ числѣ

ихъ было и требованіе признанія новаго Литовскаго Статута. Исполнить эти требованія польскій сеймъ отказался, но, въ виду необходимости до чего-либо договориться при опасности полнаго разрыва, всѣ требованія Великаго Княжества Литовскаго актомъ, составленнымъ 4 августа 1587 года въ Варшавѣ (въ него внесено и соглашеніе о раздѣлѣ Ливоніи), были отложены до коронаціоннаго сейма, которымъ закончится безкоролевье. При этомъ было установлено: если на коронаціонномъ сеймѣ Корона и Княжество не придутъ къ соглашенію въ этихъ вопросахъ, они должны быть представлены на личное рѣшеніе новаго короля, съ соотвѣтствующими документальными доказательствами.

Елекціонный сеймъ 1587 года внесъ новый раздоръ въ соединенную Речь Посполитую одновременнымъ выборомъ двухъ королей. Великое Княжество Литовское, какъ «панство», не признало обоихъ избраній. Оно со своего съѣзда, собравшагося въ Вильнѣ 8 ноября 1587 года, выправило посольство «именемъ всее речи посполитое Великого Князства Литовского» къ обоимъ провозглашеннымъ въ Польшѣ кандидатамъ, Сигизмунду Вазѣ и Максимиліану Габсбургу. Это посольство повезло условія ихъ признанія Княжествомъ, а въ числѣ ихъ согласіе на раздѣлъ Лифляндтъ и утвержденіе новаго Литовскаго Статута.

Въ битвѣ подъ Бычиной сторонники Максимиліана потерпѣли пораженіе. Великое Княжество Литовское не принимало участія въ этой войнѣ, которою заканчивалось безкоролевье въ Польшѣ, но зорко слѣдило за развертывавшимися событіями. Когда, послѣ побѣды своихъ сторонниковъ, Сигизмундъ вступилъ на престолъ Польши и въ Краковѣ открылся коронаціонный сеймъ, Великое Княжество Литовское черезъ

свое посольство предъявило новому королю выработанныя ноябрьскимъ Виленскимъ съѣздомъ условія для признанія его и великимъ княземъ литовскимъ. Отвергнуть эти условія значило — доводить дѣло до вооруженной борьбы съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, которое уже вооружило свой шляхетскій «народъ». А идти на это Сигизмунду и его польскимъ сторонникамъ было едва ли подъ силу: хотя сторонники другого претендента на престолъ Речи Посполитой, Максимиліана Австрійскаго, и потерпѣли уже пораженіе подъ Бычиной, но присоединеніе къ нимъ цѣлаго Литовско-Русскаго государства должно было неизбѣжно отдать окончательную побѣду въ происходившей междуусобной войнѣ въ ихъ руки. При такихъ условіяхъ Сигизмунду Вазѣ оставалось только исполнить требованія Великаго Княжества Литовскаго, а исполняя ихъ, утвердить и Третій Литовскій Статутъ, хотя онъ и не получилъ санкціи «спольнаго» сейма. Признавшая уже новаго короля Польша была вынуждена допустить утвержденіе имъ, въ значеніи великаго князя литовскаго, новаго литовско-русскаго кодекса, какъ послѣдній ни противорѣчилъ основной идеѣ и отдѣльнымъ статьямъ Люблинской Уніи.

IX.

Раскрывая Третій Литовскій Статутъ, нужно ожидать въ немъ соотвѣтствующаго введенія, говорящаго о новомъ положеніи Великаго Княжества Литовскаго послѣ Уніи, или даже самаго акта ея, съ котораго, естественно, долженъ бы начинаться кодексъ, имѣющій своею задачею, такъ сказать, реализовать Люблинскую Унію въ области права Литовско-Русскаго

государства. Однако въ Статутѣ 1588 года нѣтъ и намека на что-либо подобное. Этого мало. Люблинская Унія ни разу не упомянута на всемъ протяженіи его текста. Значеніе Великаго Княжества Литовскаго, какъ самостоятельнаго и полноправнаго государства, выступаетъ въ немъ съ такими же ясностью и опредѣленностью, какъ и въ томъ самомъ Статутѣ 1566 года, который вызвалъ къ себѣ такое отрицательное отношеніе польской части Люблинскаго сейма и который этотъ сеймъ предписалъ исправить согласно новымъ отношеніямъ Короны и Княжества, установленнымъ Уніею 1569 года. А между тѣмъ нѣкоторые раздѣлы Третьяго Статута, особенно раздѣлы, говорящіе о государственномъ устройствѣ Великаго Княжества Литовскаго, безусловно должны бы были не только упомянуть объ Уніи, но даже выдвинуть ее на первый планъ, если бы составители этого кодекса хотѣли сколько-нибудь считаться съ постановленіями Люблинскаго сейма.

Особенно отчетливо выражено самостоятельное значеніе особаго государства Великаго Княжества Литовскаго въ первомъ, четвертомъ и пятомъ артикулахъ третьяго раздѣла Литовскаго Статута 1588 года. Въ первомъ изъ нихъ говорится слѣдующее (въ переводѣ со стараго русскаго языка Статута на современный русскій языкъ): «Мы, господарь, обѣщаемъ и присягаемъ за себя и за нашихъ преемниковъ, великихъ князей литовскихъ, подъ тою же присягою, которую мы принесли всѣмъ обывателямъ Великаго Княжества Литовскаго, что это славное государство Великое Княжество и всѣ земли, къ нему издавна и теперь принадлежащія, въ славѣ, титулахъ, престолѣ («столицѣ»), чести, власти, значеніи, верховномъ управленіи («росказыванью») и во всѣхъ другихъ его правахъ, а так-

же въ границахъ его, — ни въ чемъ уменьшать, сокращать и понижать не станемъ, но во всемъ этомъ будемъ и желаемъ его еще больше «примножати». Еслибы Господь Богъ, по своей святой милости, благоволилъ бы намъ, «господарю», дать другое государство или королевство, мы прежде всего ни въ чемъ не понизимъ князей, пановъ-раду, духовныхъ и свѣтскихъ, всѣхъ должностныхъ лицъ, шляхту и рыцерство и всѣ другія сословія сего нашего государства, Великаго Княжества Литовскаго, но будемъ охранять и оберегать ихъ отъ всякихъ ущерба и «пониженья», съ помощью Божіею стараясь объ увеличеніи и возвышеніи этого государства и всѣхъ его доходовъ, достоинства и значенія, съ наибольшими нашими усиліями и вниманіемъ».

Артикулъ четвертый того же раздѣла прибавляетъ къ этому такое обязательство великаго князя: «Также не уменьшимъ территоріи государства Великаго Княжества Литовскаго и то, что врагами этого государства отъ него оторвано, разобрано и къ другому государству когда-либо изъ его состава выпрошено, все это обѣщаемъ немедленно привести въ собственность Великаго Княжества, къ нему вновь присоединить и «направити» его границы. Еслибы оказались пожалованными при границахъ вышеупомянутыхъ земель кому-либо изъ «заграничниковъ» имѣнія, села и люди, — владѣльцы ихъ обязаны съ нихъ служить Великому Княжеству Литовскому; а если кто изъ нихъ служить бы ему не хотѣлъ, — ни мы, ни преемники наши, не будемъ признавать силы на право владѣнія за представляемыми ими документами».

Наконецъ, пятый артикулъ третьяго раздѣла Статута заключаетъ въ себѣ обѣщаніе великаго князя за себя и за своихъ преемниковъ, «подъ тою жъ присе-

гою» его, которую онъ принесъ Великому Княжеству Литовскому, — не отнимать отъ его «бояръ - шляхты» ихъ недвижимаго или движимаго имущества, «свободы, вольностей и правъ» и никому кромѣ нихъ, изъ живущихъ въ Княжествѣ другихъ обывателей, «заграничниковъ» и иностранцевъ, не давать. Еслибы что-либо было, въ противорѣчіе съ этимъ, кому-либо пожаловано, права такого лица должны быть великимъ княземъ и его преемниками аннулированы, послѣ законнаго судебнаго разбирательства, по совѣщаніи господаря съ членами «рады» Великаго Княжества Литовскаго. Сохраняется за великимъ княземъ право раздачи «бояръ» лишь «спадковыхъ», выморочныхъ земельныхъ владѣній, перешедшихъ въ составъ «господарскихъ» земель за отсутствіемъ законныхъ наслѣдниковъ. Но и такіе «бояре» съ ихъ имѣніями могутъ быть пожалованы только «родичамъ» Великаго Княжества Литовскаго.

Въ приведенныхъ сейчасъ артикулахъ Статута 1588 года имѣемъ: 1) сохраненіе полной отдѣльности отъ Польши Великаго Княжества Литовскаго, его стараго (до Уніи) государственнаго значенія и неприкосновенности и цѣлости его территоріи, съ обязательствомъ для господаря вернуть въ составъ ея то, что изъ нея «розобрано» и «упрошоно» другими государствами; 2) особую присягу господаря Великому Княжеству Литовскому, уничтоженную въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ, установившемъ единую общую присягу королей для Короны и Княжества, какъ одного государства; 3) независимую и отдѣльную отъ Коронной «рады» дѣятельность «рады» Княжества; 4) признаніе права на пожалованіе «спадковыхъ» земель съ ихъ «боярами» исключительно за «родичами» Великаго Княжества Литовскаго, иными словами, съ лишеніемъ его поляковъ.

Обращаясь отъ приведенныхъ сейчасъ артикуловъ Статута 1588 года къ другимъ частямъ его текста, найдемъ длинный рядъ прямыхъ нарушеній требованій Люблинскаго сейма, подлежавшихъ исполненію при постановленномъ имъ согласованіи съ Уніею кодекса Великаго Княжества Литовскаго. Сейма Статутъ ни разу не называетъ «коронным», а между тѣмъ Люблинская Унія только таковой и признаетъ. Статутъ 1588 года, по примѣру Второго Статута, называетъ его просто «великимъ» и «вальнымъ». Поляки разсматриваются какъ «заграничники», а не какъ одинъ и тотъ же «народъ», съ которымъ сливались бы въ единое цѣлое «родичи» Великаго Княжества Литовскаго. Права этихъ «заграничниковъ» по землевладѣнію ограничиваются въ Статутѣ 1588 года не только устраненіемъ ихъ отъ пріобрѣтенія имѣній путемъ пожалованія отъ великаго князя литовскаго. Землевладѣніе въ повѣтахъ Княжества открывало его шляхтѣ доступъ къ литовско-русскимъ повѣтовымъ «урядамъ» - должностямъ. Однако Статутъ 1588 года признаетъ право занимать повѣтовые уряды исключительно за «родичами» Княжества. Хоружими по Третьему Статуту (раздѣлъ II, артикулъ 5) господарь можетъ утверждать только людей почтенныхъ, «годныхъ,ростропныхъ, родичовъ» Княжества и «осѣлыхъ» въ томъ же повѣтѣ; членами земскихъ судовъ повѣтовая шляхта можетъ избирать только «людей добрыхъ», добродѣтельныхъ, благочестивыхъ, «годныхъ», знающихъ законы, умѣющихъ писать, «родичовъ» Великаго Княжества Литовскаго, въ томъ же повѣтѣ осѣлыхъ «не ново» и дѣйствительно (раздѣлъ IV, артикулъ1); подстаростами, гродскими судьями и писарями воеводы и старосты Княжества могутъ назначать только «людей добрыхъ», добродѣтельныхъ, «годныхъ,

въ правѣ и писма руского умѣетныхъ, шляхтичовъ, въ томъ же повѣтѣ осѣлыхъ и родичовъ того панства Великого Князства Литовского» (раздѣлъ IV, артикулъ 37). «Уряды» и земли вообще могутъ господаремъ раздаваться въ Княжествѣ только «родичамъ» послѣдняго — «Литвѣ, Руси, Жомойти (т. е. жмудинамъ), родичомъ старожитнымъ и уроженцомъ Великого Князства Литовского и иныхъ земль, тому Великому Князству належачихъ». Еслибы кто-либо изъ «чужоземцовъ, заграничниковъ и сусѣдовъ того панства и всихъ земль, ему» принадлежащихъ, осмѣлился выпросить что-либо изъ «урядовъ» и земель Княжества и вступить въ обладаніе ими, а послѣ указанія ему этого требованія Статута отъ нихъ бы не отказался, — все имущество такого должно быть конфисковано и передано «скарбу»-казнѣ Великаго Княжества Литовскаго. Но и этого мало. Въ случаѣ вступленія иностранца въ составъ литовско-русскаго «народа» и пожалованія ему имѣнія-«осѣлости» за его заслуги передъ «речью посполитою» Княжества, онъ можетъ вступить въ обладаніе этимъ своимъ имѣніемъ, только принеся присягу въ вѣрности Великому Княжеству Литовскому и служа военную службу со своего имѣнія именно этому государству; но и такіе уже принятые въ составъ литовско-русскаго «народа» иностранцы не могутъ занимать должностей и «урядовъ» въ Княжествѣ (раздѣлъ III, артикулъ 12).

Сравнивая эти постановленія Статута 1588 года съ соотвѣтствующими постановленіями Второго Статута, получаемъ совершенно ясное указаніе на то, въ какомъ направленіи исправлявшіе Статутъ вносили въ него дополненія. Это отнюдь не было направленіе, указанное Люблинскимъ сеймомъ; наоборотъ, оно было враждебно постановленіямъ послѣдняго. Въ самомъ

дѣлѣ, не только не было сдѣлано ни малѣйшей уступки въ опредѣленіи самостоятельнаго государства Княжества, какимъ оно было до Уніи и какъ оно выражено въ Статутѣ 1566 года, но, наоборотъ, Великое Княжество Литовское старательно отгородилось отъ Польши и особенно тщательно укрѣпило тотъ барьеръ между литовско-русскимъ и польскимъ «народами», который Люблинская Унія объявляла совершенно сломаннымъ. Требованіе принадлежности къ «родичамъ» Великаго Княжества Литовскаго не выражено въ соотвѣтствующихъ артикулахъ Второго Статута (раздѣлъ II, артикулъ 5; раздѣлъ IV, артикулы 1 и 21) о хоружихъ и членахъ земскаго и гродскаго судовъ такъ опредѣленно, какъ это сдѣлано въ Статутѣ 1588 года. Что же касается послѣдняго изъ отмѣченныхъ выше артикуловъ Третьяго Статута, то онъ не только дополненъ постановленіями, обезпечивающими интересы государства Княжества и его «народа», но выбрасываетъ ссылку на «статутъ судейскій Польскій», которая имѣется въ соотвѣтствующемъ артикулѣ Второго Статута (раздѣлъ III, артикулъ 9), отмѣчая аналогичное отношеніе въ Польшѣ къ иностранцамъ, пріобрѣвшимъ должности или имѣнія. Статутъ 1588 года вообще ни разу не говоритъ о томъ, чтобы его составители производили сравненіе артикуловъ Второго Статута со «статутомъ польскимъ», предписанное Люблинскимъ сеймомъ. Наоборотъ, они, оказывается, выбрасывали даже изъ самого исправляемаго ими Статута 1566 года имѣвшіяся въ немъ ссылки на «статутъ судейскій польскій».

Подводя итогъ подъ тѣмъ, что даетъ сравненіе даже небольшой части артикуловъ Третьяго Статута съ постановленіями Люблинскаго сейма и соотвѣтствующими артикулами Статута 1566 года, неизбѣжно при-

ходимъ къ выводу, что при составленіи Статута 1588 года Великое Княжество Литовское совершенно не считалось съ Люблинскою Уніею и сеймомъ 1569 года. Третій Литовскій Статутъ былъ составленъ исключительно для удовлетворенія потребностей Великаго Княжества Литовскаго, какъ самостоятельнаго и полноправнаго государства.

X.

Представляя собою собраніе законовъ, организующихъ управленіе и судъ и опредѣляющихъ гражданское и уголовное право, въ ихъ матеріальной и процессуальной частяхъ, Статутъ 1588 года заключаетъ въ себѣ и изложеніе основныхъ законовъ Великаго Княжества Литовскаго, какъ государства, т. е. того, что можетъ быть названо его государственною конституціею. Отсутствіе въ этихъ основныхъ законахъ упоминанія о Люблинской Уніи открывало формальную возможность не считаться съ нею, когда Литовско-Русское государство признаетъ это для себя желательнымъ. Статутъ 1588 года былъ утвержденъ послѣ Люблинской Уніи. Отсюда неизбѣжный выводъ: то, что установлено имъ, а не установленное въ 1569 году, имѣетъ обязательную силу для Великаго Княжества Литовскаго и въ его предѣлахъ — lex posterior derogat legi priori.

Польша по-прежнему исходила изъ акта Люблинской Уніи въ своемъ оффиціальномъ взглядѣ на свои отношенія къ Великому Княжеству Литовскому. Этотъ взглядъ получилъ широкое распространеніе и въ средѣ польскаго шляхетскаго «народа». Но въ дѣловыхъ сношеніяхъ двухъ соединившихся въ федера-

тивномъ союзѣ государствъ Княжество во все послѣдующее время существованія соединенной Речи Посполитой настойчиво отстаивало свою конституцію 1588 года, и какъ общему «господарю», такъ польскимъ сенату и сейму приходилось постоянно съ этимъ считаться. Одни выводы изъ своей конституціи 1588 года Великое Княжество Литовское проводило черезъ «спольный» сеймъ, польская часть котораго уступала его требованіямъ. Другіе оно дѣлало и осуществляло само, совершенно самостоятельно.

Новыя учрежденія, возникавшія въ Речи Посполитой, какъ и существовавшія уже раньше, учреждались порознь и не обязательно въ одно и то же время для каждаго изъ государствъ Польско - Литовской федераціи. Такъ, когда въ XVII столѣтіи для судебнаго разбирательства по дѣламъ, связаннымъ со сборомъ «податковъ» и государственною казною обоихъ государствъ, были учреждены такъ называемые Скарбовые Трибуналы, они явились совершенно отдѣльными учрежденіями для Польши и для Великаго Княжества Литовскаго. Въ томъ же XVII столѣтіи завѣдываніе артиллеріей было выдѣлено въ организаціи военныхъ силъ обоихъ соединенныхъ Уніею государствъ въ особое управленіе. Но оно было совершенно самостоятельнымъ и отдѣльнымъ для каждаго изъ нихъ, создавшихъ для себя по особому «генералу артиллеріи». Настаивая на своемъ государственномъ равноправіи съ Польшею, Литовско-Русское государство добивалось и того, чтобы собранія «спольныхъ» сеймовъ происходили не въ одной «Коронѣ» — Польшѣ, но и въ его предѣлахъ, поочередно. Долго не уступала Польша, но въ концѣ XVII столѣтія должна была уступить, и съ 1673 года «спольные» сеймы стали собираться не только въ намѣченной для нихъ въ 1569 году Варшавѣ, но мѣстомъ собранія каж-

даго третьяго сейма стала Городна, старый русскій городъ Великаго Княжества Литовскаго.

Что же было связующими Великое Княжество Литовское и Польшу органами въ ихъ федеративномъ соединеніи въ теченіи двухъ столѣтій существованія ихъ федераціи, со времени Люблинской Уніи до раздѣловъ Речи Посполитой? Это были общій глава обоихъ государствъ и «спольный» сеймъ. Король Польши былъ одновременно и великимъ княземъ Литовско-Русскаго государства. Но это не значитъ, что онъ былъ этимъ княземъ *потому,* что былъ польскимъ королемъ. Онъ былъ имъ потому, что «шляхетскій народъ» Великаго Княжества Литовскаго выбиралъ его вмѣстѣ съ поляками въ общемъ избирательномъ собраніи. Значеніе великаго князя литовскаго и короля польскаго соединялось въ *особѣ* монарха, въ опредѣленномъ лицѣ, а не въ органѣ верховной власти, общемъ для обоихъ государствъ. Получивъ престолъ, онъ дѣйствовалъ въ Польшѣ лишь какъ король польскій и въ Литовско-Русскомъ государствѣ («Литвѣ») лишь какъ великій князь литовскій.

«Уряды» (должности, органы управленія и суда) польскіе функціонировали подъ нимъ силою его «маестата» какъ короля Польши, «уряды» литовско-русскіе — силою его «маестата» какъ великаго князя литовскаго. Когда онъ пребывалъ въ Польшѣ, его окружали государственные и дворцовые «урядники» польскіе, а государственные министры Великаго Княжества Литовскаго пріѣзжали къ нему для дѣлъ своего государства. Когда онъ переѣзжалъ въ предѣлы Великаго Княжества Литовскаго, литовско-русскіе государственные и дворцовые «урядники» становились около него на смѣну польскихъ, а изъ Польши ея министры лишь пріѣзжали къ нему для дѣлъ своего государства.

Источники очень хорошо сохранили картины такихъ смѣнъ.

Другимъ звеномъ былъ общій сеймъ, который Люблинская Унія назвала «короннымъ», т. е. польскимъ, но который въ дѣйствительности былъ лишь конгрессомъ представителей государствъ федераціи. Онъ не только не могъ создать общаго для всѣхъ частей соединенной Речи Посполитой законодательства, но, наоборотъ, долженъ былъ въ актахъ своихъ постановленій постоянно подчеркивать иное положеніе Литовско-Русскаго государства, чѣмъ «Короны Польской», спеціально отмѣчая, что сдѣланное постановленіе имѣетъ силу для Великаго Княжества Литовскаго. Отдѣльныя отъ Польши собранія представителей литовско-русскаго «народа» продолжали собираться на всемъ протяженіи XVII и XVIII столѣтій для нуждъ его отдѣльнаго государства. Тотъ же шляхетскій «народъ» въ «конфедераціяхъ» Великаго Княжества Литовскаго принималъ рѣшенія, которыя онъ обязывался отстаивать силою оружія всего своего государства.

Кромѣ единства сейма Люблинская Унія установила и единство сената («рады») для соединеннаго государства. Но, какъ и по отношенію къ сейму, эти постановленія ея остались не осуществленнымъ пожеланіемъ. Соединенный сенатъ Речи Посполитой собирался въ полномъ составѣ или во время сейма, образуя верхнюю его палату, или независимо отъ сейма, въ такъ называемыхъ «конвокаціяхъ» сената. Въ обоихъ этихъ случаяхъ, конечно, сенаторы Великаго Княжества Литовскаго были представителями своего Литовско-Русскаго государства, его интересы стояли передъ ними на первомъ планѣ, а общіе интересы соединенной Речи Посполитой оцѣнивались ими лишь по стольку, по скольку они были связаны съ литовско-

русскими. Иначе и быть не могло: они сами охраняли государственныя права и значеніе Великаго Княжества Литовскаго, въ вѣрности которому присягали вступая въ свою должность, и еслибы дѣйствовали противъ интересовъ его, имъ пришлось бы за это отвѣтить на повѣтовыхъ сеймикахъ и государственныхъ съѣздахъ Великаго Княжества Литовскаго. Что же касается ихъ дѣятельности при «господарѣ», въ качествѣ ли сенаторовъ-резидентовъ, или по министерскимъ «урядамъ», или въ качествѣ членовъ господарскаго суда, то, конечно, они во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствовали какъ сановники Великаго Княжества Литовскаго, а не «Польской Короны», съ которою слить въ одно «тѣло» предполагала Люблинская Унія Литовско-Русское государство. Ни одного общаго министра (въ области внутренняго управленія или для веденія внѣшнихъ сношеній и иностранной политики), ни общаго главнаго командованія (кромѣ общаго монарха) и управленія своими отдѣльными арміями, ни общаго верховнаго суда Польша и Великое Княжество Литовское за все время дѣйствія Люблинской Уніи не имѣли.

Если таково было положеніе федеративной власти соединенной Речи Посполитой въ обычное время, то истинная природа послѣдней, какъ мало организованнаго *союза государствъ,* еще отчетливѣе выступаетъ въ эпохи безкоролевій. Во времена «интеррегни» (interregnum), какъ тогда выражались, Великое Княжество Литовское сплошь и рядомъ вело совершенно самостоятельно даже свои иностранныя сношенія, отдѣльно отъ Польши на своихъ государственныхъ съѣздахъ обсуждало кандидатуры новыхъ монарховъ, вырабатывало условія ихъ избранія, предъявляло Польшѣ свои требованія какъ государство, установляло отдѣльно отъ Польши или на общемъ съ нею съѣздѣ мѣры для

своей внутренней и внѣшней безопасности, принимало участіе черезъ своихъ представителей въ имѣющихъ значеніе для всей федераціи общихъ съ поляками постановленіяхъ и рѣшеніяхъ (на съѣздахъ — сеймахъ безкоролевій) и подавало свой голосъ при избраніи короля Польши, какъ великаго князя литовскаго.

Великое Княжество Литовское и Польша въ эпоху послѣ Люблинской Уніи не имѣли ни единства государственной территоріи, ни единой государственной власти, а ихъ населеніе не только не составляло единаго національнаго, тѣмъ болѣе этнографическаго цѣлаго, но и было раздѣлено въ области своего правового состоянія принципомъ «тубыльства» (туземности), какъ «родичи» и подданные двухъ различныхъ государствъ. При такомъ положеніи дѣла, конечно, не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительномъ сліяніи Великаго Княжества Литовскаго и Польши въ единые народъ и государство, какъ это провозгласила Люблинская Унія. Созданная въ 1569 году соединенная Речь Посполитая организовалась какъ союзъ государствъ (Staatenbund), съ невыработанною, находящеюся въ зачаточномъ состояніи федеративною властью.

Литовскій Статутъ 1588 года, выработанный «народомъ» Великаго Княжества Литовскаго, оцѣнивался имъ какъ его «народное» сокровище, «скарбъ посполитый», какъ его иногда называли. Охрана его, какъ залога и символа государственныхъ традицій Великаго Княжества Литовскаго, проходитъ яркою чертою черезъ всю его послѣдующую исторію, и, когда на четырехлѣтнемъ сеймѣ (1788 - 1792 г.г.), въ эпоху крупныхъ реформъ Речи Посполитой, былъ поднятъ вопросъ о замѣнѣ Третьяго Литовскаго Статута новымъ кодексомъ, Литовско - Русское государство согласилось лишь на внесеніе въ него исправленій и рѣшительно от-

вергло его отмѣну. Конституція Великаго Княжества Литовскаго, утвержденная его великимъ княземъ въ 1588 году и отмѣнявшая для него формально рядъ основныхъ положеній Люблинской Уніи, дѣйствовала до самаго прекращенія существованія соединенной Речи Посполитой въ концѣ XVIII столѣтія.

Изъ статей конституціи своего Третьяго Статута, совершенно не упоминающей о Люблинской Уніи и формально не знающей никакихъ связей съ Польшею, Великое Княжество Литовское дѣлало выводы и для своего права совершенно разорвать съ «Короною» — Польшею всякія связи и вступить въ союзъ и даже унію съ другимъ государствомъ. Когда въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ XVII вѣка московскій царь Алексѣй вступилъ съ войскомъ въ литовско-русскіе предѣлы и занялъ столицу Литовско-Русскаго государства Вильну, Великое Княжество Литовское готово было, какъ государство, образовать федерацію съ Москвою, провозглашая свою унію съ нею. Тогда же выдвигалась въ Княжествѣ и унія съ напавшею на Речь Посполитую Швеціею, подписанная въ Кейданахъ ея сторонниками. Въ своемъ «листѣ» отъ 17 января 1656 года инстигаторъ Великаго Княжества Литовскаго Викентій Орда, порицая Кейданскій актъ, объявлялъ: «я и всѣ повѣты Великаго Княжества Литовскаго, съ громаднымъ числомъ его высокихъ и почтенныхъ должностныхъ лицъ и шляхты, избрали государемъ» московскаго царя Алексѣя, который «подтвердилъ своимъ привилеемъ всѣ права и свободы» Литовско-Русскаго государства. Эти прецеденты не могло забыть Великое Княжество Литовское, а событія XVIII столѣтія, начавшагося для Речи Посполитой великою сѣверною войною и закончившагося ея раздѣлами, давали много поводовъ для того, чтобы ихъ вспомнить.

XI.

Польша въ своемъ оффиціальномъ взглядѣ на «Литву» продолжала выдвигать Люблинскую Унію и не имѣла формальной отмѣны ея постановленій «коронымъ» сеймомъ. А между тѣмъ примиреніе постановленій Статута 1588 года и постановленій Уніи 1569 года невозможно. И первыя были обязательнымъ закономъ въ предѣлахъ Великаго Княжества Литовскаго, а вторыя представляли собою польское пониманіе Уніи, оффиціально признанное Польшею и дожившее до нашего времени въ части литературы и общества. Ясное дѣло, что эти непримиряемыя постановленія и требованія могли существовать параллельно, одно въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, другое въ Польшѣ, не вызывая конфликтовъ между обѣими частями федеративной Речи Посполитой, пока соотвѣтствующій конкретный фактъ, какъ, напримѣръ, назначеніе поляка на одну изъ литовско-русскихъ должностей, доступъ къ которымъ былъ полякамъ воспрещенъ Литовскимъ Статутомъ, не вызоветъ наружу существующее въ дѣйствительности, но какъ-бы по молчаливому соглашенію незамѣчаемое противорѣчіе конституціи Великаго Княжества Литовскаго и постановленій Люблинской Уніи. Мало того. Могли совершаться и, конечно, въ дѣйствительности совершались и нарушенія требованій или Статута, или Люблинской Уніи, не вызывая слишкомъ большого къ себѣ вниманія, безъ постановки ребромъ вопроса о преимущественномъ и болѣе обязательномъ значеніи перваго или второй. Но бывали случаи и такіе, когда этотъ вопросъ вставалъ со всею его остротою и когда рѣшеніе его пріобрѣтало принципіальное значеніе, становясь крупнымъ фактомъ въ исторіи взаимныхъ отношеній Короны и Княжества, получаю-

щимъ значеніе не только прецедента, но и несомнѣннаго торжества взгляда Польши или Литовско-Русскаго государства на характеръ существовавшей между ними Уніи, закрѣпляя его въ памяти и передавая его въ видѣ традиціи послѣдующимъ поколѣніямъ.

Такое значеніе имѣло, напримѣръ, дѣло съ попыткою Сигизмунда III назначить на Виленскую епископскую каѳедру поляка Бернарда Мацѣевскаго. Въ теченіе десяти лѣтъ (1591—1600) это дѣло волновало Польшу и Великое Княжество Литовское. Сеймы, съѣзды и сеймики девяностыхъ годовъ XVI столѣтія обсуждали его горячо и страстно; часто скупыя на подробности внутреннихъ событій, хроники не могутъ обойти его молчаніемъ; переписка дѣятелей того времени постоянно къ нему обращается съ напряженнымъ вниманіемъ; пишутся даже специальныя «диссертаціи», ему посвященныя. И такое исключительное вниманіе къ этому дѣлу о Виленскомъ епископствѣ совершенно понятно. Столкнулись постановленіе Люблинской Уніи о полномъ сліяніи двухъ «народовъ» въ одинъ съ требованіемъ Третьяго Литовскаго Статута о недопущеніи къ занятію свѣтскихъ и духовныхъ должностей Великаго Княжества Литовскаго никого, кромѣ литовцевъ, русскихъ и жмудиновъ, «родичей старожитныхъ и уроженцовъ Великого Князства Литовского», (раздѣлъ III, артикулъ 12). «Литва» довела свое дѣло до конца. Ея «народъ» наотрѣзъ отказался признать уже сдѣланное королемъ назначеніе поляка и добился того, что Сигизмундъ III весною 1600 года назначилъ епископомъ въ Вильну «литвина» Бенедикта Войну. Виленская капитула, получивъ извѣщеніе объ этомъ назначеніи, немедленно совершила каноническое избраніе Бенедикта Войны, видя въ немъ «плоть отъ плоти своей и кость отъ костей своихъ».

Эта побѣда конституціи Великаго Княжества Литовскаго надъ Сигизмундомъ III и польскимъ пониманіемъ значеніи Люблинской Уніи должна была еще болѣе утвердить въ «народѣ» литовско-русскомъ сознаніе государственнаго значенія Княжества въ соединенной Речи Посполитой. Но дѣло Мацѣевскаго создало и прецедентъ, который закрѣпилъ въ конкрѣтныхъ очертаніяхъ жизненныхъ фактовъ требованія Статута 1588 года о недопущеніи «чужоземцовъ» и «заграничниковъ» къ занятію должностей въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Когда въ 1752 году, въ послѣднія десятилѣтія существованія Речи Посполитой, была сдѣлана попытка назначить поляка Водзинскаго Виленскимъ каноникомъ, капитула Виленская, какъ полтораста лѣтъ тому назадъ, энергично выступила въ защиту нарушаемаго этимъ назначеніемъ Литовскаго Статута, обратилась за поддержкою къ повѣтовымъ сеймикамъ Литовско-Русскаго государтва и доказала, что всѣ должности, духовныя и свѣтскія, въ Великомъ Княжетвѣ Литовскомъ имѣютъ право занимать только «литвины», ибо Люблинская Унія «не отняла отъ обоихъ народовъ ихъ имени» и старыхъ правъ.

Въ эпоху реформъ начала царствованія Станислава Понятовскаго (1764—1795) «Литва» создала еще свои особыя отъ Польши государственныя коммиссіи, скарбовую (финансовую) и войсковую. Только послѣ «кассаты» ордена іезуитовъ буллою папы Климента XIV »Dominus ac Redemptor« была въ 1773 году создана общая для всей Речи Посполитой коммиссія народнаго просвѣщенія (эдукаціи), но это было возможно лишь потому, что эта коммиссія «не имѣла характера органа государственной власти», какъ поясняетъ новѣйшій историкъ права Польши и «Литвы» (Станиславъ Кутшеба), а была только «юридическимъ лицомъ», къ

которому перешло завѣдываніе имуществами и просвѣтительными учрежденіями іезуитовъ. Лишь въ Постоянномъ Совѣтѣ (Rada Nieustająca), учрежденномъ въ 1774 году, т. е. уже послѣ перваго раздѣла Речи Посполитой, можно видѣть нѣкоторую тенденцію въ сторону сближенія отдѣльныхъ органовъ управленія обоихъ соединенныхъ Уніею государствъ, и только конституція 3-го мая 1791 года и дополнившее ее «взаимное обязательство обоихъ народовъ» (zaręczenie wzajemne oboiga narodów) дѣйствительно провозгласили сліяніе Польши и Великаго Княжества Литовскаго въ единое государство. Но конституція 3 - го мая, вопервыхъ, была провозглашена уже послѣ перваго раздѣла Речи Посполитой, и еще неизвѣстно, какъ отнесся бы къ ея постановленіямъ «шляхетскій народъ» тѣхъ частей государствъ федераціи, которыя уже были отдѣлены отъ нихъ къ этому времени и находились въ составѣ Пруссіи, Австріи и Россіи. Во-вторыхъ, конституція 3 - го мая не вошла въ дѣйствительную жизнь, и мы не знаемъ, какъ она реализовалась бы въ случаѣ ея введенія. Возможно, что и ея постановленія и идея были бы существенно измѣнены жизнью, какъ это случилось съ Люблинскимъ актомъ 1569 года. Наконецъ, въ третьихъ, конституція 3 - го мая была формально отмѣнена въ 1792 году Тарговицкою конфедераціей, утратила свою обязательную для Польско - Литовской федераціи силу закона и тѣмъ превратилась въ простое выраженіе плановъ и намѣреній части «шляхетскаго народа» государствъ Речи Посполитой наканунѣ прекращенія ея существованія.

Пути для сліянія Польши и Литовско - Русскаго государства въ единомъ, унитарномъ государствѣ, или по крайней мѣрѣ въ такъ называемой «реальной уніи», конечно, лежали въ объединеніи полноправныхъ «шляхет-

скихъ народовъ» обоихъ государствъ единою культурою и постепенно вырабатываемою привычкою къ совмѣстной жизни въ федеративномъ союзѣ. Достаточная степень развитія этихъ началъ могла подготовить и болѣе тѣсное государственное объединеніе. Но, если можно говорить объ ихъ развитіи, то необходимо удержаться и отъ его преувеличенія. Часть шляхты Великаго Княжества Литовскаго, внѣ всякаго сомнѣнія, сблизилась подъ ихъ вліяніемъ со своими «сосѣдями», «братіей - поляками». Но эта часть еще не была *цѣлымъ* его «шляхетскимъ народомъ». Да и эгоистическіе мѣстные интересы ея, какъ полноправнаго литовско - русскаго класса, не мирились съ полнымъ уравненіемъ въ правахъ и сліяніемъ съ нею ея польской «братіи». Если же мы будемъ говорить обо всемъ литовско - русскомъ народѣ въ полномъ его составѣ и въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. если къ тысячамъ шляхты прибавимъ милліоны русскаго и литовскаго крестьянства и мѣщанства, то, конечно, и оцѣнка дѣйствія этихъ силъ должна будетъ рѣзко измѣниться.

На пути выработки сколько - нибудь достаточной спайки всего населенія частей Речи Посполитой, созданной Люблинской Уніей 1569 года, особенно встали три силы, которыя не допустили ея установленія. Этими силами были : во - первыхъ, ослабленіе самого польскаго національнаго элемента въ населеніи Польши, какъ одного изъ государствъ соединенной Речи Посполитой; во - вторыхъ, тяжелое и безправное положеніе народныхъ массъ въ ней; и въ-третьихъ, въ корнѣ неправильная религіозная политика, восторжествовавшая въ Речи Посполитой съ конца XVI вѣка.

Королевство Польское («Корона») составлялось двумя главными его частями — Великой и Малой Польшами. Въ составъ первой входили коренныя польскія

земли съ Познанскимъ воеводствомъ во главѣ. Что же касается Малой Польши, то изъ десяти воеводствъ ея только три могутъ быть признаны польскими по основному своему населенію — Краковское (съ княжествами Освѣцимскимъ и Заторскимъ), Сандомирское и Люблинское. Воеводство Подляшское имѣло полонизованную шляхту и русское крестьянство, а воеводства Кіевское, Волынское, Подольское и Брацлавское — русскія и шляхту, и народныя массы (какъ и образованное въ 1635 году воеводство Черниговское). Наконецъ, воеводства Русское (земли Львовская, Галицкая и Холмская) и Белзское представляли собою старую русскую территорію, извѣстную подъ именемъ Червоной (Красной) Руси. Малая Польша, такимъ образомъ, значительно превосходя размѣрами территоріи Польшу Великую, въ громадной своей части была не польскою, а русскою по своему народу. Даже часть Люблинскаго воеводства имѣла русское населеніе.

Русскія земли вошли въ составъ Малой Польши въ различное время. Еще въ X - XI вѣкахъ Червоная Русь была предметомъ спора Польши и державной Руси (время Болеславовъ и Владимира Святого и Ярослава Мудраго). Этотъ споръ закончился закрѣпленіемъ ея за русскимъ княжескимъ родомъ. Въ концѣ XII столѣтія Червоная Русь соединилась съ Волынью подъ властью потомковъ Владимира Мономаха. Въ XIII столѣтіи, при знаменитомъ Даніилѣ Романовичѣ, его Галицко - Волынское княжество вступило было на путь объединенія около себя другихъ русскихъ земель и освобожденія ихъ отъ татарскаго ига, но съ его смертью (1264 г.) его государство сдѣлалось предметомъ захватныхъ стремленій сосѣдей (Польши, Литвы, Венгріи). Галицкимъ княжествомъ на короткое время овладѣли венгерскіе короли (Арпадовичи и Анжуйцы), а въ

XIV столѣтіи Галичина была окончательно захвачена польскимъ королемъ Казимиромъ III Великимъ (1340 г.), Волынь же вошла въ составъ Литовско - Русскаго государства. Въ XV столѣтіи (1434 г.) Галичина получила польское право. Ея боярскій классъ слился съ польскою шляхтою, полонизовался и влилъ въ себя польскихъ переселенцевъ, но народная масса осталась русскою по - старому. Съ введеніемъ въ 1569 году въ составъ Малой Польши южныхъ земель Великаго Княжества Литовскаго (Кіевское, Волынское и Подольское воеводства) русская народность въ ней численно чрезвычайно возрасла. Присоединеніе этихъ земель должно было оживить русское національное сознаніе въ Галичинѣ. Кіевъ и Волынскій Острогъ стали рядомъ съ червонорусскимъ Львовомъ въ дѣлѣ сохраненія и развитія русской умственной культуры въ русскихъ земляхъ Малой Польши. Успѣхи культуры польской въ самой Галичинѣ должны были задержаться отъ этого роста русскаго національнаго сознанія. Такимъ образомъ Люблинская Унія, увеличивъ государственную территорію Польши, ослабила національное единство ея населенія. Сравнительная численность польскаго національнаго элемента была неизмѣримо больше до оторванія въ 1569 году къ Польшѣ русскихъ земель Великаго Княжества Литовскаго, чѣмъ послѣ этого оторванія. Денаціонализировать и полонизировать эти громадныя теперь массы русскаго народа, вошедшія въ составъ сравнительно небольшой коренной Польши, ей было уже не подъ силу.

Войдя въ составъ Польши, Кіевщина, Волынь, Подолье и Подляшье должны были подчиниться и польской государственной власти. Остальныя русскія земли Великаго Княжества Литовскаго, вмѣстѣ съ коренною Литвой, остались и послѣ Люблинской Уніи 1569 года

подъ государственною властью литовско - русскою, какъ одно изъ государствъ федеративнаго союза. Но соединенная Речь Посполитая, въ обѣихъ ея главныхъ частяхъ, т. е. Польшѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, не была организована такъ, чтобы ея народныя массы могли сознавать ее своимъ, народнымъ, національнымъ государствомъ. Ни городской классъ (мѣщане), ни крестьянство, въ сущности, не были ея народомъ. «Народомъ» ея была только шляхта. Король соединенной Речи Посполитой былъ королемъ только этого «народа», и въ 1592 году Сигизмунду III - му на сеймѣ это было особенно ясно подчеркнуто примасомъ, сказавшимъ ему, что онъ «государь шляхтичей, подобныхъ которымъ нѣтъ ни въ одномъ народѣ, а не мужиковъ, какъ его отецъ, Іоаннъ шведскій». Все остальное населеніе было въ подчиненіи шляхтѣ, или какъ ея прямые «подданные», или какъ находящееся подъ властью ея сеймовъ, сеймиковъ и должностныхъ лицъ. Речь Посполитая дѣйствительно напоминала собою, какъ это было замѣчено уже очень давно, античныя республики, съ ихъ малочисленнымъ полноправнымъ народомъ и массами рабовъ. При такомъ положеніи, конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы народныя массы дорожили государствомъ, въ которомъ онѣ жили, или считали его своимъ народнымъ. Томясь въ тяжелой долѣ, онѣ очень легко могли перейти подъ власть другого государства. Для нихъ государственной власти въ сущности въ Речи Посполитой и не было, а была лишь власть «пановъ - шляхты».

Особенно тяжелое положеніе крестьянства приводило его къ возстаніямъ, которыя выливались въ гайдамацкія возстанія, слившіяся съ движеніемъ казацкимъ. Король Янъ Казимиръ и сенаторы Речи Посполитой должны были въ 1656 году открыто признать,

что ея несчастья того времени были наказаніемъ «за кривды крестьянамъ и ихъ слезы».

Уже съ конца XVI столѣтія сдѣлалось замѣтнымъ и дѣйствіе третьей силы, создавшей непреоборимыя препятствія для внутренней спайки Речи Посполитой. Этой силою былъ воинствующій католицизмъ, съ середины XVI вѣка поднявшійся въ Европѣ для борьбы съ реформаціоннымъ движеніемъ и создавшій эпоху такъ называемой «католической реакціи». Именно въ Речи Посполитой, сначала въ Польшѣ, а затѣмъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, католическая реакція получила особенныя развитіе и торжество. Справившись съ религіознымъ «разновѣріемъ», воинствующій католицизмъ обратился противъ православія, встрѣчая поддержку королей и обращенныхъ въ вѣрныхъ сыновъ католической церкви безразличныхъ раньше къ религіи или «разновѣрныхъ» вельможъ и вліятельныхъ шляхтичей. Фанатики латинскаго христіанства мечтали о полномъ уничтоженіи христіанства греческаго не только въ Польшѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, но и въ Москвѣ, несмотря на то, что для русскаго народа всѣхъ этихъ государствъ оно стало уже національною «русскою» вѣрой. Въ 1596 году на Берестейскомъ соборѣ была провозглашена церковная унія въ Речи Посполитой, а затѣмъ начались угнетенія и преслѣдованія «русской вѣры» въ Польшѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Недальновидные польскіе политики видѣли въ уничтоженіи этой вѣры и замѣнѣ ея польскимъ латинствомъ путь къ объединенію и сліянію всего населенія Речи Посполитой. Но эта политика приводила лишь къ еще большему его раздѣленію, къ подъему русскаго національнаго сознанія, вылившагося въ оживленіи національной мысли, и къ со-

знанію необходимости искать опоры въ православной Москвѣ противъ «ляховъ», гонителей «русской вѣры».

Ростъ русскаго національнаго сознанія въ русскихъ земляхъ Речи Посполитой эпохи преслѣдованія православія очень хорошо прослѣживается въ оживленіи ихъ національно-религіозной литературы, которая богато развивается именно со времени церковной уніи. Тогда же начавшіяся возстанія казаковъ провозглашаютъ своею цѣлью не только завоеваніе казацкихъ правъ. Они добивались для «русской вѣры» свободы и равноправія съ католичествомъ, а кромѣ того блага всего «русскаго народа» въ земляхъ Речи Посполитой.

Наконецъ, преслѣдованіе «русской вѣры» неизбѣжно должно было останавливать взоры угнетаемыхъ на «русской» Москвѣ, въ которой «русская вѣра» была основою ея государства, въ его идеѣ и организаціи. Одно изъ наиболѣе выдающихся произведеній западнорусской полемической литературы конца XVI вѣка, «Апокрисисъ» Христофора Филалета, ставя вопросъ, развѣ нѣтъ православныхъ государей на Востокѣ и Западѣ міра? — отвѣчаетъ, что впереди ихъ стоитъ тотъ, кого называютъ московскимъ великимъ княземъ. Этотъ московскій «потужный (т. е. могущественный) царь православный» дѣлался теперь все болѣе и болѣе роднымъ для православнаго населенія русскихъ земель Речи Посполитой. Насильственное введеніе церковной уніи заставляло вспоминать, что именно онъ покаралъ въ серединѣ XV столѣтія митрополита Исидора, который вернулся съ Флорентійскаго собора «змѣнникомъ» православію и «кривовѣрнымъ помагалъ». Жаль, что не вспоминаютъ новые измѣнники и враги православія, прибавляетъ тотъ же Христофоръ Филалетъ, «яко ся ему змѣнництво заплатило, жебы (т. е. чтобы) собѣ и теперешній митрополитъ зъ сво-

имъ товариствомъ мѣлъ былъ што брати въ розумъ». Преслѣдованія «русской вѣры» въ Речи Посполитой привели къ сеймовой борьбѣ за нее православной шляхты въ XVII столѣтіи, къ энергичной защитѣ ея русскимъ мѣщанствомъ, къ кровавымъ возстаніямъ русскихъ народныхъ массъ, къ отдѣленію въ серединѣ XVII вѣка Кіевщины съ переходомъ ея къ Москвѣ и къ постояннымъ обращеніямъ православныхъ за поддержкою къ Московскому государству и выросшей изъ него Россійской Имперіи, на протяженіи XVII и XVIII столѣтій.

Такъ вмѣсто того, чтобы уваженіемъ къ «русской» вѣрѣ и національности привязать русское населеніе къ государству и внушить къ нему преданность, близорукая политика и воинствующій католицизмъ, наоборотъ, приводили къ углубленію мысли о необходимости сліянія русскаго народа Речи Посполитой съ остальными его частями, находящимися внѣ ея, и о присоединеніи малоруссовъ и бѣлоруссовъ къ великорусскому, т. е. Московскому, государству, которое въ ихъ глазахъ получало значеніе единаго, вообще только и возможнаго, государства русскаго народа.

XII.

Государственнымъ языкомъ Великаго Княжества Литовскаго и послѣ Люблинской Уніи 1569 года оставался русскій языкъ. На немъ по-прежнему писались распоряженія великаго князя литовскаго, общаго съ Польшею короля соединенной Речи Посполитой, велась оффиціальная переписка должностныхъ лицъ и учрежденій, составлялись акты и записи государственной канцеляріи Княжества, юридическіе акты и записи

частныхъ лицъ, на немъ велись книги всѣхъ судовъ Литовско-Русскаго государства. Литовскій Статутъ 1588 года категорически требуетъ, чтобы намѣстники, подстаросты и писари, образующіе составъ гродскихъ судовъ, знали «русское писмо» (раздѣлъ IV, артикулъ 37). Говоря о писарѣ земскаго суда, тотъ же Статутъ гласитъ, что онъ все свое дѣлопроизводство долженъ вести «по русску, литерами и словы русскими» (разд. IV, арт. 1), воспрещая такимъ образомъ даже употребленіе латиницы для «русскаго писма». Даже русскія земли, оторванныя въ 1569 году къ Польшѣ, стремились сохранить у себя оффиціальное значеніе русскаго языка и боролись съ польскою государственною властью въ его защиту. Что касается Великаго Княжества Литовскаго, то постоянная охрана имъ своего самостоятельнаго государственнаго значенія послѣ Люблинской Уніи вызывала и особую заботу его о неприкосновенности правъ и значенія и своего государственнаго языка, т. е. языка русскаго. Этотъ языкъ оффиціально признавался языкомъ «народа» Великаго Княжества Литовскаго. Выпуская печатное изданіе Третьяго Литовскаго Статута, Левъ Сапѣга, одинъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей Княжества и энергичный борецъ въ защиту его государственныхъ правъ отъ притязаній Польши, писалъ въ своемъ обращеніи къ литовско-русскимъ «станамъ»—сословіямъ, напечатанномъ при Статутѣ: «если какому-либо народу стыдно не знать своихъ законовъ, то это именно намъ, которые имѣютъ ихъ написанными на своемъ собственномъ, а не чужомъ языкѣ» («а если которому народу встыдъ правъ своихъ не умети, поготовю намъ, которые не обчымъ якымъ языкомъ, але своимъ власнымъ права списаные маемъ»).

Русскій языкъ былъ языкомъ литературы Вели-

каго Княжества Литовскаго. На немъ писались лѣтописи и мемуары, стихотворныя произведенія тогдашнихъ виршеслагателей, грамматики и произведенія религіознаго содержанія. На него же переводилось съ церковнославянскаго языка и Священное Писаніе, «для лѣпшого розсудку», т. е. для лучшаго его пониманія. Русскій языкъ былъ языкомъ и послѣсловій, предисловій и посвященій, этого любопытнѣйшаго отдѣла старой литературы, присоединявшихся къ изданіямъ церковныхъ и нецерковныхъ книгъ. Они говорятъ и о содержаніи книги, и о трудахъ, положенныхъ на ея печатаніе «друкарами» (т. е. типографщиками), и объ ихъ идейныхъ задачахъ, о расходахъ издателей, о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ изданіемъ. Въ нихъ облики лицъ и круговъ, работающихъ для развитія національной культуры и для ея охраны, выявляются не меньше, чѣмъ въ другихъ видахъ литературныхъ произведеній и въ фактахъ, сохраненныхъ другими источниками. Тотъ же Левъ Сапѣга, который оказалъ громадныя услуги государственности Великаго Княжества Литовскаго, какъ литовско-русскій патріотъ и государственный дѣятель, въ посвященіи ему изданной на его средства въ 1617 году «Книги Служебника» (чинъ литургіи св. Василія Великаго, св. Іоанна Златоуста и св. Григорія Двоеслова) прославляется Виленскимъ типографщикомъ Леономъ Кузьмичемъ Мамоничемъ за предпринятое имъ изданіе цѣлой серіи славянскихъ церковныхъ книгъ — «такъ нѣхай будетъ за то заплата (т. е. вознагражденіе) вашой милости вѣчная въ небѣ у Бога и тутъ на земли у людей слава несмертельная, што ваша милость собѣ еднаетъ (т. е. пріобрѣтаетъ) яко иншими добрыми дѣлы своими, такъ и тымъ святобливымъ дѣломъ, помогаючи хрестіянству нашому Церкви Восточное».

Церковно - славянскій текстъ Священнаго Писанія

и богослужебныхъ книгъ требовалъ обученія церковно-славянскому, или, какъ тогда говорили, просто «славянскому» языку для его пониманія. Въ 1596 году въ Вильнѣ были напечатаны (Лаврентіемъ Зизаніемъ въ братской типографіи) «Наука ку читаню и розуменю писма Словенского», «Грамматика Словенска» и «Лексисъ»— словарь церковно - славянскихъ словъ, «на простый Рускій діялектъ истолкованый». Въ 1618 году въ Вильнѣ же была издана «Грамматики Славенскія правилное синтагма» Мелетія Смотрискаго, переизданная въ 1619 году въ Евьѣ, а затѣмъ получившая большое распространеніе среди всѣхъ частей русскаго народа.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ работалъ рядъ типографій, издававшихъ церковно - славянскія и русскія книги (въ Вильнѣ, Могилевѣ, Евьѣ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ), не говоря уже объ изданіяхъ Юго - Западной Руси, отошедшей по Уніи 1569 года въ составъ «Короны», и Галичины, присоединенной къ Польшѣ еще въ XIV столѣтіи. Съ началомъ книгопечатанія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ первой половинѣ XVI вѣка именно русскія и «славянскія» книги долго только и печатались «друкарами» въ Литовско - Русскомъ государствѣ. Латинскіе и польскіе шрифты и книги появились въ Вильнѣ только въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVI столѣтія. Въ образованныхъ кругахъ литовско - русскаго общества именно во второй половинѣ XVI вѣка слагалась идея національной русской культуры на основѣ школы и науки на русскомъ языкѣ. Первая книга, которая должна была получить самое широкое распространеніе при выработкѣ этой культуры, — Священное Писаніе на родномъ языкѣ. Такъ объяснялъ происхожденіе своего перевода Новаго Завѣта на русскій языкъ

Полоцкій шляхтичъ Василій Тяпинскій, печатавшій его около 1580 года.

При постоянныхъ сношеніяхъ и общемъ со времени Люблинской Уніи съ Польшею сеймованьѣ, польская культура должна была неизбѣжно проникать въ тѣ стороны жизни Великаго Княжества Литовскаго, которыя были способны и могли ее воспринимать, по общимъ законамъ культурныхъ вліяній. Замѣтнымъ становится и распространеніе польскаго языка. Оно совершается постепенно, въ тѣхъ слояхъ литовско-русскаго общества, которые наиболѣе сталкивались съ Польшею. Литовско - русская шляхта на «спольныхъ» сеймахъ, въ лицѣ своихъ «пословъ», постоянно имѣла дѣло съ поляками и должна была такъ или иначе съ ними объясняться, должна была вносить на сеймы свои требованія и ихъ защищать, должна была обсуждать на нихъ общія дѣла, на основѣ инструкцій, составляемыхъ повѣтовыми сеймиками Великаго Княжества Литовскаго. Отсюда, естественно, возникала необходимость составленія и сеймиковыхъ документовъ, связанныхъ со «спольнымъ» сеймомъ, если не на польскомъ языкѣ, то хоть въ сколько - нибудь понятномъ для поляковъ видѣ. Это достигалось сначала польскими «литерами» для русскаго языка съ прибавленіемъ польскихъ и латинскихъ терминовъ, а затѣмъ все больше и больше польскихъ словъ вводится въ сеймиковые документы, и это значительно сближаетъ ихъ языкъ съ польскимъ. Однако подписи на сеймиковыхъ документахъ еще долго дѣлаются, по крайней мѣрѣ частью сеймикующихъ, русскими «литерами». Самый языкъ этихъ документовъ — механическая смѣсь русскаго и польскаго языковъ. Но, конечно, постоянство сношеній дѣлало свое дѣло, и польскій языкъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, становится знакомымъ и шляхтѣ рядовой, не говоря уже

о высшихъ слояхъ шляхетскаго «народа» Великаго Княжества Литовскаго, которые широко завязывали въ «Коронѣ» свои личныя отношенія и связи и основательно знакомились съ ея литературою и обстановкою ея культурной жизни. Съ 1614 года начинаются и изданія Литовскаго Статута въ переводѣ на польскій языкъ, правда, приспособленный для «обывателей» Великаго Княжества Литовскаго и полный руссизмовъ, но вполнѣ понятный и полякамъ, что было такъ важно при значеніи этого кодекса, содержащаго въ себѣ и конституцію Княжества, которую оно такъ заботливо и упорно охраняло. Распространеніе польскихъ «литеръ» и языка становится замѣтнымъ въ литовско - русскихъ документахъ уже въ XVII столѣтіи, и въ 1697 году было постановлено, чтобы оффиціальное дѣлопроизводство въ Великомъ Княжествѣ велось на польскомъ языкѣ, конечно, въ томъ его своеобразномъ видѣ, который получился отъ его искаженія въ литовско - русскихъ повѣтахъ.

Но русскій языкъ, мало по малу уступая польскому въ оффиціальной жизни Литовско - Русскаго государства, съ конца XVI вѣка получилъ особо выдающееся значеніе для охраны національно - религіознаго самосознанія его русскаго народа. Борьба съ католическою церковью, которая «воинствовала» за единство въ латинствѣ всего христіанскаго міра, велась въ литовско-русскихъ предѣлахъ вплоть до конца существованія соединенной Речи Посполитой. Она осталась наслѣдіемъ прошлаго и послѣдующаго времени. Въ этой борьбѣ рядомъ съ православною создалась въ Речи Посполитой греко - уніатская церковь. Борьба вызвала и обширную литературу, и ставила вопросъ и о защитѣ національности, ибо религія являлась одною изъ самыхъ главныхъ основъ національнаго сознанія. Уніатскія книги,

какъ молитвенники, служебники и требники съ толкованіями, такъ и религіозно - нравственныя и полемическія сочиненія, должны были также, вмѣстѣ съ православными, держаться русскаго языка, ибо онѣ предназначались именно для русскаго населенія Польши и Великаго Княжества Литовскаго. Русскій языкъ крѣпко сохранялся въ православныхъ и уніатскихъ массахъ. Низшіе и самые многочисленные слои этихъ массъ сохраняли свой русскій языкъ безусловно, совсѣмъ не мѣшаясь съ поляками. Даже сами литовско - русскіе «паны -шляхта», часто пользуясь искаженнымъ польскимъ языкомъ въ разговорахъ и сношеніяхъ между собою, говорили со своими «подданными» - крестьянами исключительно на ихъ «хлопскомъ» языкѣ, тщеславно отдѣляя свою «панскую» среду отъ «хлоповъ».

Но что же представляетъ собою тотъ русскій языкъ, которымъ говорило Великое Княжество Литовское ? Само населеніе русскихъ земель Княжества называло его «русскимъ». Такъ же называла его и власть. Но этотъ русскій языкъ неизбѣжно оказался нѣсколько инымъ, чѣмъ тотъ, на которомъ говорила Русь Московская. Для него предлагалось нѣсколько именованій, пока не установилось обозначеніе его бѣлорусскимъ для Русскаго Сѣверо - Запада и малорусскимъ для Русскаго Юго - Запада. Но долго еще предлагалось называть его и просто русскимъ. Не лишены интереса соображенія, которыя высказывалъ въ пользу такого именованія въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія польскій историкъ, ксендзъ Францишекъ Сярчинскій, писавшій : «во всей своей письменности нѣкогда Литва (т. е. Великое Княжество Литовское) не знала иного языка, кромѣ русскаго. На этомъ языкѣ были писаны лѣтописи, уставы и пожалованія князей, листы двора, поученія каплановъ. . Стрыйковскій, который былъ такъ хорошо въ

этомъ освѣдомленъ и которому нельзя отказать въ довѣріи, утверждаетъ, что еще въ XVI столѣтіи Литва не знала иного письма кромѣ русскаго въ церкви, судахъ и школахъ». Говоря объ обозначеніи этого языка учеными какъ бѣлорусскаго, Сярчинскій спрашивалъ: «не довольно ли его называть просто русскимъ?... Небольшія различія въ рѣчи, которыми пользуются русскіе въ Червоной, Бѣлой, Черной, Малой и Великой Руси, не мѣняютъ сущности рѣчи; вездѣ она, какъ говоритъ Шлецеръ, русская. Языкъ польскій, какъ на немъ говорятъ въ Великой и Малой Польшѣ, въ Мазовіи, Подгужѣ и Пруссіи, имѣетъ различія; несмотря на это, никто не установляетъ особыхъ языковъ великопольскаго, малопольскаго, мазовецкаго и т. д.» («Obraz wieku panowania Zygmunta III», примѣчаніе на стр. 198 - 199 перваго тома, по изданію 1843 года въ Познани).

Къ настоящему времени научное изученіе русскаго языка твердо и опредѣленно установило, что онъ имѣетъ три нарѣчія, которыя подраздѣляются въ свою очередь на говоры. Эти нарѣчія: великорусское, малорусское и бѣлорусское. Они образовались изъ того языка, на которомъ говорили племена восточныхъ славянъ, разселившіяся на территоріи образованія этихъ нарѣчій, въ связи съ историческими условіями ихъ жизни. Бѣлорусская вѣтвь русскаго народа образовалась изъ племенъ дреговичей, радимичей и кривичей, пережившихъ затѣмъ распредѣленіе по древнимъ русскимъ землямъ - княжествамъ, и сложилась именно во время пребыванія потомковъ этихъ племенъ въ составѣ Великаго Княжества Литовскаго, выработалась въ историческомъ развитіи жизни Литовско - Русскаго государства. Тогда же сложилось и бѣлорусское нарѣчіе русскаго языка. Въ созданіи общаго русскаго литератур-

наго языка, который въ настоящее время является однимъ изъ самыхъ богатыхъ и развитыхъ языковъ міра, принимали участіе и великоруссы, и малоруссы, и бѣлоруссы. Но бѣлорусское нарѣчіе, прошлая историческая жизнь, бытъ, пѣсня, преданіе, повѣрье и поговорка даютъ бѣлоруссамъ опредѣленное этнографическое лицо, какъ особой вѣтви русскаго народа.

Что касается литовскаго языка, то онъ, какъ и русскій и другіе языки, имѣетъ свои нарѣчія — вѣтви, на которыя распадается. Онъ не успѣлъ достаточно развиться въ эпоху исторической государственной жизни Великаго Княжества Литовскаго. Начало литовской письменности было положено въ прусской части Литвы, т. е. въ предѣлахъ герцогства Пруссіи, образовавшагося послѣ введенія реформаціи въ государствѣ Тевтонскаго Ордена и его секуляризаціи въ 1525 году.

Первый герцогъ Пруссіи, Альбрехтъ Бранденбургскій, утвердившій лютеранство въ своихъ владѣніяхъ, учредилъ при основанномъ имъ въ Кенигсбергѣ университетѣ стипендіи для проповѣдниковъ и лютеранскихъ богослововъ, которые должны были изучать литовскій языкъ, чтобы сдѣлать успѣшною свою дѣятельность среди литовцевъ. Первые дѣятели литовской письменности и вышли изъ рядовъ воспитанниковъ Кенигсбергскаго университета, съ середины XVI ст. Это были Рапагеланъ, Мошвидъ, Виллентъ, и Бреткунасъ, переводившіе на литовскій языкъ лютеранскія пѣснопѣнія, катехизисъ Лютера и другія нужныя для утвержденія среди литовцевъ лютеранства книги. Не всѣ эти переводы были напечатаны. Въ числѣ оставшихся въ рукописи былъ и переводъ на литовскій языкъ Библіи, сдѣланный Бреткунасомъ. Въ XVII столѣтіи были изданы и литовскія грамматики (Клейна въ 1653 году, Сапуна въ 1673 году).

Въ предѣлахъ Великаго Княжества Литовскаго начало литовской письменности также связано съ успѣхами реформаціоннаго движенія. Но здѣсь она была не лютеранскою, а кальвинскою и католическою, и началась позднѣе, лишь въ концѣ XVI вѣка. Въ девяностыхъ годахъ этого столѣтія Медницкій каноникъ Даукша издалъ свой переводъ нѣкоторыхъ польскихъ католическихъ книгъ. Тогда же началось изданіе и трудовъ кальвинистовъ (Малхера Петкевича и другихъ).

Въ XVII столѣтіи католики и кальвинисты продолжаютъ свою дѣятельность по переводу, составленію и издательству книгъ религіознаго содержанія, но съ теченіемъ времени кальвинисты замолкаютъ, и католики одни всецѣло берутъ въ свои руки это дѣло. Потребность знанія литовскаго языка для проповѣди и пастырской дѣятельности среди народа вызвала составленіе пособій словарнаго и грамматическаго содержанія. Въ XVII столѣтіи въ этомъ направленіи работал іезуитъ Ширвидъ, въ XVIII-мъ другіе члены Общества Іисуса. Съ конца XVII-го и въ XVIII-мъ столѣтіи количество печатныхъ литовскихъ книгъ растетъ, но всѣ онѣ преслѣдуютъ интересы только церковные. Лишь въ XVIII вѣкѣ въ Пруссіи появляется первый литовскій поэтъ, Христіанъ Доналейтисъ (1714—1780). Но въ Прусской Литвѣ, все болѣе и упорнѣе колонизуемой и германизуемой нѣмцами, конечно, національная литовская интеллигенція создаться не могла.

Развитіе сравнительнаго языкознанія и научной этнографіи въ XIX столѣтіи привлекли вниманіе къ литовцамъ. Началась научная разработка литовскаго языка и собираніе произведеній народнаго творчества литовцев, особенно народныхъ пѣсенъ. Въ то же время въ Литвѣ, находившейся подъ русской властью, начинаютъ накопляться данныя для развитія литовскаго на-

ціональнаго сознанія. Эти данныя создавались, во-первыхъ, началомъ разработки историческаго прошлаго Литвы, особенно съ появленіемъ трудовъ Теодора Нарбута (1784—1864), во-вторыхъ, ходомъ церковной жизни Литвы и, въ-третьихъ, работою литовскихъ дѣятелей въ области земледѣльческаго хозяйства. Во всѣхъ этихъ областяхъ сразу обнаружилось рѣзкое расхожденіе интересовъ литовскаго и польскаго народовъ. Выявленіе забытаго историческаго прошлаго Литвы уяснило и гибельныя послѣдствія для литовской національности ея связей съ Польшею, упорно стремившейся къ денаціонализаціи и полонизаціи литовцевъ, связей, приведшихъ въ концѣ концовъ и къ гибели самостоятельной литовской государственности, одновременно съ польскою.

Что касается хода церковной жизни Литвы, то онъ все настойчивѣе выдвигалъ въ ней вопросъ о необходимости «располяченія костела», ибо церковная дѣятельность католическаго духовенства, польскаго по національнымъ воззрѣніямъ, а въ значительной части и по происхожденію, соединялась съ полонизаціей литовцевъ. Еще въ XVI столѣтіи на эту сторону дѣла было обращено вниманіе высшими властями католической церкви. Производившій въ 1595 году визитацію Виленской епархіи (по порученію папскаго нунція) аббатъ Александръ Комулей настаивалъ на томъ, чтобы въ Виленскую семинарію принимались исключительно литвины, дабы послѣ окончанія въ ней курса они могли быть полезными церкви и государству Великаго Княжества Литовскаго. Въ XIX столѣтіи на полонизацію литовцевъ «костеломъ» не могла не обратить вниманія русская государственная власть, которая, во имя государственныхъ интересовъ Россіи, должна была поддержать стремленіе литовцевъ къ осво-

божденію своей національности отъ подавленія польскою въ церковной жизни. Особенно много работалъ въ этомъ направленіи епископъ Матвѣй Казимиръ Волончевскій (1801—1875), который около себя въ Петроградѣ создалъ цѣлую среду литовскихъ національныхъ дѣятелей.

Наконецъ, работа литовскихъ дѣятелей въ области земледѣльческаго хозяйства Литвы, весьма энергично развивавшаяся, совершенно ясно обнаружила противоположность интересовъ польскихъ или полонизованныхъ землевладѣльцевъ и литовской крестьянской массы. Освобожденіе владѣльческихъ крестьянъ императоромъ Александромъ II отъ крѣпостной зависимости и ихъ земельное устройство особенно остро поставили этотъ вопросъ. Реформы М. Н. Муравьева, произведенныя послѣ подавленія польскаго возстанія 1863 года, самымъ рѣшительнымъ образомъ освобождали литовскую національность отъ подавленія полонизмомъ и тѣмъ устраняли съ пути развитія литовскаго національнаго сознанія главное препятствіе, лежавшее на его пути. Не всѣ дальнѣйшія мѣры русской государственной власти были, однако, удачны. Къ числу ихъ нужно отнести и попытку замѣнить латинскій шрифтъ для литовскихъ книгъ русскимъ, съ цѣлью полнаго и яснаго, даже по внѣшности, противоположенія литовскихъ книгъ польскимъ. Но во всякомъ случаѣ именно съ эпохи, наступившей послѣ подавленія польскаго возстанія 1863 года, литовское національное движеніе начинаетъ особенно замѣтно развиваться. Для него работаютъ литовскіе дѣятели, жившіе и въ коренныхъ литовскихъ земляхъ, и въ университетскихъ центрахъ Россіи, и, наконецъ, въ Америкѣ, гдѣ образовался культурный центръ литовской эмиграціи. Къ настоящему времени, благодаря энергичной и

упорной работѣ литовскихъ національныхъ дѣятелей, уже внѣ всякаго сомнѣнія вырабатывается вполнѣ успѣшно и литературный литовскій языкъ.

XIII.

Въ основу представленій о взаимныхъ отношеніяхъ Польши и Великаго Княжества Литовскаго послѣ ихъ соединенія по Люблинской Уніи долгое время полагались, а отчасти и теперь еще полагаются, исключительно статьи акта Уніи 1569 года и скудныя извѣстія польскихъ хроникъ XVI столѣтія о Люблинскомъ сеймѣ. Привилей Люблинской Уніи гласитъ, что Корона Польская и Великое Княжество Литовское сливаются въ единое нераздѣльное тѣло и единое общее государство, которое образовалось черезъ сліяніе и соединеніе въ одинъ народъ и одно государство двухъ государствъ и народовъ. Польскія хроники XVI столѣтія чрезвычайно скупы на подробности о Люблинскомъ сеймѣ, но онѣ также говорятъ о совершенномъ окончаніи уніи обоихъ государствъ и объ ихъ соединеніи въ 1569 году. За полное сліяніе съ Польшею Великаго Княжества Литовскаго особенно и прославляли Сигизмунда Августа его польскіе современники. Польская литература XVI вѣка передала и въ литературу послѣдующихъ столѣтій свое пониманіе соединенія Польши и Литовско-Русскаго государства въ 1569 году, основанное на точномъ и буквальномъ смыслѣ той статьи Люблинскаго привилея, которая говоритъ объ единыхъ народѣ и государствѣ. Оно повторяется въ трудахъ, вышедшихъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, передается въ XIX-мъ и даже отчасти въ XX-мъ столѣтіяхъ. Изъ научныхъ трудовъ по исторіи и праву Поль-

ши такія представленія о характерѣ соединенія Польской Короны и Великаго Княжества Литовскаго перешли въ труды общаго содержанія и въ работы и изданія, предназначенныя для болѣе широкихъ круговъ.

Впечатлѣніе словъ акта Уніи 1569 года о сліяніи Польши и Великаго Княжества Литовскаго въ одно государство и одинъ народъ сдѣлало то, что и въ польской, и въ русской, и въ западно-европейской литературахъ очень долго лишь повторялось представленіе объ этой Уніи, какъ о полномъ сліяніи обоихъ государствъ въ одно цѣлое, безъ всякаго вниманія къ тому, насколько одинаково было пониманіе Уніи въ каждомъ изъ соединившихся государствъ и насколько оправдывается это представленіе послѣдующей исторіей взаимныхъ отношеній Короны и Княжества. Историки совершенно различныхъ научныхъ школъ и противоположныхъ національныхъ и политическихъ воззрѣній, до крайности расходясь въ оцѣнкѣ историческаго значенія Люблинской Уніи въ ея послѣдствіяхъ и въ отношеніи къ послѣдующимъ судьбамъ соединенной Речи Посполитой, сходились въ утвержденіи, что въ 1569 году совершилось полное сліяніе Польши и Великаго Княжества Литовскаго, образовавшихъ съ этого времени единое государство. Рѣшительное господство такого взгляда на значеніе Люблинской Уніи должно было имѣть своими послѣдствіями: 1) необходимость признанія Великаго Княжества Литовскаго съ 1569 года простою провинціею Польши, какъ государства, и 2) необходимость признанія, что со времени Люблинской Уніи прекращается и особая исторія Литовско-Русскаго государства, ибо она нераздѣльно слилась съ этого времени съ исторіею Польши. И то, и другое оказалось дѣйствительно признаннымъ въ литературѣ. Труды по общей исторіи, исторической геогра-

фіи и исторіи права Польши трактовали Великое Княжество Литовское какъ польскую «провинцію», рядомъ съ Великою и Малою Польшами, и провозглашали сліяніе ихъ исторіи.

Причины такого категорическаго сужденія о сліяніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею и даже прекращеніи съ 1569 года его исторіи ясны. Это, прежде всего, отсутствіе трудовъ по исторіи Литовско-Русскаго государства и его праву, каковые уже имѣла Польша для своихъ исторіи и права еще въ эпоху до прекращенія государственнаго существованія соединенной Речи Посполитой. Въ этой литературѣ господствовалъ тотъ взглядъ на Люблинскую Унію, съ которымъ приступало къ ней польское общество въ XVI столѣтіи, видѣвшее въ ней лишь осуществленіе предшествующихъ договоровъ уній, которыя начались съ обѣщанной Ягайломъ инкорпораціи Литвы въ составъ Польши Кревскимъ актомъ 1385 года. Какъ извѣстно, «втѣленіе» Великаго Княжества Литовскаго выдвигалось поляками и на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Слова Люблинскаго привилея объ единыхъ народѣ и государствѣ ведутъ свое происхожденіе отъ этого ходячаго въ тогдашней Польшѣ воззрѣнія на смыслъ Уніи, и тѣ же слова и ходячее воззрѣніе закрѣпились и въ старой польской литературѣ и, благодаря ей и традиціи, дожили отчасти и до настоящаго времени.

Но нѣтъ сомнѣнія, что на утвержденіи о полномъ сліяніи Великаго Княжества Литовскаго въ 1569 году съ Польшею отразилась и польская національно-политическая мысль эпохи послѣднихъ десятилѣтій государственной жизни Речи Посполитой и времени, послѣдовавшаго за прекращеніемъ ея государственнаго существованія. Эпоха Станислава Августа, начало преобразованій, раздѣлы Речи Посполитой, реформы и

идеи четырехлѣтняго сейма, выдвигавшія сплоченіе и большее единство расплывавшагося и раздѣляемаго соединеннаго Польско - Литовскаго государства, все это давало опредѣленную окраску взглядамъ и на прошлое, о воскрешеніи котораго мечтали польскіе дѣятели послѣдовавшей затѣмъ «порозборовой» эпохи. Едва ли не лучшее и наиболѣе прямолинейное выраженіе этого теченія мы можемъ найти въ идеяхъ и стремленіяхъ круга лицъ, который имѣлъ во главѣ себя князя Адама Чарторыйскаго и въ эпоху эмиграціи послѣ возстанія 1830 года считалъ своимъ центромъ Hôtel Lambert. Вотъ что высказывалось тогда представителями этого теченія о Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и Польшѣ: «Toutes ces terres ... ont formé, depuis des siècles, sous le nom de la Pologne, une unité politique et nationale, incontestable et incontestée .. Moeurs, coutumes, traditions historiques, institutions politiques, économiques et sociales, ont toujours été les mêmes dans les provinces en deçà et au delà du Bug, qui ne cessèrent de partager les destinées de la Pologne dans la bonne et dans la mauvaise fortune, et cette communauté a survécu au démembrement de la patrie.»

Однако въ тѣ же годы царствованія императора Александра I, когда князь Адамъ Чарторыйскій приступалъ къ осуществленію своихъ національно-политическихъ идеаловъ, мы имѣемъ и рѣшительное утвержденіе, что между Польшею и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ не существовало тѣсныхъ отношеній государственнаго единства, хотя второе въ общемъ и оставалось вѣрно соединенію съ первою. Представитель стараго литовскаго рода, Михаилъ Огинскій писалъ: «Après l'union de la Lithuanie à la Pologne, les Lithuaniens se montrèrent jaloux de la conservation

de leurs anciennes lois et privilèges, qui leur avaient été garantis par l'acte même d'union; mais on les trouvait toujours disposés à tous les sacrifices qu'on demandait d'eux lorsqu'il s'agissait du bien-être général de la patrie.»

Въ словахъ Огинскаго, несомнѣнно, слышна традиція постоянной охраны Великимъ Княжествомъ Литовскимъ его государственнаго значенія и правъ во время соединенія съ Польшею. Эта традиція была прочно заложена сразу послѣ заключенія Люблинской Уніи, и память о ней пережила и раздѣлы Речи Посполитой. Но болѣе громкій голосъ цѣлаго хора представителей польскаго традиціоннаго пониманія значенія Люблинской Уніи заглушалъ голоса отдѣльныхъ лицъ, выдвигавшихъ пониманіе Уніи 1569 года, имѣвшее мѣсто въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ еще съ эпохи Сигизмунда Августа, и дѣлалъ ихъ почти неслышными и нераспространяющимися сколько-нибудь далеко.

Такъ были совершенно забыты несліяніе Польскаго и Литовско-Русскаго государствъ въ единое государственное цѣлое послѣ Люблинской Уніи и характеръ соединенной Речи Посполитой, какъ федераціи Польши и «Литвы», хорошо извѣстные тѣмъ, кто дѣйствительно зналъ Речь Посполитую во время ея существованія.

Совершенно естественно, что, обращенная къ Западу Европы Польшею, Польско-Литовская федерація на Западѣ сплошь и рядомъ получала и общее имя Польши (Polonia, Pologne, Polen). Это тѣмъ болѣе естественно, что титулъ общаго «господаря» федераціи начинался словами «король польскій». Но восточные сосѣди хорошо знали «Литву» и твердо помнили, что она не Польша. Посольскій Приказъ, т. е. министер-

ство иностранныхъ дѣлъ старой Москвы, и московскіе дипломаты, такъ стойко и вѣрно стоявшіе на стражѣ интересовъ и правъ Московскаго государства въ его внѣшнихъ сношеніяхъ, всегда знали и помнили, что именно «Литва» и «литовскій» великій князь были сосѣдями Московскаго царства, а отнюдь не Польша, и точно раздѣляли оба соединенныя по Люблинской Уніи государства, ведя по отношенію къ каждому изъ нихъ и различную политику. Но въ XIX столѣтіи, въ новой Россіи, было забыто то, что твердо помнили въ старой Москвѣ, и западно - европейская терминологія, ложившаяся на основу польской націоналистической идеи, стала и въ русской литературѣ соединять съ Польшею въ ея имени и старое Литовско-Русское государство.

Между тѣмъ изученіе строя соединенной Речи Посполитой уже давно приходило къ наблюденіямъ нетожества Польши и Великаго Княжества Литовскаго въ ихъ внутренней организаціи послѣ Люблинской Уніи. Болѣе пристальное и детальное изученіе строя и жизни Речи Посполитой послѣ Уніи 1569 года неизбѣжно должно было приводить и дѣйствительно приводило къ колебанію старой и привычной увѣренности, которая отстраняла всѣ сомнѣнія въ правильности традиціоннаго взгляда на Польшу и Великое Княжество Литовское, какъ на единое государственное тѣло и единый народъ. Унія въ 1569 году не была доведена до конца — вотъ положеніе, которое чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе стало просачиваться сквозь толщу столь прочно, казалось, установленнаго рѣшенія вопроса о значеніи и существѣ Люблинской Уніи (Михаилъ Бобржинскій — Dzieje Polski w zarysie, Анатолій Левицкій — Nieco o Unii Litwy z Koroną). Въ то же время стало выясняться и своеобразіе государственнаго строя соединеннаго Польско - Литовскаго государства, не уклады-

вающееся въ рамки нашихъ современныхъ представленій объ единомъ, унитарномъ государствѣ. Сальванди еще въ первой половинѣ XIX столѣтія писалъ о Люблинской Уніи и созданной ею Речи Посполитой: «Le grand-duché, tout en restant malveillant pour le royaume, prit l'engagement de ne plus en séparer ses destinées. Les perpétuelles incursions des Tartares, les progrès des Moscovites sous le terrible Czar Iwan IV, avaient imposé silence aux vieilles antipathies. Les Lithuaniens souscrivirent la loi de réunion, comme ils élevaient autour de Wilna des retranchements et des murailles. Toutefois, il fut en vain stipulé qu'il n'y aurait plus pour les deux peuples qu' une même diète, un même prince, de mêmes lois. Les deux États demeurèrent toujours séparés l'un de l'autre, aussi bien que les deux cours. On distingua les charges de la Lithuanie de celles de la Couronne. Le royaume eut, aussi bien que le grand-duché, ses ministères, ses grands officiers, ses généraux, son armée ....« (Histoire de Pologne avant et sous le roi Jean Sobieski par M. de Salvandi, de l'Académie française, tome I, Bruxelles 1841, p. 83—84).

Въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка и въ XX столѣтіи изученіе исторіи и строя Великаго Княжества Литовскаго сдѣлало замѣтные успѣхи. Явилась возможность привлечь къ изслѣдованію рядъ новыхъ источниковъ, отчасти уже опубликованныхъ, отчасти еще ожидающихъ своего изданія, но уже доступныхъ научнымъ работникамъ въ архивахъ и древлехранилищахъ. Рядъ изданій новыхъ источниковъ былъ сдѣланъ учеными учрежденіями и частными лицами. Особенно важнымъ оказалось изданіе и привлеченіе къ изслѣдованію громадной массы актовъ и переписки и довольно значительнаго количества сеймовыхъ днев-

никовъ. Появился и рядъ научныхъ изслѣдованій по исторіи Великаго Княжества Литовскаго и его организаціи, какъ до Люблинской Уніи, такъ и послѣ нея. Если нетожество Польши и Великаго Княжества Литовскаго въ ихъ строѣ и внутренней организаціи послѣ ихъ соединенія въ 1569 году было отчетливо показано научнымъ изслѣдованіемъ, то научное же изслѣдованіе вскрыло и отсутствіе тѣхъ сознанія единства народа и общности его интересовъ въ обоихъ образовавшихъ Речь Посполитую государствахъ, которыя считались несомнѣнными и всегда существовавшими сантиментально-націоналистическимъ воззрѣніемъ, которое исповѣдывалось столь большимъ числомъ представителей польской мысли, выдвигавшихъ полное единство Польши и Княжества.

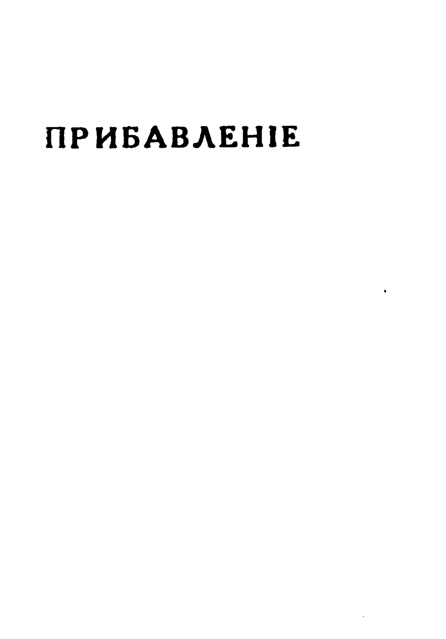
Научное изслѣдованіе къ настоящему времени точно и опредѣленно установило, что Литовско-Русское государство, т. е. Западная Россія, (за исключеніемъ небольшой ея части, Подляшья) никогда не входила въ составъ Польши, польскаго государства. Провозглашенное Люблинской Уніею сліяніе Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею въ единое государство никогда не было осуществлено въ дѣйствительности, и это признано уже и польскою наукою. Одинъ изъ современныхъ лучшихъ знатоковъ исторіи строя Польши, профессоръ Станиславъ Кутшеба, отмѣчаетъ, что на почву единства соединенныхъ Люблинскою Уніею государствъ въ дѣйствительности вступила лишь конституція 3-го мая 1791 года (Prof. Dr. Stanisław Kutrzeba, Unia Polski z Litwą, Kraków 1914, str. 209), т. е. тотъ законодательный актъ кануна прекращенія существованія Речи Посполитой, который уже не былъ осуществленъ въ ея государственной жизни.

Безусловно признано польскою наукою и самостоятельное значеніе литовскаго и русскаго народовъ Западной Россіи, точно отдѣленныхъ отъ народа польскаго ихъ научнымъ изученіемъ. Въ новѣйшемъ капитальномъ изданіи Краковской Академіи «Encyklopedya Polska« г.г. Яномъ Розвадовскимъ и Станиславомъ Пташицкимъ даны очерки литовскаго и русскаго языковъ и ихъ письменности на территоріи соединенной Речи Посполитой (Encyklopedya Polska, tom III, dział III, w Krakowie 1915, str. 344—386). Эти очерки констатируютъ безусловную и полную отъ польскаго народа отдѣльность литовскаго и русскаго народовъ, какъ таковыхъ. Говоря о древнихъ племенахъ русскихъ славянъ, г. Пташицкій, между прочимъ, пишетъ: «сравнительное изученіе языка этихъ племенъ привело къ возстановленію единаго общаго языка для цѣлаго русскаго народа, который образуетъ самостоятельную языковую группу восточно-славянскую и носитъ имя языка русскаго». Въ развитіи этого обще-русскаго языка г. Пташицкій констатируетъ четыре группы(«grupy językowe»): южно-великорусскую, сѣверно-великорусскую, малорусскую и бѣлорусскую.

Такъ къ настоящему времени наука внесла ясный свѣтъ въ столь темную и запутанную прежде область историческаго прошлаго Западной Россіи и этнографическаго состава ея основного населенія. Рядъ поколѣній научныхъ работниковъ, главнымъ образомъ русскихъ и польскихъ, своимъ кропотливымъ и упорнымъ трудомъ изслѣдованія, невиднымъ для широкихъ круговъ общества, возстановилъ факты и явленія исторической дѣйствительности уже достаточно полно для ея общаго пониманія. Почти вѣковая, преемственная работа научныхъ изслѣдователей къ нашему времени

сняла съ историческаго прошлаго Западной Россіи тотъ покровъ, которымъ покрыла его возникшая въ обстановкѣ политическихъ и націоналистическихъ стремленій традиція, и заложила прочныя основы для дальнѣйшей, строго научной его разработки.

ПРИБАВЛЕНІЕ

Предлагаемыя ниже указанія на литературу не могутъ быть признаны ни полными по объему вопросовъ, затронутыхъ авторомъ въ его изложеніи, ни исчерпывающими въ той области, которою они преимущественно ограничены.

Эти указанія даны почти исключительно лишь въ области политической исторіи и государственно-общественнаго строя Литовско-Русскаго государства (Великаго Княжества Литовскаго) времени его существованія. Что касается исчерпывающей полноты ихъ, то она не могла быть достигнута какъ потому, что она чрезвычайно увеличила бы размѣры настоящаго «прибавленія» къ книжкѣ, такъ и потому, что она недоступна автору при обстановкѣ его научной работы въ настоящее время. Но авторъ думаетъ, что и въ томъ объемѣ, въ которомъ имъ даны литературныя указанія, они окажутся полезными для желающихъ самостоятельно начать изученіе историческаго прошлаго Западной Россіи времени ея соединенія съ Польшею. Болѣе полныя указанія на литературу и источники читатель найдетъ прежде всего въ библіографіи профессора Финкеля — Dr. Ludwik Finkel, Bibliografia Historyi Polskiej, I-III (Lwów-Kraków, 1891-1906). Ихъ дополненію для изданій болѣе новаго времени могутъ служить библіографическіе списки въ журналѣ «Kwartalnik Historyczny» и въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Ака-

деміи Наукъ». Какъ пособія по библіографіи исторіи Западной Россіи должны быть еще отмѣчены—*С. Балтрамайтисъ,* Сборникъ библіографическихъ матеріаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы (Петроградъ, 1904) и *Ѳ. И. Леонтовичъ,* Исторія русскаго права, выпускъ I, литература исторіи русскаго права (Варшава, 1902) и Дополненіе къ выпуску I-му (Варшава, 1903 и Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1903, т. III).

Источниковъ (документальнаго и литературнаго характера) для исторіи Литовско-Русскаго государства къ настоящему времени издано очень большое количество. Указанія на ихъ изданія имѣются въ обозначенныхъ выше пособіяхъ по библіографіи. Что касается русскихъ изданій, то изъ нихъ нужно особенно выдвинуть изданія Императорской Археографической Комиссіи, Археографическихъ Комиссій Кіевской и Виленской, Виленскихъ Учебнаго Округа и Центральнаго Архива и Витебскаго Центральнаго Архива. Изъ изданій Императорской Археографической Комиссіи необходимо отмѣтить: 1) Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ (подъ ред. М. О. Кояловича, съ переводомъ на французскій языкъ), Петроградъ, 1865; 2) Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года (подъ ред. М. О. Кояловича), Петроградъ, 1869; 3) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, томы I—V (1340—1699 гг., подъ ред. протоіерея И. Г. Григоровича), Петроградъ, 1846—1853; 4) Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, томы I—XV (1361—1678 гг., подъ ред. Н. И. Костомарова), Петроградъ, 1863—1892; 5) Литовская Метрика (Русская Историческая Библіотека, т. XX — Книги Судныхъ Дѣлъ, подъ ред. П. А. Гильтебрандта; Русск. Ист.

Библ., т. XXVII — Книги Записей, подъ ред. И. И. Лаппо; Русск. Ист. Библ., т. XXX — Книги Публичныхъ Дѣлъ, подъ ред. И. И. Лаппо); 6) Западно- русскія(литовскія) лѣтописи (подъ ред. А. А. Шахматова и С. Л. Пташицкаго — Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XVII); 7) Памятники полемической литературы въ Западной Руси (Русск. Ист. Библ., т.т. IV, VII и XIX, подъ ред. П. А. Гильтебрандта).

Кіевская Археографическая Комиссія за время съ 1845 по 1859 гг. издала четыре тома своихъ «Памятниковъ», а съ 1859 года сталъ выходить ея «Архивъ Юго-Западной Россіи», который составилъ длинный рядъ большихъ томовъ (подъ ред. В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и другихъ). Виленская Комиссія для разбора древнихъ актовыхъ книгъ успѣла напечатать около четырехъ десятковъ фоліантовъ своихъ «Актовъ» и рядъ другихъ изданій (подъ ред. И. Я. Спрогиса, Ю. Ѳ. Крачковскаго, Ф. Н. Добрянскаго и другихъ). Виленскій Учебный Округъ издалъ свыше десяти томовъ своего «Археографическаго Сборника» и рядъ выпусковъ «Описанія Рукописнаго Отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки», Виленскій Центральный Архивъ — около десяти томовъ своихъ «Описей», Центральный Архивъ Витебскій — тридцать два фоліанта своихъ «Историко-Юридическихъ Матеріаловъ». Много источниковъ для исторіи Западной Россіи напечатано во «Временникѣ» и въ «Чтеніяхъ» Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Во «Временникѣ», напримѣръ, были изданы такіе выдающіеся по своему значенію памятники, какъ всѣ три Литовскихъ Статута (книги «Временника» XI, XIX и XXIII) и уставъ «Трибунала» 1581 года (книга XXV). Издавались историческіе матеріалы, относящі-

еся къ Западной Россіи, и Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ (въ различныхъ томахъ его «Сборника»), и Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи (особенно важенъ I-й томъ его «Документовъ», подъ ред. М. В. Довнаръ-Запольскаго), а также другими учрежденіями и отдѣльными лицами.

Для изученія сложенія и развитія западной вѣтви русскаго народа имѣетъ выдающееся значеніе трудъ *Е. Ѳ. Карскаго,* Бѣлоруссы (т. I — Вильна, 1904, т. II, ч. 1 и 2 — Варшава, 1908 и 1912). Необходимо назвать и наиболѣе полный перечень старопечатныхъ славяно-русскихъ книгъ Западной Россіи, внесенный въ «Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, томъ первый, съ 1491 по 1652 г.» *И. П. Каратаева* (Петроградъ, 1883). Наконецъ, нельзя не указать и на IV-й томъ «Исторіи русской этнографіи» *А. Н. Пыпина* (Петроградъ, 1892), въ которомъ читатель найдетъ весьма цѣнное изложеніе исторіи изученія прошлой жизни Западной Россіи и ея основного населенія.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

Андріяшевъ А. М., Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ, 1887.

Антоновичъ В. Б., Монографіи по исторіи западной и югозападной Россіи, т. I. Кіевъ, 1885.

Архангельскій А. С., Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература конца XVI и первой половины XVII в. (Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1888, I).

Багалѣй Д. И., Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Кіевъ, 1882.

Baliński M., Historya miasta Wilna. Tom I — Wilno, 1836; tom II — Wilno 1837.

Balzer O., Tradycja dziejowa unji polsko-litewskiej. Lwów —Warszawa, 1919.

Bandtkie J. S., Historya drukarń w Królestwie Polskiem i Wielkiem Xięstwie Litewskiem iako i w kraiach zagranicznych, w których polskie dzieła wychodziły, tomy I—II, Kraków, 1826.

Baranowski J. T., Z dziejów feudalizmu na Podlasiu (Przegląd historyczny, t. IV, Warszawa, 1907).

Baranowski J. T., Podlasie w przededniu unji lubelskiej (Przegl. hist., t. VII, 1908).

Барбашевъ А. И., Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы. Петроградъ, 1885.

Барбашевъ А. И., Витовтъ, послѣднія двадцать лѣтъ княженія. Петроградъ, 1891.

Батюшковъ П. Н., Памятники русской старины въ Западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ, т. т. I — VIII. Петроград, 1865 — 1885.

Безъ-Корниловичъ М. О., Историческія свѣдѣнія о примѣчательныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, съ присовокупленіемъ и другихъ свѣдѣній, къ ней же относящихся. Петроградъ, 1855.
Бережковъ Н. Г., Устава замковъ, державъ и дворовъ Сигизмунда Августа, предшествовавшая волочной уставѣ. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1911, V).
Бершадскій С. А., Литовскіе евреи, исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской Уніи. Петроградъ, 1883.
Бершадскій С. А., Авраамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій Великаго Княжества Литовскаго. Кіевъ, 1888.
Бершадскій С. А., О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву. Петроградъ, 1892.
Бершадскій С. А., Литовскій Статутъ и польскія конституціи. Петроградъ, 1893.
Бестужевъ-Рюминъ К. Н., Русская Исторія, т. II. Петроградъ, 1885.
Boldt Fr., Der deutsche Orden und Litauen 1370—1386 (Altpreussische Monatsschrift, 1873, V—VI).
Boniecki A., Poczet rodów w Wielkiem Księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887.
Brückner A., Starożytna Litwa, ludy i bogi. Warszawa, 1904.
Брянцевъ П. Д., Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Вильна, 1889.
Бѣляевъ И. Д., Очеркъ исторіи сѣверо-западнаго края Россіи. Вильна, 1867.
Бѣляевъ И. Д., Полоцкая православная церковь до Брестской уніи (Православное Обозрѣніе, 1870, I—II).
Бѣляевъ И. Д., Латинская церковь въ сѣверо-западномъ краѣ до Брестской уніи (Русскій Вѣстникъ, 1870, XI).
Бѣляевъ И. Д., Разсказы изъ русской исторіи, томъ IV — Исторія Полотска или сѣверо-западной Руси отъ древнѣйшихъ временъ до Люблинской Уніи. Часть I — строй жизни Полотска и Великаго Княжества Литовскаго. Москва, 1872.
Васильевскій В. Г., Очеркъ исторіи города Вильны (Памятники русской старины, изд. П. Н. Батюшковымъ, вып. V — VI. Петроградъ, 1872 — 1874).
Wasilewski L., Litwa i Białoruś. Kraków, безъ обозначенія года изданія.

Владиміровъ П. В., Докторъ Франдискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Петроградъ, 1889.

Владиміровъ П. В., Обзоръ южно-русскихъ и западнорусскихъ памятниковъ письменности отъ XI-го до XVII ст. (Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца, IV кн. Кіевъ, 1890).

Владимірскій-Будановъ М. Ф., Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. Петроградъ, 1868.

Владимірскій-Будановъ М. Ф., Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича (Сборникъ государств. знаній, IV).

Владимірскій-Будановъ М. Ф., Государства Московское и Литовское (Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1882,V).

Владимірскій-Будановъ М. Ф., Литовскіе евреи (Журн. Мин. Нар. Пр., 1885, I).

Владимірскій-Будановъ М. Ф., Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII до половины XV в. (Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. I).

Владимірскій-Будановъ М. Ф., Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XV в. до Люблинской Уніи (Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. II).

Владимірскій-Будановъ М. Ф., Помѣстья Литовскаго государства (Чтенія въ Истор. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. III).

Владимірскій-Будановъ М. Ф., Черты семейнаго права XVI в. (тамъ же, кн. IV).

Владимірскій-Будановъ М. Ф., Крестьянское землевладѣніе въ западной Россіи до половины XVI в. (тамъ же, кн. VII).

Владимірскій-Будановъ М. Ф., Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ XVI в. (Кіевскій Сборникъ, изд. въ пользу голодающихъ въ 1892 г. Окончаніе издано подъ тѣмъ же заглавіемъ отдѣльно, въ Кіевѣ въ 1911 году).

Владимірскій-Будановъ М. Ф., Церковныя имущества въ юго-западной Россіи въ XVI в. (Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VIII, т. IV).

Владимірскій-Будановъ М. Ф., Разборъ изслѣдованія М. Н. Ясинскаго «Главный Литовскій Трибуналъ» (Кіевскія Унив. Извѣстія, 1901, IX и Отчетъ о присужденіи преміи П. Н. Батюшкова въ 1902 г., Петроградъ, 1904).

Wołonczewski M., ks. biskup, Biskupstwo Żmujdzkie. Kraków, 1898.
Вольдемаръ А. Г., Національная борьба въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ XV и XVI вѣкахъ (Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, 1909 г., т. XIV, кн. III).
Wolff J., Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kraków, 1885.
Wolff J., Ród Gedimina. Kraków, 1886.
Wolff J., Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895.
Halecki O., O początkach parlamentaryzmu litewskiego. (Sprawozdania Akademii Umiejętności w Krakowie, XX).
Halecki O., Litwa, Ruś i Żmudż jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego (Rozprawy Akad. Um., wydział hist.-fil., LIX).
Halecki O., Dzieje Unii Jagiellońskiej. T. I, Kraków, 1919. T. II, Kraków, 1920.
Halban A., Zur Geschichte des deutschen Rechts in Podolien, Wolhynien und der Ukraina. Berlin, 1896.
Головацкій Я. Ѳ., Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ. Вильна, 1888.
Голубевъ С. Т., Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. I, Кіевъ, 1883. Т. II, Кіевъ, 1898.
Голубовскій П. В., Исторія Сѣверской земли до половины XIV в. Кіевъ, 1882 (Сборникъ сочиненій студентовъ университета Св. Владиміра).
Голубовскій П. В., Исторія Смоленской земли до начала XV ст. Кіевъ, 1895.
Гольмстенъ А. Х., Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права (Журналъ Юридическаго Общества при Имп. С.-Петербургскомъ Университетѣ, 1896, II).
Горбачевскій Н. И., Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ губерній Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской.... Вильна, 1872.
Горбачевскій Н. И., Словарь древняго актоваго языка Сѣверо-Западнаго края и царства Польскаго. Вильна, 1874.
Грушевскій А. С., Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ составѣ Литовско-Русскаго государства XIV—XVI в. (Кіевск. Ун. Изв. за 1902 и 1903 г.г. и отдѣльно),
Грушевскій М. С., Очеркъ исторіи Кіевской земли. Кіевъ, 1891.

Грушевський М. С., Історія України-Руси, т. IV (Київ—Львів, 1907), т. V (Львів, 1905).
Данилевичъ В. Е., Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV ст. Кіевъ, 1896.
Daniłowicz J., Opisanie bibliograficzne dotąd znanych exemplarzy Statutu Litewskiego, rękopismiennych i edycyi drukowanych, tak w ruskim oryginalnym, jako też polskim i łacińskim języku (Dziennik Wileński, 1823, tomy I—II).
Daniłowicz J., Historischer Blick auf die Litthauische Gesetzgebung (Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Zweiter Band. Riga und Dorpat, 1834).
Daniłowicz J., Historyczny rzut oka na prawodawstwo narodu litewskiego (Wizerunki i roztrząsania naukowe. Poczet nowy. Tomik trzynasty. Wilno, 1837).
Даниловичъ И. Н., Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе Статуты (Юридическія Записки, изд. Петромъ Рѣдкинымъ. Т. I. Москва, 1841).
Дашкевичъ Н. П., Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства. Кіевъ, 1885.
Довнаръ-Запольскій М. В., Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. Кіевъ, 1891.
Довнаръ-Запольскій М. В., Польско-Литовская унія на сеймахъ до 1569 года. Москва, 1897 (II томъ Трудовъ Славянской Комиссіи при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ).
Довнаръ-Запольскій М. В., Литовскія упоминки Татарскимъ ордамъ. Симферополь, 1898.
Довнаръ-Запольскій М. В., В. Н. Тяпинскій, переводчикъ Евангелія на бѣлорусское нарѣчіе. Петроградъ, 1899.
Довнаръ-Запольскій М. В., Государственное хозяйство Великаго Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Кіевъ, 1901.
Довнаръ-Запольскій М. В., Спорные вопросы по исторіи литовско- русскаго сейма (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1901, X).
Довнаръ-Запольскій М. В., Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ, 1905.
Dąbkowski P., Stanowisko cudzoziemców w prawie litewskiem w drugiej połowie XV i w XVI wieku (Studya nad historyą prawa polskiego, wyd. pod red. Oswalda Balzera, t. V, z. 2. Lwów, 1912).

Ефименко А. Я., Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси (Русская Мысль, 1892, IV и въ книгѣ «Южная Русь», т. I, Петроградъ, 1905).
Ефименко А. Я., Литовско-русскіе данники и ихъ дани (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1903, I и въ книгѣ «Южная Русь», т. I).
Жуковичъ П. Н., Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей, т. т. I—VI Петроградъ, 1901 и сл.
Иванишевъ Н. Д., О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Руси (Русская Бесѣда, 1857).
Иванишевъ Н. Д., Свѣдѣнія объ уніи (тамъ же, 1858).
Иванишевъ Н. Д., Постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ юго-западной Россіи. Кіевъ, 1860. Отдѣльныя работы Иванишева переизданы въ томѣ его «Сочиненій»).
Ивановъ П. А., Историческія судьбы Волынской земли до конца XIV вѣка. Одесса, 1895.
Иловайскій Д. И., Исторія Россіи т. т. I (часть вторая) — V. Москва, 1880 и слѣд.
Kamieniecki W., Ograniczenia wyznaniowe w prawodawstwie litewskiem w XV i XVI wieku (Przegląd historyczny, t. XII. Warszawa, 1911).
Kamieniecki W., Geneza państwa litewskiego (Przegl. hist., XIX. Warszawa, 1915).
Kamieniecki W., Państwo litewskie. Warszawa, 1918.
Карповъ Г. Ѳ., Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ (Чтенія въ Моск. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1866, III —IV).
Карѣевъ Н. И., Историческій очеркъ польскаго сейма. Петроградъ, 1888.
Киркоръ А. К., Литовскія древности (Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа. Вильно, 1854).
Киркоръ А. К., Великій князь Витовтъ (тамъ же).
Kolankowski L., Żygmunt August, wielki księże Litwy do roku 1548. Lwów, 1913.
Koneczny F., Jagiełło i Witold. Lwów, 1893.
Korzon T., Organizacya wojskowa Litwy w okresie Jagiellońskim (Rocznik Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie, II. Wilno, 1909).
Костомаровъ Н. И., Русскіе инородцы, I (Русское Слово, 1860, V).

Kochanowski J. K., Witold, wielki książe litewski. Lwów, 1900.
Коцебу А., Свидригайло, великій князь литовскій. Петроградъ, 1835.
Кочубинскій А. А., Территорія доисторической Литвы (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1897, I).
Кояловичъ М. О., Литовская Церковная Унія. I томъ — Петроградъ, 1859; II томъ — Петроградъ, 1862.
Кояловичъ М. О., Люблинская Унія или послѣднее соединеніе Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Петроградъ, 1863.
Кояловичъ М. О., Лекціи по исторіи Западной Россіи. Петроградъ, 1864. Переизданы были три раза — «Чтенія по исторіи Западной Россіи» (4-е изданіе — Петроградъ, 1884).
Кояловичъ М. О., Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ. Петроградъ, 1873.
Kraszewski J., Wilno od początków jego do roku 1750. I—IV, Wilno, 1840—1842.
Krumbholtz R., Samaiten und der Deutsche Orden bis zum Frieden am Melno-See. Königsberg, 1890.
Кршивицкій Л., Жмудскіе пилькалнисы. Петроградъ, 1908.
Кукольникъ П. В., Преданія литовскаго народа (Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа. Вильно, 1854).
Кукольникъ П. В., Историческія замѣтки о Литвѣ. Вильна, 1864.
Kurczewski J. ks., Kościół Zamkowy czyli Katedra Wileńska. Wilno, 1910.
Kurczewski J. ks., Biskupstwo Wileńskie od jego założenia aż do dni obecnych. Wilno, 1912.
Kutrzeba S., Skład sejmu polskiego 1493—1793. (Przegląd hist., II, Warszawa, 1906).
Kutrzeba S., Unia Polski z Litwą. Kraków, 1914.
Kutrzeba S., Historya Ustroju Polski w zarysie. Tom II— Litwa. I-e изданіе — Lwów, 1914. 2-е изданіе — Lwów i Warszawa, 1921.
Лаппо И. И., Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія. Петроградъ, 1901.
Лаппо И. И., Великое Княжество Литовское во второй половинѣ XVI столѣтія, Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймикъ. Юрьевъ, 1911.

Лаппо И. И., Земскій судъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI вѣка (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1897, VI).

Лаппо И. И., Подкоморскій судъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка (тамъ же, 1899, VIII).

Лаппо И. И., Витебскій Центральный Архивъ и его изданіе (тамъ же, 1905, III).

Лаппо И. И., Гродскій судъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ XVI столѣтіи (тамъ же, 1908, I).

Лаппо И. И., Пинскій сеймикъ послѣ отреченія Яна Казимира (тамъ же, 1910, II).

Лаппо И. И., Литовскій Статутъ въ московскомъ переводѣ-редакціи XVII столѣтія (тамъ же, 1914, II).

Лаппо И. И., Люблинская Унія и Третій Литовскій Статутъ (тамъ же, 1917, V).

Лаппо И. И., Разборъ изслѣдованія М. К. Любавскаго «Литовско-Русскій сеймъ» (Чтенія Моск. Общества Ист. и Др. Росс., 1903, III).

Лаппо И. И., Полоцкая Ревизія 1552 года. Москва, 1905 (и въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.).

Лаппо И. И., Описаніе Полоцкихъ владычнихъ, монастырскихъ и церковныхъ земель ревизорами 1580 года. Москва, 1907 (и тамъ же).

Лаппо И. И., Къ исторіи панскаго класса въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Москва, 1915 (и тамъ же).

Лаппо И. И., Похищеніе государственной печати Великаго Княжества Литовскаго въ 1581 году (Сборникъ статей, посвященныхъ В. И. Ламанскому по случаю 50-лѣтія его ученой дѣятельности. Т. II. Петроградъ, 1908).

Лаппо И. И., Къ исторіи сословнаго строя Великаго Княжества Литовскаго. Конные мѣщане Витебскіе въ XVI ст. (Сборникъ статей въ честь В. О. Ключевскаго. Москва, 1909).

Лаппо И. И., Постановленія трехъ Виленскихъ съѣздовъ 1587 года (Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову. Петроградъ, 1911).

Лаппо И. И., Лимитаціи господарскаго дворнаго суда Великаго Княжества Литовскаго въ эпоху предъ учрежденіемъ Главнаго Литовскаго Трибунала (Сборникъ статей, посвященныхъ Д. А. Корсакову. Казань, 1913).

Лаппо И. И., Къ вопросу объ утвержденіи Литовскаго Статута 1588 года (Сборникъ статей въ честь М. К. Любавскаго. Петроградъ, 1917).

Лаппо И. И., Литовскій Статутъ въ московскомъ переводѣ-редакціи (текстъ памятника и вводная статья). Петроградъ, 1916 (и въ Лѣтописи Занятій Императорской Археографической Комиссіи).

Лаппо И. И., Виленская Академія, іезуитскія коллегіи — Виленскія св. Игнатія и св. Рафаила и Гродненская — и ихъ документы (Описаніе Дѣлъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, томъ I. Петроградъ, 1917).

Lappo J. J., Litevský statut a jeho sankce v r. 1588 (Sborník věd právních a státních. Ročník XXII. Sešit I. V Praze, 1922).

Lappo J. J., Základní zákony velikého knížetství Litevského a Polsko (тамъ же, ročník XXIII, s. III—IV, 1923).

Latkowski J., Mendog, król litewski (Rozprawy Akad. Um., wydz. hist.-filoz., XXVIII, Kraków, 1892).

Lewicki A., Wstąpienie na tron Kazimierza Jagiełłeńczyka (тамъ же, XX, Kraków, 1886).

Lewicki A., Powstanie Swidrygiełły (тамъ же, XXIX, Kraków, 1892).

Lewicki A., Nieco o unji Litwy z Polską (Przegląd Polski, t. 110. Kraków, 1893).

Lelewel J., Dzieje Litwy i Rusi aż do unji z Polską w Lublinie 1569 zawartéj (Paryž, 1839. Lipsk, 1839).

Леонтовичъ Ѳ. И., Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI вв. Кіевъ, 1863 (Кіевскія Унив. Извѣстія, 1863, X и XI).

Леонтовичъ Ѳ. И., Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ (тамъ же, 1864, III—IV).

Леонтовичъ Ѳ. И., Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ видахъ настоятельной необходимости включить литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права (тамъ же, 1865, II — IV).

Леонтовичъ Ѳ. И., Спорные вопросы по исторіи русско-литовскаго права. Петроградъ, 1893.

Леонтовичъ Ѳ. И., Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства. Петроградъ, 1894 (Журналъ Мин. Нар. Пр. 1893—1894 гг.).

Леонтовичъ Ѳ. И., Источники русско-литовскаго права. Варшава, 1894 (Варшавскія Унив. Извѣстія, I, 1894).

Леонтовичъ Ѳ. И., Панскій дворъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ (тамъ же, 1895, V).

Леонтовичъ Ѳ. И., Сословный типъ территоріально-административнаго состава Литовскаго государства и его причины (Журн. Мин. Нар. Пр., 1895, VI—VII).

Леонтовичъ Ѳ. И., Одинъ изъ вопросовъ западно-русской старины. Литовско-русскіе друскеники— солярни и соляники (Варш. Ун. Изв., 1896, V—VI).

Леонтовичъ Ѳ. И., Крестьянскій дворъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1896, II—IV, VII, X, XII; 1897, IV—V).

Леонтовичъ Ѳ. И., Сельскіе промышленники въ Литовско-Русскомъ государствѣ (Варш. Унив. Изв., 1897, IV—V).

Леонтовичъ Ѳ. И., Къ вопросу о выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву (Журналъ Мин. Юстиціи, 1897, VI, IX, X).

Леонтовичъ Ѳ. И., Сельскіе ремесленники въ Литовско-Русскомъ государствѣ (Варш. Унив. Изв., 1898, II—III).

Леонтовичъ Ѳ. И., Сельскіе чиншевики въ Литовско-Русскомъ государствѣ (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1899, II).

Леонтовичъ Ѳ. И., Къ исторіи административнаго строя Литовскаго государства (Варш. Унив. Изв., 1899, IV, VIII—IX; 1900, I).

Леонтовичъ Ѳ. И., Очерки изъ исторіи литовско-русскаго гражданскаго права. Гражданская право- и дѣеспособность (Журналъ Мин. Юст., 1903, IX—X; 1905, IX—X; 1906, VI).

Леонтовичъ Ѳ. И., Бояре и служилые люди въ Литовско-Русскомъ государствѣ (Журн. Мин. Юст., 1907, V—VI).

Леонтовичъ Ѳ. И., Рада великихъ князей литовскихъ (Журн. Мин. Нар. Пр., 1907, IX—X).

Леонтовичъ Ѳ. И., Правоспособность литовско-русской шляхты (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1908, III, V—VII; 1909, II—III).

Леонтовичъ Ѳ. И., Литовскіе господари и центральные органы управленія до и послѣ Люблинской Уніи (Юридическія Записки, изд. Демидовскимъ Юридич. Лицеемъ, I, 1908).

Леонтовичъ Ѳ. И., Областное управленіе въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ до и послѣ Люблинской Уніи (тамъ же, II, 1908; III, 1909).

Леонтовичъ Ѳ. И., Вѣча, сеймы и сеймики въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ (Журн. Мин. Нар. Пр., 1910, II—III).

Леонтовичъ Ѳ. И., Центральныя судебныя учрежденія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ до и послѣ Люблинской Уніи (Журналъ Мин. Юст., 1910, II).

Леонтовичъ Ѳ. И., Областные суды въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ (тамъ же, 1910, X—XI).

Linde M. S. B., O Statucie Litewskim, ruskim językiem i drukiem wydanym, wiadomość. Warszawa, 1816.

Lukaszewicz J., Historya szkół w Koronie i w Wielkiem Księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794. Tomy I—IV (Poznań, 1849—1851).

Лучицкій И. В., Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи (Сѣверный Вѣстникъ, 1889, I).

Лучицкій И. В., Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи (Юридическій Вѣстникъ, 1890, I).

Любавскій М. К., Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута. Москва, 1892.

Любавскій М. К., Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1894, VIII).

Любавскій М. К., О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и XV в. (Изданія Московскаго Историческаго Общества, I, 1896).

Любавскій М. К., Литовско-Русскій сеймъ. Москва, 1901.

Любавскій М. К., Новые труды по исторіи литовско-русскаго сейма (Журн. Мин. Нар. Пр., 1903, II—III).

Любавскій М. К., Рецензія на книгу Довнаръ-Запольскаго «Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ» (Отчетъ о третьемъ присужденіи премін П. Н. Батюшкова. Петроградъ, 1907).

Любавскій М. К., Къ вопросу объ ограниченіи политическихъ правъ православныхъ князей, пановъ и шляхты въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ до Люблинской Уніи (Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. Москва, 1909).

Любавскій М. К., Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи включительно. Москва, 1910. Второе изданіе — Москва, 1915.

Макарій, митрополитъ, Исторія Русской церкви. Томъ IX. Петроградъ, 1879.
Максимейко Н. А., Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи 1569 г. Харьковъ, 1902.
Малиновскій І. А., Рада Великаго Княжества Литовскаго въ связи съ Боярскою Думою древней Россіи. Часть II, вып. I и II. Томскъ, 1904 и 1912.
Малиновскій І. А., Лекціи по исторіи русскаго права. Ростовъ на Дону, 1918.
Малышевскій И. И., Люблинскій съѣздъ 1569 года (Памятники русской старины въ Западныхъ губерніяхъ, изд. П. Н. Батюшковымъ, VIII. Петроградъ, 1885).
Maciejowski W. A., Pierwotne Dzieje Polski i Litwy zewnętrzne i wewnętrzne, z uwagą na ościenne kraje a mianowicie na Ruś, Węgry, Czechy i Niemcy. Warszawa, 1846.
Merzyński A., Źródła do mytologii litewskiej. Warszawa, 1892.
Merzyński A., Romowe. Poznań, 1900.
Молчановскій Н., Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года (Сборникъ сочиненій студентовъ Университета св. Владиміра, вып. VIII. Кіевъ, 1886).
Mossbach A., Początki unii lubelskiej, Poznań, 1872.
Мухлинскій А., Изслѣдованіе о литовскихъ татарахъ (Годовой торжественный актъ въ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Университетѣ. Петроградъ, 1857).
Narbutt T., Rys historyczny ludu cygańskiego. Wilno, 1830.
Narbutt T., Dzieje narodu litewskiego. Tomy I—IX. Wilno, 1835—1841.
Narbutt T., Pomniki do dziejów litewskich. Wilno, 1846.
Narbutt T., Dzieje narodu litewskiego w krótkości zebrane z dołączeniem potoku pochodzeń ludów narodu litewskiego i czterech tablic rodowych xiążąt litewskich. Wilno, 1847.
Narbutt T., Pomniejsze pisma historyczne, szczególnie do historyi Litwy odnoszące się. Wilno, 1856.
Новицкій И. П., Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкахъ (Архивъ Юго-Западной Россіи, часть VI, т. I. Кіевъ, 1876).
Нольде А. Э. баронъ, Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ при графѣ Сперанскомъ. Вып. I. Петроградъ, 1906.

Ольшамовскій Б. Г., Обязательность для Великаго Княжества Литовскаго конституцій вальныхъ сеймовъ бывшей Польской Рѣчи Посполитой въ связи съ вопросомъ о выморочности (кадукахъ) по польско-литовскому законодательству. Петроградъ, 1897.

Ольшамовскій Б. Г., Права по землевладѣнію въ Западномъ Краѣ. Петроградъ, 1899.

Papée F., Polska a Litwa na przełomie wieków średnich, t. I. Kraków, 1903.

Погодинъ А. Л., Изъ древнѣйшей исторіи литовскаго племени (Сборникъ статей по археологіи и этнографіи. Петроградъ, 1902).

Пичета В. И., Литовско-польскія уніи и отношеніе къ нимъ литовско-русской шляхты (Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому. Москва, 1909).

Пичета В. И., Аграрная реформа Сигизмунда Августа въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Ч. I. Москва, 1917.

Пичета В. И., Аграрная реформа Сигизмунта Августа и литовско-русская шляхта (Сборникъ статей въ честь М. К. Любавскаго. Петроградъ, 1917).

Порай-Кошицъ И., Историческій разсказъ о литовскомъ дворянствѣ. Петроградъ, 1858.

Prochaska A., Szkice historyczne z XV wieku. Kraków i Warszawa, 1884.

Prochaska A., Władyslaw Jagiełło. I—II. Kraków, 1908.

Пташицкій С. Л. Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики. Петроградъ, 1887.

Пташицкій С. Л., Къ исторіи литовскаго права послѣ Третьяго Статута (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1893, X, и отдѣльно — Петроградъ, 1893).

Пташицкій С. Л., Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута. Петроградъ, 1893.

Piekosiński F., Statut litewski. Część I. (Rozprawy Akad. Um., wydział hist.-filozof. Serya II, t. XIV. Kraków, 1900).

Semkowicz W., O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle r. 1413 (Miesięcznik Heraldyczny, 1913, IX—XII; 1914, I—II).

Semkowicz W., Braterstwo szlachty polskiej z bojarstwem litewskiem w unii horodelskiej 1413 (Litwa i Polska w rozwoju dziejowym. Kraków, 1915).

Smolka S., Rok 1386. Kraków, 1886.

Smolka S., Kiejstut i Jagiełło. Kraków, 1888 (Pamiętnik wydziału filol. i hist.-filozof. Akademii Um., VII).
Stadnicki K., Olgierd i Kiejstut. Lwów, 1870.
Stadnicki K., Synowie Gedymina. Lwów, 1881.
Стороженко Н. В., Западно-Русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. Кіевъ, 1888.
Тарановскій Ѳ. В., Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи (Варш. Унив. Извѣстія и отдѣльно), Варшава, 1897.
Totoraitis J., Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263. Freiburg, 1905.
Трачевскій А. С., Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ. Москва, 1869.
Турчиновичъ О., Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи. Петроградъ, 1857.
Устряловъ Н. Г., О системѣ прагматической русской исторіи. Петроградъ, 1836.
Устряловъ Н. Г., Изслѣдованіе вопроса, какое мѣсто въ русской исторіи должно занимать Великое Княжество Литовское. Петроградъ, 1839.
Филевичъ И. П., Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-волынское наслѣдіе. Петроградъ, 1890.
Харламповичъ К., Западно-Русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Казань, 1898.
Чарнецкій, Исторія Литовскаго Статута, съ объясненіемъ особенностей трехъ его редакцій и предварительнымъ обозрѣніемъ законодательныхъ памятниковъ, дѣйствовавшихъ въ Западной Россіи до изданія Статута (Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1866—1867).
Czacki T., O litewskich i polskich prawach. Warszawa, 1800—1801. Второе изданіе. — Dzieła Tadeusza Czackiego zebrane i wydane przez Hr. Edwarda Raczyńskiego (два первыхъ тома — Poznań, 1844). Третье изданіе — Biblioteka Polska, serya na rok 1861, zesz. 29 i 30. (Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego. W Krakowie. Nakładem Drukarni »Czasu«, 1861).
Czermak W., Parlamentaryzm litewski przed unją lubelską (Sprawozdania Ak. Um. Kraków, 1901).

Czermak W., Sprawa równouprawnienia schizmatyków i katolików na Litwie (1432—1563). Rozprawy Ak. Um., wydz. hist.-filoz., XLV.

Чистовичъ И. А., Очеркъ исторіи западно-русской церкви. I—II томы. Петроградъ, 1882—1884.

Jabłonowski A., Ziemia Wołyńska w połowie XVI wieku (Źródła Dziejowe, VI. Pisma — t. IV., Warszawa, 1911).

Jabłonowski A., Podlasie (Polska XVI wieku Źródła Dz., XVII.).

Jabłonowski A., Wołyń i Podole (Polska XVI. wieku. Źródła Dz., XIX).

Jabłonowski A., Ukraina (Polska XVI wieku. Źródła Dz., XX.—XXI.).

Jabłonowski A., Ludność rolnicza ziem ukrainnych (Pisma, t. I, Warszawa, 1910).

Jabłonowski A., Siabrowstwo, jako jedna z form rodowego posiadania ziemi w krainach litewsko-ruskich Rzeczypospolitej (Pisma, t. I).

Якубовскій И. Б., Земскіе привилеи Великаго Княжества Литовскаго (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1903, IV—V).

Jakubovski J., Studja nad stosunkami narodowościowemi na Litwie przed unją lubelską. Warszawa, 1912.

Jakubowski J., Z zagadnień unji polsko-litewskiej (Przegląd Historyczny, t. XXII).

Jakubowski J., Dzieje Litwy w zarysie (Bibl. Składnicy, nr. 2. Warszawa, 1921).

Jaroszewicz J., Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi, od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII. Części I—III. Wilno, 1844—1845.

Ясинскій М. Н., Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства. Кіевъ, 1889.

Ясинскій М. Н., Матеріалы для исторіи Луцкаго трибунала (Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, XIII).

Ясинскій М. Н., Луцкій трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція для Волынскаго, Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ въ послѣдней четверти XVI вѣка (тамъ же, XIV).

Ясинскій М. Н., Главный Литовскій трибуналъ. Выпускъ первый — Происхожденіе Главнаго Литовскаго трибунала. Кіевъ, 1901.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть вторая.